

Сахаров Андрей Николаевич

Сахаров Андрей Николаевич "Дипломатия Святослава" Москва, "Международные отношения", 1982 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Восточный поход Святослава	2
Обстановка на Балканах в середине 60-х годов X в.	5
Миссия Калокира	8
Еще раз о "Записке греческого топарха"	11
Тайный русско-византийский договор и дипломатия Руси в 967-968 годах	19
Дипломатия Святослава в период русско-византийской войны 970 - 971 годов	29
Создание антивизантийского союза.....	37
Русско-византийский договор 971 года	48
Заключение	60

Восточный поход Святослава

Военные предприятия [Святослава](#), согласно русской летописи, начались с его похода на Оку и Волгу в [964 году](#).

Для того чтобы понять истинный характер восточной политики древнерусского государства, определившийся к 60-м годам X в. следует еще раз обратиться к прежним восточным походам Руси, а также к русско-византийскому договору [944 года](#).

Каковы были результаты походов русских войск в Закавказье? Координируя свои действия с [Византийской империей](#), руссы неоднократно в [X веке](#) проникали в этот район, но к середине X века так и не смогли там закрепиться. Это объяснялось не только отдаленностью захваченных ими в Прикаспии территорий и враждебностью окружающего мусульманского населения, но и постоянно враждебным отношением к русскому движению на Восток [Хазарского каганата](#). Направляясь в Закавказье в [912 году](#), руссы были вынуждены просить [хазар](#) о пропуске их по Дону и Волге, а на обратном пути большая их часть погибла под ударами [хазар](#), [волжских булгар](#) и буртасов. Следующий поход ([945 г.](#)) руссы, учитывая враждебность к ним Хазарии и ее сателлитов на Оке и Волге, совершили в обход хазарской территории, по сухопутью через Северный Кавказ.

В условиях нараставших византийско-хазарских противоречий Русь все чаще берет на себя выполнение перед Византией военно-союзных функций, которые прежде отводились [Хазарии](#).

Одновременно шел процесс освобождения Киевским государством восточнославянских земель из-под ига [хазар](#). Первое свидетельство на этот счет относится ко времени Олега, когда, согласно “[Повести временных лет](#)”, он направил посольство к радимичам и потребовал от них прекращения уплаты дани хазарам (“Не дайте козаромъ, но мне дайте”).

Русско-византийский договор [944 года](#) более четко определил внешнеполитические позиции Руси. По этому договору Русь “официально” заступила место Хазарии как союзника Византии на северных берегах Черного моря. Более того, союз империи и древнерусского государства был направлен в первую очередь против [Хазарии](#), исконного противника Руси, ставшего здесь и врагом [Византии](#).

Однако отношения между новыми союзниками были проникнуты противоречиями. Осуществлять успешную борьбу с противниками [Византии](#) в Закавказье, а также в Северном Причерноморье Русь могла, лишь имея определенные плацдармы в районах Северного Причерноморья. Более того, именно захват таких плацдармов и делал ее стратегическим союзником империи, вынуждал [Византии](#) делить с Русью сферы влияния в этом регионе, используя ее военные силы в своих интересах. Договор [944 года](#) показал, что [Византия](#) по существу согласилась с превращением устья Днепра, а также Белобережья, острова Святого Елферия в русскую сферу влияния, ограничив лишь время пребывания [руссов](#) в этом районе.

Овладела Русь и ключевыми позициями в районе Восточного Крыма. Лев Дьякон числил Боспор Киммерийский русским уже во времена [Игоря](#). Так, византийские владения в Крыму были окружены русскими форпостами с севера, востока и запада. Одновременно русские владения вплотную подошли к [хазарским](#) границам.

Таково было состояние русско – хазаро - византийских отношений в середине [X века](#).

Гибель [Игоря](#), восстание древлян, внутренние реформы, проведенные Ольгой, временно затормозили дальнейшее расширение древнерусского государства к югу и востоку. К тому же необходимо иметь в виду и охлаждение русско-византийских отношений в конце 50-х годов. Но уже в начале 60-х годов русские вспомогательные отряды вновь появляются в составе греческой армии, воюющей против арабов, а в [964 году](#), когда войско [Святослава](#) двинулось на Оку и Волгу, русский отряд дрался в составе византийского десанта с сицилийскими арабами.

В этой связи сообщение “[Повести временных лет](#)” о появлении Святослава в земле вятичей, на наш взгляд, выглядит вполне убедительным. Налицо реализация русско-византийского

договора [944 года](#): русские воины сражаются против врагов империи - арабов; киевский князь наносит первый ощутимый удар по [Хазарии](#), освобождает из-под ее владычества восточнославянское племя вятичей. При такой четкой расстановке сил вряд ли можно как это сделал А. А. Шахматов, говорить о случайной встрече [Святослава](#) с [вятичами](#). В летописи не сказано, что уже в 964 году Святослав воевал с [вятичами](#). Летописец лишь констатирует факт появления [Святослава](#) в землях [вятичей](#) - на Оке и Волге и рассказывает о состоявшихся переговорах: “И рече (Святослав. — А. С.) вятичемъ: "Кому дань даете?" Они же реша: "Козаромъ по щельгу от рала даемъ"". На этом история действий [Святослава](#) в окско-волжских лесах заканчивается, а далее летопись сообщает под 965 год, что “иде Святославъ на козары”. Таким образом, на Оке и Волге киевское войско провело около года. Летописец не сообщает о том, что в действительности произошло за этот год в здешних местах.

И здесь мы должны обратиться к сведениям Ибн-Хаукаля, который определенно сообщает, что во время своего восточного похода [Святослав](#) нанес удар по землям волжских булгар и бургасов.

Итак, [Святослав](#) прошел земли вятичей и обрушился на владения давних союзников Хазарии — волжских булгар и бургасов. Причем источники не дают нам основания полагать, что [Святослав](#) осуществил во время этого похода завоевание вятичей. Летописец лишь сообщает о проходе киевского войска через их земли. Не исключено, что в это время, когда главной целью [Святослава](#) было нанесение удара по [Хазарии](#) и ее сателлитам, он не подчинил вятичей, то есть еще не обложил их данью.

В [965 году](#), как сообщают русская летопись, а также Ибн-Хаукаль, [Святослав](#) нанес удар по Хазарскому каганату, Северному Кавказу и вышел к Семендеру. М. В. Левченко и В. Т. Пашуто считают, что руссы спустились по Волге до Итиля, взяли его, затем двинулись в Семендер и лишь затем, возвращаясь, подчинили себе земли ясов (асиев, алан) и касогов, а на последнем этапе похода разгромили Саркел – Белую Вежу, хазарскую крепость на Дону. Однако следует обратить внимание, как о борьбе с [Хазарией](#) сообщают русский летописец и Ибн-Хаукаль. И тот и другой излагают событие в несколько иной последовательности. “[Повесть временных лет](#)” говорит, что после прохода по окско-волжскому району [Святослав](#) ударил по [Хазарии](#), встретился с основными силами кагана, разгромил их и взял Белую Вежу, то есть основной удар после похода на Волгу был нанесен по течению Дона и лишь затем, сообщает летопись, [руссы](#) двинулись на ясов и касогов. Ибн-Хаукаль также неизменно связывает разорение [руссами](#) земель [булгар](#) и бургасов с ударом по Хазарии. А это значит, что после прохода по Оке и Волге Святослав не ушел на Каспий и Северный Кавказ, а прежде всего, осуществил основную цель восточного похода – разгромил [Хазарский каганат](#). И лишь затем он двинулся на Северный Кавказ и далее к Семендеру, но это было уже тогда, когда основное предприятие оказалось осуществленным, когда в тылу у руссов не оставалось нетронутых завоеванием основных владений кагана.

Поход на Семендер явился лишь данью традиционным русским устремлениям на Каспий; он был быстротечен: руссы разорили Семендер, сожгли его богатые виноградники. Мы не видим здесь политических расчетов прежних лет и напряженной борьбы с мусульманскими владетелями Закавказья — врагами [Византийской империи](#). Не Закавказье, не Семендер на этот раз были главной целью киевского войска, а Поволжье, [Хазария](#), и, думается, летописец совершенно справедливо уловил основной смысл восточного похода [Святослава](#), сконцентрировав внимание на битве с войском кагана и на взятии старинного антирусского форпоста на Дону — Саркела.

Поэтому следует подчеркнуть, что новый восточный поход руссов при неизменности своего географического направления решал в значительной степени иные задачи, нежели прежние походы руссов на Восток. И в этом смысле положение о преемственности восточной политики Святослава требует известных коррективов.

Об ином содержании похода [Святослава](#), отличном от походов времен [Игоря](#), говорит и уже отмеченное исследователями желание руссов основательно закрепиться на завоеванной территории. В этом смысле Святослав стремился, но в более широких масштабах, повторить

опыт овладения Бердаа в [945 году](#), когда руссы попытались установить новый прочный порядок на захваченной территории и ввести свою систему управления.

На этот раз объектом таких действий стали не прикаспийские территории, к которым [Святослав](#) выказал определенное равнодушие, а Поволжье и Приазовье, то есть коренные земли [Хазарского каганата](#). Именно эти районы руссы попытались закрепить за собой. Если в Семендере они и оставили что-нибудь нетронутым, так “только лист на стебле”, то в Поволжье и Приазовье политика [Святослава](#) была иной. Русская летопись отмечает, что Святослав разгромил войско кагана и взял Саркел. Ибн-Хаукаль рассказывает, что руссы захватили [хазар](#), [булгар](#) и буртасов и жители поначалу разбежались в разные стороны, но они стремились остаться по соседству со своими областями, а затем большинство из них вернулось в Итиль и Хазаран, а это значит, что не все районы [Хазарии](#) испытали участь Саркела, который, как показывают археологические данные, был до основания разрушен руссами. Жители Поволжья и Приазовья просили, чтобы с ними заключили договор, и они бы покорились руссам. Конечно, этих сведений источников явно недостаточно для того, чтобы сделать определенные выводы о политике [Святослава](#) в крае, но они удивительно напоминают описание действий руссов в Бердаа. “Единственно, чего мы желаем, это власти”, - заявили тогда руссы жителям города, успокаивая их и убеждая в своей веротерпимости. Здесь речь идет также об установлении в крае нового порядка, утверждении власти Киева, нормализации отношений с жителями, а точнее, видимо, с признавшей власть Руси верхушкой [Хазарии](#) и [Булгарии](#) при помощи договора, определившего характер русской власти.

Все это говорит о том, что [Святослав](#) не только сокрушил [Хазарский каганат](#) в военном отношении, но и попытался закрепить за собой рядом чисто политических мер завоеванные территории, возможно, поставить ослабевшую [Хазарию](#) в вассальную от себя зависимость.

Так в результате похода [964 - 965 годов](#) Русь не только нанесла жестокий удар по своим противникам на Востоке и Юго-Востоке, но и попыталась закрепиться в районе междуречья Волги и Дона. Если учесть, что к этому времени Русь имела прочные позиции в Боспоре Киммерийском, то становится очевидным все более возрастающее влияние Киева в районе Северного Причерноморья.

Необходимо сказать несколько слов о взаимоотношениях [Святослава](#) с ясами и касогами.

“[Повесть временных лет](#)” и “Летописец Переяславля–Суздальского” сообщают, что после разгрома [Хазарии](#) Святослав “победи” ясов и касогов. Устюжская летопись уточняет, что он после победы над ними “приде в Киев”. И лишь Новгородская летопись совершенно иначе освещает эти события: она сообщает, что после победы над ясами и касогами Святослав их “приводе Кыеву”. Эту версию Новгородской I летописи поддержал в дальнейшем В. Н. Татищев, но пояснил, что северокавказских жителей [Святослав](#) привел в Киев “на поселение”. Иных сведений на этот счет у нас нет. Поэтому приходится строить вывод на этом единичном, весьма кратком упоминании, тем более что между словами “приде” и “приводе” много общего, и здесь, как это нередко случалось, возможна описка. И все же, учитывая имевший прежде место союз между аланами (ясами) и Русью во время восточного похода руссов на Бердаа, сокрушение [Хазарии](#) - противника алан, а также попытку урегулировать свои отношения с населением захваченных районов при помощи политических мер, можно предположить, что в преддверии ожидаемого похода на Дунай [Святослав](#) мог привести с собой в Киев не поселенцев, а отряды ясов и касогов. Дальнейшие события показали, как тщательно подходил он к балканской кампании, обеспечив себе поддержку угров, печенегов, а во время русско-византийской войны — и [болгар](#).

В период восточного похода Святослава Византия хранила полное молчание. А это, очевидно, значит, что, предпринимая поход на Восток, и прежде всего против [Хазарского каганата](#), [Святослав](#) имел за спиной благожелательный нейтралитет империи, считавшей со времен Романа I Лакапина, и особенно Константина VII, каганат одним из своих противников в Северном Причерноморье.

Таким образом, восточный поход [Святослава](#) был предпринят с учетом сложившейся к тому времени международной обстановки, опирался на статьи договора [944 года](#) о военном союзе между Русью и [Византией](#). Сквозь бедные сведения источников все же просматриваются контуры дипломатических шагов, с помощью которых [Святослав](#) стремился облегчить проведение военных операций, прочно овладеть захваченными территориями. С этой целью он, как нам представляется, не стал подчинять вятичей власти Киева, проходя через их земли в [964 году](#), организовал управление в Поволжье и Приазовье на основе договора с местным населением и предположительно же вступил в военный союз с ясами и касогами, привел их отряды в район Киева. Лишь после этого пришло время для покорения вятичей.

“[Повесть временных лет](#)” сообщает о том, что в [966 году](#) “вятичи победи Святославъ, и дань на нихъ възложи”.

Со времен В. Н. Татищева в отечественной историографии сложилось мнение, что это был второй поход на [вятичей](#), которые были покорены еще в [964 году](#), затем, после ухода [Святослава](#) в [Хазарию](#) и на Северный Кавказ, восстали и были наказаны по заслугам в [966 году](#).

С этим можно было бы согласиться, если бы были данные о том, что в [964 году](#) [Святослав](#) действительно покорил [вятичей](#). Однако в источниках нет даже намека на это. Вслед за известной фразой “Хочю на вы ити...” идет рассказ о вполне мирной встрече Святослава с вятичами, и лишь потом сообщается о его военном нападении на [хазар](#).

Подобная последовательность событий, изложенных в летописи, говорит лишь о том, что никакого похода Святослава против [вятичей](#) в [964 году](#) не было. В преддверии предстоявших боев с буртасами, [булгарами](#) и [хазарами](#) большую важность представляли для него спокойный, дружелюбный вятичский тыл, наличие благоприятных политических условий. После победоносного похода на Восток судьба вятичей была решена, и это самое восточное из славянских племен подчинилось Киеву. На [вятичей](#) была возложена дань, как ранее на [древлян](#), [радимичей](#) и другие [восточнославянские племена](#).

Обстановка на Балканах в середине 60-х годов X в.

В то время как [Святослав](#) воевал на Востоке и пытался закрепить за собой захваченные земли Приазовья и Поволжье, на Балканах назревали события, которые имели прямое отношение к утверждению Руси в восточной части Северного Причерноморья.

В [966 году](#) между [Византией](#) и [Болгарией](#) разгорелся конфликт, причина которого по-разному трактуется в источниках.

Настоящие причины болгаро-византийского конфликта кроются во всем строе отношений Византии и [Болгарии](#) в середине [X века](#), а также во взаимоотношениях Болгарии с Русью. В балкано-черноморском треугольнике [Византия](#) - [Болгария](#) - Русь мы и должны искать истоки обострения отношений [Болгарии](#) с империей к середине [60-х годов X в.](#)

Долгий и кровавый конфликт между [Византией](#) и Болгарией был прекращен после смерти неистового воителя, ненавистника Константинополя — царя Симеона. Болгаро-византийский договор [927 года](#) положил начало мирной полосе в отношениях между двумя государствами. Внучка Романа I Лакапина Мария, ставшая женой болгарского царя Петра, отправилась в Преславу. Империя обязалась по-прежнему выплачивать дань [Болгарии](#), которая на сей раз была облечена в форму выплаты на содержание византийской принцессы.

Однако эти мирные отношения не устранили глубоких противоречий между [Византией](#) и Болгарией, существовавших долгие десятилетия. [Болгарское царство](#) по-прежнему оставалось для Византии опасным противником на Балканах, и основной целью византийской политики в этом регионе являлось дальнейшее ослабление [Болгарии](#). Эту точку зрения, за исключением, пожалуй, болгарского историка Н. П. Благоева, считавшего, что с [927](#) по 967 год отношения двух государств были дружественными, отразили в своих трудах многие исследователи, в том числе болгарские ученые М. Д. Дринов и В. Н. Златарский, советские историки М. Н. Тихомиров и М. В. Левченко, англичанин А. Стоукс. Они отметили, что, сохраняя внешне дружественные отношения с [Болгарией](#), [Византийская империя](#) с каждым десятилетием приносила в эти

отношения все большую долю диктата, все больше вмешивалась во внутренние дела Болгарии, поддерживая провизантийскую партию при болгарском дворе, в возрастающих масштабах осуществляя свое влияние в Преславе.

Этому процессу способствовало военное усиление [Византии](#) со второй половины [X века](#) и одновременное экономическое и политическое ослабление Болгарии. Византия 50—60-х годов уже мало напоминала империю Льва VI, которая сгибалась под одновременным военным напором арабов, Симеона Великого, Руси. Арабский халифат вступил в полосу феодальной раздробленности и не представлял собой прежней силы, Русь была замирена договором [944 года](#) и стала союзником империи.

К 60-м годам X в. Византия обладала превосходной армией, ядро которой составляли закованные в броню всадники; Никифор Фока перешел к активному наступлению на арабов. Он отвоевал у них Кипр, захватил ряд крепостей в Киликии, отказался платить дань сицилийским арабам и, хотя потерпел фиаско в попытках овладеть Сицилией, предпринял во второй половине 60-х годов мощное наступление в Сирии.

[Болгария](#), напротив, вступила в пору тяжелого кризиса, вызванного, как это показали ученые-марксисты, началом феодальной раздробленности страны. Развитие боярского землевладения содействовало появлению политического сепаратизма, приводило к обнищанию крестьянских масс, созреванию в народной среде оппозиционных настроений, вылившихся, в частности, в движение богомилов. В связи с этими процессами внутреннее состояние [Болгарии](#) становилось крайне неустойчивым. Правительство Петра – Сурсувула стремилось вести [Болгарию](#) в фарватере византийской политики. Болгарская правящая верхушка привязала страну к византийской внешней политике, являлась проводником византийского церковно-политического и культурного влияния. Крутой поворот произошел в отношениях между [Болгарией](#) и Русью. Если в период правления Симеона Русь и [Болгария](#) не раз почти одновременно выступали против империи, а после русско-византийского договора [907 года](#) Русь сохраняла нейтралитет в ходе борьбы между Византией и Болгарией, то события [941 -944 годов](#) показывают, что [Болгария](#) помогала империи против Руси в начавшемся русско-византийском конфликте. Это выразилось, в частности, в том, что болгары предупредили Константинополь о русском нашествии.

Однако нет оснований полагать, что провизантийскую политическую линию Петра – Сурсувула, обозначившуюся с конца 20-х годов [X в.](#), целиком поддерживали правящие круги страны. Что касается настроений народных масс, то едва ли будет ошибочным предположить, что длительные войны [Болгарии](#) с [Византией](#), давние экономические и культурные связи [Болгарии](#) с Русью способствовали тому, что в болгарском обществе сильны были антивизантийские и прорусские настроения. Это ярко проявилось во время событий на Балканах на рубеже 70-х годов X в.

Антивизантийская политика, проводившаяся Симеоном и его сподвижниками, оставила свои следы, и, кроме того, не ушли с политической арены [Болгарии](#) люди, ее осуществлявшие. Развитию антивизантийских тенденций в стране способствовали также постоянные расхождения экономических и политических интересов двух феодальных государств. И не случайно уже с момента своего появления новая линия болгарского правительства встретила активное сопротивление боярской знати, сподвижников Симеона. Это сопротивление нарастало по мере усиления политического сепаратизма, феодальной раздробленности страны.

Сначала против Петра выступили его братья. Во главе заговора стояли вельможи, проникнутые идеями покойного царя и недовольные политикой его преемника. В 931 году началось восстание в [Сербии](#), которой управлял ставленник Симеона — Чеслав. Феодальные смуты потрясли страну.

Таким образом, уже в применении к этому времени было бы неверным говорить о политически единой [Болгарии](#), о единой болгарской внешней политике. В среде господствовавшей верхушки складывались различные группировки, позиции которых укреплялись по мере того, как развивалось феодальное землевладение, а центральная власть ослабевала. Осуществление правительством Петра провизантийской линии встречало скрытое или явное сопротивление, имевшее прочные корни среди народа и части боярства.

В Константинополе внимательно следили за этими процессами и всячески поощряли политические распри в [Болгарии](#), совершая, на первый взгляд, парадоксальные шаги. Греки тайно поддерживали антиправительственные выступления Симеоновых сыновей против старшего брата, вполне лояльного империи. Поддержку со стороны империи нашел и сербский правитель Чеслав: Византия способствовала отделению [Сербии](#) от [Болгарии](#).

Истинное отношение греков к [Болгарии](#) тех лет выражено в труде Константина Багрянородного “Об управлении государством”, где он назвал болгар “богомерзким народом”. Он преподал своему сыну и преемнику наставления, каким образом можно вредить [Болгарии](#). Столь же негативные оценки получили в этом сочинении другие явные или потенциальные противники империи, и среди них в первую очередь Русь, [Хазария](#), угры. Тем самым Константин VII как бы обозначил ряд государств, с которыми [Византии](#) надлежало вести неустанную борьбу.

В Киеве также внимательно наблюдали за эволюцией болгарской политики, и реакция на эту перемену была самая острая. В [944 году](#), по свидетельству “[Повести временных лет](#)”, [Игорь](#), заключив перемирие с Византией, “поволе печенегомъ воевати Болъгарьску землю”. Таков был ответ Руси на враждебные действия [Болгарии](#) во время русско-византийской войны 941—944 годов.

Этот факт определенно отражает новые отношения Руси и [Болгарии](#). Вместо прежнего дружественного государства Русь в 30 - 40-х годах [X в.](#) столкнулась с враждебной провизантийской политикой слабеющей, но еще достаточно сильной балканской державы, которая испокон веков контролировала русские торговые пути вдоль западного берега Черного моря через низовые дунайские города вплоть до византийской границы. Объединение [Болгарии](#) с печенегами могло представить серьезную опасность для Руси с юго-запада, поставить под вопрос существование русских форпостов в устье Днепра, на Белобережье.

Естественно, что киевское правительство должно было поддержать любые антиправительственные, антивизантийские действия определенной части болгарской знати. Но, повторяем, от тех лет у нас нет об этом иных свидетельств, кроме факта враждебных действий [Болгарии](#) по отношению к Руси в [941-944 годах](#).

Политику [Византии](#), [Болгарии](#) и Руси на Балканах и в Подунавье во многом определял венгерский фактор. В 30—50-х годах [X в.](#) угры вели длительную и упорную борьбу с [Византийской империей](#). Византийские хронисты — продолжатель Феофана, продолжатель Георгия Амартола, Лев Дьякон и др. сообщают о походах угров на Константинополь в [934 - 959 годах](#), об их набегах на Фессалию в 943—961 годах и об их ударах по союзной Византии [Болгарии](#) в 961—970 годах. Вслед за византийцами об этом же говорит и “Повесть временных лет”. Русский летописец сообщил о первом приходе угров под Царьград в [934 году](#), о захвате ими Фракии и об их нападении на столицу империи в [943 году](#), в период русско-византийской войны. Обращает на себя внимание антивизантийская активность угров именно в период обострения русско-византийских отношений со второй половины 30 - первой половины 40-х годов [X в.](#) Так Русь взамен потерянного традиционного союзника в борьбе с [Византией](#) — [Болгарии](#) приобрела нового потенциального союзника в лице угров. Мы не можем определенно сказать, что в начале 40-х годов [X в.](#) существовал военный союз между Русью и венгерскими вождями, но факт почти одновременного похода на Константинополь угров ([943 г.](#)) и [Игоря](#) (944 г.) заслуживает внимания, особенно если учесть, что применительно к последней дате мы имеем первое в летописи известие о выступлении русского войска в поход совместно с союзниками — [печенегами](#).

Идя на [Византию](#), угры неизменно проходили по территории [Болгарии](#). Болгарское правительство пыталось препятствовать этому, о чем, в частности, говорит попытка Болгарии заключить против угров союз с германским королем Оттоном I. В этом же году стремление угров направить свою экспансию на Запад натолкнулось на сопротивление германского государства. Оттон I разгромил венгерское войско на Лехском поле у Аугсбурга, после чего венгерские вожди с еще большей энергией повели наступление на Балканском полуострове. В результате правительство Болгарии заключило с венгерскими вождями договор, обеспечивающий уграм про-

ход по территории Болгарии к границам Византии при условии мирного отношения к болгарскому населению.

Такими мы и застаем венгеро – болгаро – византийские отношения в тот момент, когда, согласно сообщению Скилицы, Никифор Фока потребовал от царя Петра воспрепятствовать военным рейдам угров к югу от Дуная. Он, как свидетельствует Скилица, “направил болгарскому царю Петру письмо, чтобы тот не разрешал туркам (уграм.-А. С.) переправляться через Истр (Дунай. - А. С.) и причинять вред ромеям. Поскольку Петр не обращал внимания на эту просьбу и всячески обманывал греков, Никифор...” — и далее следует история о посылке патрикия Калокира к [Святославу](#), с тем чтобы побудить его выступить против [Болгарии](#).

По поводу этой записи в историографии высказывались различные мнения. Одни историки считали, что угры действовали заодно с болгарами, другие полагали, что у Болгарии просто не хватало сил препятствовать венгерским рейдам. И лишь не было сделано предположения о том, что политика Болгарии в отношениях с уграми была столь же неустойчивой и противоречивой, сколь противоречивым и неустойчивым было состояние ее центральной власти, допускающей постоянные колебания, раздираемой борьбой про- и антивизантийских группировок. К тому же к середине 60-х годов все более очевидной становилась глубина антиболгарской политики империи, стремившейся раз и навсегда покончить с уже надломленным врагом. В этих условиях определенные круги [Болгарии](#) не могли отказаться от антивизантийских действий и, видимо, способствовали венгерским рейдам. Мы хотим обратить внимание на то, в каком тоне передал Скилица историю конфликта. Он указал, что Петр не обращал внимания на требования константинопольского двора, обманывал греков. В то же время с середины 60-х годов не отмечено враждебных действий угров в отношении самих болгар. Вывод здесь может быть только один: политика [Болгарии](#) в отношении давнего венгеро-византийского конфликта была непоследовательной, противоречивой, испытывавшей на себе влияние различных группировок в болгарской правящей верхушке.

Кроме того, мы имеем сообщение Яхьи Антиохийского о том, что болгары, воспользовавшись отвлечением византийских сил на сирийский фронт, опустошили окраины византийских владений. Этот факт указывает на определенные антивизантийские настроения, которые, видимо, временами брали верх в Преславе. И здесь мы не видим единой линии в болгарской политике, о которой писали Дринов и Благоев.

Для более полной характеристики отношений между [Византией](#) и [Болгарией](#) 60-х годов необходимо иметь в виду и факт политического наступления империи на Преславу после смерти царицы Марии. Когда Петр попытался возобновить мирный договор [927 года](#), греки согласились на это при двух условиях: если сыновья Петра Борис и Роман явятся в Константинополь в качестве заложников и если [Болгария](#) обязуется не пропускать угров через свою территорию к границам [Византии](#).

Выставленные греками условия показывают всю степень недоверия и ненависти, которую питали правящие круги [Византии](#) к [Болгарскому царству](#). Отражают они и новое соотношение сил между старыми соперниками: теперь Византия открыто диктовала свою волю ослабевшему противнику. Вопрос заключался в том, когда и при каких обстоятельствах империя нанесет [Болгарию](#) решающий удар.

Миссия Калокира

Открытый разрыв мирных отношений между двумя странами произошел в [966 году](#). Болгарское посольство, явившееся в Константинополь за данью, было с позором изгнано из страны. Скилица и Зонара считают, что поводом к разрыву отношений явилось невыполнение болгарским правительством обязательства препятствовать венгерским набегам на Византию. Вслед за этими событиями Никифор Фока направляет сына херсонесского стратига Калокира к [Святославу](#) с тем, чтобы побудить его к выступлению против [Болгарии](#).

Лев Дьякон писал, что Никифор Фока заявил послам: “Ужасное постигло бедствие ромеев, если они, победители всех неприятелей, должны теперь платить дань, как невольники, бед-

ному и гнусному народу скифскому”. Эта характеристика болгар, которые, как и [руссы](#), названы “[народом скифским](#)”, вполне соответствует отношению к ним Константина VII и еще раз говорит о том, что византийский хронист постарался, видимо, реально отразить общее враждебное отношение к [Болгарии](#), господствовавшее в византийских правящих кругах в середине 60-х годов [X в.](#), и, конечно, усилившееся в период правления [Василия Болгаробойцы](#), при котором создавал свою “Историю” Лев Дьякон.

Император двинул войска к болгарской границе, на пути овладел всеми пограничными городами, а потом повернул вспять, так как опасался воевать в малодоступных и незнакомых местах. Пройти через Балканы Никифор Фока не решился. Византийский император почтил достоинством патрикия Калокира и направил его к [Святославу](#), “чтобы он, раздавши тысячу пятьсот фунтов (15 кентинариев) врученного ему золота, привел их ([руссов](#). - А. С.) в землю мисян для ее завоевания”. Тот поспешно отправился в путь, явился к русскому князю, “подкупил его дарами, очаровал лестными словами” и убедил выступить против болгар с великою ратью с тем условием, чтобы, “покоривши их”, удержать их страну “в собственной власти”, а ему содействовать в завоевании [Византийской империи](#) и получении престола. В свою очередь Калокир якобы обещал [Святославу](#) предоставить за это “великие, бесчисленные сокровища из казны государственной”.

Скилица отметил, что Калокир был послан с богатыми дарами, чтобы заставить [Святослава](#) выступить против “мисян”. А в это время Никифор Фока включился в борьбу с арабами: отослал флот в Сицилию, а сам во главе сухопутной армии ушел в Сирию и осадил Антиохию.

Так была создана версия о том, что Калокир побудил Русь начать войну против Болгарии, с тем, чтобы сокрушить болгар русскими руками, о дальнейшем просчете Никифора Фоки, пригласившего руссов в [Болгарию](#), о попытке исправить допущенную ошибку и т. д. Долгое время, как мы видели, именно эта точка зрения, сформулированная византийскими хронистами, а потом перекочевавшая в Никоновскую летопись, в “Историю” В. Н. Татищева и другие исторические труды, как в России, так и за рубежом, была основополагающей.

Однако позднее В. Н. Златарский, М. Н. Тихомиров, М. В. Левченко, В. Т. Пашуто, А. Стоукс, советские и болгарские авторы обобщающих трудов по истории [Болгарии](#) высказали иную мысль: сын херсонесского стратига должен был предотвратить натиск Святослава в районе Северного Причерноморья, в первую очередь отвлечь его от византийских владений в Крыму; взамен этого империя согласилась не препятствовать [Святославу](#) в его попытках овладеть Нижним Подунавьем. Ф. И. Успенский даже считал, что это была попытка направить Болгарию против Руси и тем самым обеспечить себе свободу рук в борьбе с арабами.

Для ответа на вопрос, в чем же был смысл миссии Калокира, необходимо уже в свете развивающегося болгаро-византийского и венгеро-византийского противоборства обратиться к событиям в Северном Причерноморье и напомнить известный факт, исходя из которого ученые и высказывают мысль о том, что главной заботой империи в 966 – 967 годах было во что бы то ни стало оградить Крым от русского натиска. Мы имеем в виду сообщение Яхьи Антиохийского.

Арабский хронист записал, что византийский император отправился походом на болгар “и поразил их и заключил мир с [руссами](#) - а были они в войне с ним — и условился с ними воевать болгар и напасть на них”.

В этом сообщении по существу изложена та же канва событий, что и в византийских хрониках: говорится о походе Никифора Фоки против болгар, о его победах над ними о заключении с Русью договора, допускающего появление русского войска в [Болгарии](#). Лишь одну новую деталь сообщает арабский автор — о войне Руси и [Византии](#) в этот период, о заключении между ними мира, одним из условий которого явилось согласие Руси напасть на [Болгарию](#). Анализ источников показывает, что это сообщение арабского автора не является единственным. Оно подкрепляется рядом других исторических фактов.

Прежде всего, мы обращаемся к русско-византийскому договору [971 года](#), в котором от имени [Святослава](#) записано: “Яко николи же помышлю на страну вашу, ни собираю вой, ни

языка иного приведу на страну вашу и елико есть подъ властью гречьскою, ни на власть корсунскую и елико есть городовъ ихъ, ни на страну болгарьску”. Здесь четко определены три страны, на которые Святослав обязался не нападать впредь: владения непосредственно Византийской империи, Херсонес, [Болгария](#). Как известно, и с [Византией](#) и с Болгарией Русь в исследуемый период действительно вела войны. Но как объяснить обязательство, касающееся Херсонеса? Эта крымская колония империи стояла в одном ряду с Византией и [Болгарией](#), хотя византийские хронисты молчат о войне [Святослава](#) против Херсонеса и о конфликте по этому поводу между Византией и Русью. Нельзя здесь пренебрегать и сообщением весьма осведомленного автора Летописца Переяславля–Суздальского, который, говоря об окончании балканской кампании [Святослава](#) и заключении русско-византийского мира, отметил, что русский князь заключил мир “съ цари греческими и съ корсунци кляхся и оутвердихъ”. Как видим, из всего известного ему договора [971 года](#) автор этого летописного свода взял основное сообщение — о мире Руси с [Византией](#) и Херсонесом. Думается, что такой выбор не случаен. В подтексте этого сообщения заключена мысль о военных действиях, имевших место между Русью и Херсонесом.

Еще один многозначительный факт. Лев Дьякон в своей “Истории” трижды упоминает Боспор Киммерийский, то есть район нынешней Керчи, где якобы давно закрепились руссы. Так, в первом случае, рассказывая о переговорах послов Иоанна Цимисхия со [Святославом](#), он сообщает о заявлении греков, “чтобы он ([Святослав](#) -А. С.), получив обещанную Никифором награду по случаю похода против мисян, возвратился в свои области, к Киммерийскому Боспору”.

Вспоминая неудачный поход [Игоря](#) на [Византию](#), Лев Дьякон записал, что [Игорь](#) бежал в Боспор Киммерийский. И еще раз Лев Дьякон возвращается к мысли о принадлежности Таманского полуострова Руси. Сообщив о подготовке Цимисхия к борьбе со [Святославом](#) в [971 году](#), хронист записал, что император приступил к созданию флота, который бы блокировал руссов в Доростоле со стороны Дуная и не позволил бы им уйти “в свое отечество к Киммерийскому Боспору”.

В понимании греческого историка Боспор Киммерийский находился под контролем Руси уже с конца 30-х начала 40-х годов [X в.](#), а применительно к 60-м годам Лев Дьякон вообще называет Таманский полуостров “областью”, “отечеством” руссов. Таким образом, владения Руси подошли вплотную к крымским владениям [Византии](#).

Мы не можем не связать такого укрепления Руси в восточной части Крыма с ее успехами в борьбе с [Хазарией](#) и на Северном Кавказе, с попыткой прочно утвердиться в захваченном районе.

Аналогичная ситуация складывалась и на Западе. Следует напомнить, что, согласно русско-византийскому договору [944 года](#), Русь обязалась не зимовать в устье Днепра, на Белобережье, хотя империя и согласилась признать этот район сферой влияния Руси. Византия противодействовала созданию русских военных форпостов на Черноморском побережье, откуда руссы могли, как совершать набеги в районы Крыма, так и готовить новые походы на Балканы и Византию. Однако, как показало дальнейшее развитие событий, эта статья договора 944 года была Русью со временем нарушена. Ее не удовлетворило компромиссное решение вопроса о днепровском устье — разрешение оставаться здесь лишь до зимы.

Рассказывая о последнем этапе балканской кампании Святослава, автор “Повести временных лет” записал, что на обратном пути из Доростола ранней осенью [971 года](#) [Святослав](#) узнал, что печенег заступили днепровские пороги, и принял решение перезимовать на Белобережье. Во время зимовки русское войско жестоко страдало от голода; летописец сообщает, что “бе гладь великъ, яко по полугривне глава коняча”. Возникает вопрос о том, где мог зимовать Святослав, у кого он мог покупать для своих воинов по полугривне конскую голову. Думается, что к этому времени на Белобережье уже находились русские поселения, в которых и нашли приют воины [Святослава](#). А это значит, что не временные летние находники обитали в здешних местах, как об этом говорил договор [944 года](#), а располагались те самые форпосты, против которых направляли свои дипломатические усилия в [944 году](#) византийские политики. Таким образом, и с Востока, и с Запада, и с Севера русские владения прочным кольцом окружали визан-

тийские колонии в Крыму. В этих условиях военный конфликт с Херсонесом и нарушение русско-византийского договора 944 года были более чем вероятны и сведения Яхьи Антиохийского, как представляется, основываются на вполне реальной политической ситуации в этом районе.

Еще раз о “Записке греческого топарха”

В связи с постановкой вопроса о положении в Северном Причерноморье, на наш взгляд, целесообразно еще раз вернуться к многократно исследованной так называемой “Записке греческого топарха”.

Эта “Записка”, как показал ее первый публикатор К. Б. Газе, представляет собой отрывки, написанные на пустых страницах одного византийского кодекса X века. Они выглядят как черновые наброски и по палеографическим данным относятся, самое позднее, к началу XI века. Их автор – образованный византиец, особенно ярко это проявляется в тех местах рукописи, где он характеризует византийское “цивилизованное” общество и общество “варварское”. Отечественный публикатор и комментатор “Записки” В. Г. Васильевский считал ее автора участником “или даже виновником” событий.

В первом отрывке говорится о возвращении топарха, стоящего во главе отряда и обоза, поздней осенью из какой-то поездки. Отряд в ладьях и на лошадях возвращался с чужбины на родину. Путь его лежал вниз по Днепру. Отряд дошел до устья Днепра, затем совершил переправу на другой берег и пришел в селение Борион, а там надолго был задержан зимними выюгами и холодами. Жители селения приветливо встретили путников. Они оказали им гостеприимство, снабдили в дорогу продовольствием, фуражом, дали проводников. Далее автор отмечает: “И вот мы вышли, торжественно провожаемые туземцами. Причем все они рукоплескали мне одобрительно и смотрели на меня каждый, как на близкого себе, и возлагали большие надежды”. Топарх направился к Маврокастроу.

Будучи в Борионе, автор в целях точного определения пути сделал астрономическое наблюдение. Он отметил, что планета Сатурн находилась как раз в созвездии Водолея, такое положение Сатурна в X веке приходится на 964 - 967 и 993 - 996 годы.

Ехали всадники, шли выючные животные, проводники указывали путь. Время от времени топарх высылал вперед разведчиков, так как продвижение было небезопасным. “Мы шли по неприятельской территории”, — отмечал автор.

Во втором отрывке автор после зачеркнутых слов “именно ради этого и северные берега Дуная” излагает историю противоборства с “варварами”, которые грабили и опустошали все вокруг, “им была недоступна пощада даже в отношении к самым близким”. Далее он замечает, что они, забыв о законности, “задумали сделать из (нашей) их земли, как говорится, добычу мисян”. Поначалу автор назвал эту землю “нашей”, а затем признал ее принадлежащей “варварам”. Он сообщает, что “варвары” утратили свою прежнюю “справедливость” и “законность”. Их успехи снискали им уважение, и “города и народы добровольно к ним присоединялись”. “Теперь же все нарушилось: они проявили несправедливость и бесправие в отношении к поданным вместо того, чтобы заботиться о благе подвластных городов и к собственной выгоде управлять ими в добром порядке, — они положили поработить и разорить их”, на ни в чем не повинных людей обрушились кары, и они “под предлогом нарушенной клятвы сделались добычей насилия и меча”. Далее следует описание страшного нападения “варваров”. В областях, соприкасавшихся с владениями топарха, было полностью опустошено 10 городов и 500 деревень, затем наступила очередь и его владений. Топарх занялся их обороной, но отступил перед “варварами”. Он много раз предлагал врагу соглашение, но тщетно. “Варвары” напали на владения топарха поздней осенью. Вторжение было осуществлено конными и пешими силами. Топарх в это время занял район, уже опустошенный и разрушенный. Здесь и разгорелись военные действия. Он организовал вылазки против врага; против пехоты топарх выставил своих лучников, а против конницы — конницу. “Варвары” были вынуждены уйти. И вот в районе, ранее разрушенном и опустошенном ими (топарх пишет об “этой земле”, хотя и говорит, что они “разру-

шили до основания и стены”), он решил поселиться (“первый пришел к мысли снова поселиться в климатах”). Топарх приказал соорудить башню и приступить к восстановлению города.

Третий отрывок начинается с рассказа о строительстве крепости и ходе военных действий с “варварами”. В первом столкновении они потерпели поражение. На следующий день топарх вывел в поле 100 всадников и 300 пращников и лучников, но уже не мог найти противника.

Во время передышки топарх спешил восстановить стены города, отправил гонцов к своим сторонникам, чтобы принять какое-то решение. В зачеркнутом тексте говорится, что топарх опасался, как бы “варвары” не пришли с большим войском.

На совещании представителей местной знати обсуждался вопрос о положении края и о политическом подданстве. Топарх ратовал за византийское подданство. Собрание же решило по-другому: “Они же, или потому, что будто бы никогда не пользовались императорскими милостями и не заботились о том, чтобы освоиться с более цивилизованной жизнью, а прежде всего, стремились к независимости, или потому, что были соседями царствующего к северу от Дуная, который могуч большим войском и гордится силой в боях, или потому, наконец, что не отличались по обычаям от тамошних жителей в собственном быту, — так или иначе решили заключить с ними договор и передаться ему и сообщая пришли к заключению, что и я должен сделать то же самое”. Вслед за этим топарх и отправился к “царствующему к северу от Дуная”, с тем, чтобы сохранить свои владения. Тот принял его, кратко побеседовал с топархом, вернул ему правление над климатами, добавил одну область, гарантировал доходы.

В этих отрывках изложена общая канва событий, но не сказано, куда ездил топарх, с кем он воевал, кто такой “царствующий к северу от Дуная”, где находится область, в которой правил топарх, отсутствует и хронология событий. Бесспорными являются лишь византийское происхождение автора, политическая связь его владения с Византией и тот факт, что о событиях писал автор конца X века.

В связи с многочисленными неясностями текста источника историография, ему посвященная, отражает весьма противоречивые точки зрения. Одни историки (С. А. Гедеонов, А. Куник, Ф., Вестберг, Ю. Кулаковский, С. П. Шестаков, А. А. Васильев, Б. Д. Греков, В. В. Мавродин, Д. А. Талис, авторы ряда общих курсов) считали, что в записке речь идет об истории крымских владений. А. Куник, Ф. Вестберг, Ю. Кулаковский, С. П. Шестаков, В. Мошин, А. А. Васильев говорили о владениях крымских готов, другие исследователи полагали, что климаты — это владения Византии, а анонимный автор — их правитель; “варвары”, напавшие на климаты, — это [хазары](#), а “царствующий к северу от Дуная” князь, к протекторату которого обратились в трудных условиях, — Святослав Игоревич. Ю. Кулаковский при этом полагал, что именно события в Крыму вызвали поход Руси против [Хазарии](#) и разрушение Саркела. А. Куник обращал внимание на длительную историю (со времен Игоря) складывания русского протектората над рядом крымских владений. А. А. Васильев считал, что “сторонники”, к которым обратился топарх за помощью и советом, были не готы, а руссы, давно укрепившиеся в Крыму. Д. А. Талис полагает, что поездка на север, о которой пишет анонимный автор, — это посольство “лучших людей” к Святославу за помощью против хазар, атаку которых на город Климаты отразил топарх.

В. Г. Васильевский также отнес события, описанные в анонимной “Записке”, ко времени вторжения [Святослава](#) в [Болгарию](#), но посчитал, что место действия — Подунавье, а Климаты — крепость, заложенная еще Юстинианом на Дунае.

Существовали и иные гипотезы. Н. П. Ламбин высказал идею, что в отрывках идет речь о времени Олега. П. Т. Бурачков относил события к 944 году, а В. А. Пархоменко — к [939 - 941 годам](#). Они полагали, что “князь-протектор” — это Игорь, а противоборствующими сторонами считали уличей и херсонесцев, “азово-черноморскую” Русь и [хазар](#).

Ф. И. Успенский и П. Н. Милюков полагали, что топарх имеет в виду болгарского царя Симеона и эпизоды борьбы в одном случае между греческим военачальником, расширяющим владения [Византии](#) в районе Дона, и [хазарами](#) (версия Успенского), в другом — между Симео-

ном и Византией за полузависимую область в низовьях Дуная, где и находился город, занятый византийским гарнизоном (версия Милюкова).

М. В. Левченко согласился с тем, что события, описываемые в “Записке”, происходили в Придунайской области, но отнес их к тому периоду, когда [Болгария](#) уже была завоевана [Византией](#), византийские гарнизоны появились на Дунае, а “комитопулы” подняли болгар против византийских поработителей. Именно под ударами “комитопулов” гибли несчастные соседи топарха, и он сам был вынужден отдаться под покровительство сильного владельца, а астрономическое наблюдение топарха указывает дату событий — 993 год. Покровителем же мог быть либо венгерский король Стефан, либо русский князь Владимир. И если против первого предположения есть, по мнению М. В. Левченко, возражения, касающиеся несоответствия характеристики сторонников топарха и венгров, которые не должны были бы отличаться друг от друга по своему быту и нравам, как это указано в одном из отрывков, то в отношении русских это возражение отпадает: сторонники топарха — болгары действительно были единоплеменниками русских. И здесь М. В. Левченко приводит ряд аргументов в пользу того, что славяно-русские племена издавна утвердились по Днестру и Бугу вплоть до Дуная, а потому Владимир и есть тот самый владелец, который “царствовал к северу от Дуная”. К тому же в это время отношения между Русью и [Византией](#) были дружественными, а потому русский князь мог вполне оказать покровительство топарху. Автор исключает возможность тождественности нападавших “варваров” и “князя-протектора”. По мнению М. В. Левченко, соглашения с “варварами” быть не могло, так как топарх и раньше делал им мирные предложения. Он пишет: “...трудно предположить, чтобы сторонники топарха возымели намерение броситься в объятия тех самых варваров, которые не давали пощады своим единомышленникам и которые только что потерпели поражение вблизи Климатов. От этих непримиримых врагов сторонники топарха не могли получить ни мира, ни независимости”. Если бы “варвары” были руссами, рассуждает далее автор, то каким образом топарх мог получить милостивый прием в Киеве? Такая возможность должна быть исключена.

Новую точку зрения высказал в одной из последних работ по этой теме И. Шевченко. Он отнес события ко времени противоборства Византии и Руси при Владимире Святославиче в 987—988 годах.

В нашу задачу не входит рассмотрение аргументов спорящих сторон буквально по всем вопросам данной темы, однако на некоторые моменты необходимо обратить внимание. При этом мы исходим из сообщения Яхьи Антиохийского о том, что, прежде чем направиться в [Болгарию](#), [Святослав](#) находился в состоянии войны с Византией. Тем самым мы резко ограничиваем количество возможных вариантов трактовки “Записки греческого топарха” и рассматриваем проблему лишь в одной плоскости: насколько данные отрывков соответствуют сообщению арабского автора и относятся ко времени Святослава. Ключевыми при таком направлении исследования, видимо, являются следующие вопросы:

- 1) Кто был автором “Записки”? Какие на этот счет имеются свидетельства?
- 2) Что мы должны понимать под «климатами», в каком месте на карте должны искать их и кто такие сторонники топарха, которые высказались за протекторат?
- 3) Кем были те беспощадные “варвары”, которые грабили соседей топарха, и можно ли их отождествить с народом, к вождю которого направился в поисках покровительства топарх, и кто такой “царствующий к северу от Дуная”?
- 4) Откуда мог направляться топарх вниз по Днепру? Где находились и что собой представляли Борион и Маврокастрон?
- 5) Какова хронология событий?

Что касается первого вопроса, то, как это показал К. Б. Газе и как это единодушно признано в новейшей историографии, автором “Записки” был византиец, правитель, политически связанный с империей, осуществляющий от имени империи руководство определенной областью. Об этом говорят и стиль изложения “Записки” и термины, в ней использованные, и византийская манера противопоставления мира “цивилизованного”, греческого, миру “варварскому”. Об этом же говорят и некоторые другие факты.

На политическую связь владений топарха с Византией указывает то, что он, попав в трудное положение, ратовал за византийское подданство. Об этом же говорит его упрек, адресованный представителям местной знати, по поводу того, что они не ценили византийского покровительства (они “будто бы никогда не пользовались императорскими милостями”) и стремились к независимости.

В то же время в “Записке” содержатся данные о характере владения топарха. Это была сравнительно небольшая область. В решающий бой против врагов топарх послал всего 100 всадников и 300 пращников и лучников; защитой в борьбе с противником ему служила полуразрушенная крепость.

Принадлежность топарха к византийской правящей элите вовсе не означала, что в ее состав входили и те, к кому он обратился за поддержкой и советом. Представители местной знати, съехавшиеся на совет, не отличались от “тамошних жителей в собственном быту”; это были люди другой категории, нежели византийский чиновник.

В связи со вторым вопросом следует еще раз обратиться к пониманию «климатов» Константином Багрянородным.

Справедливо было замечено, что царственный автор применял это понятие к разным территориям. Так, он говорит о девяти «климатах» [Хазарии](#), прилегавших к Алании. Однако в основном «климатами» автор называет какую-то зависимую от Византии территорию, тесно связанную в политическом отношении с Херсонесом. Он пишет, что если аланы находятся в дружбе с [Византией](#), а [Хазария](#) не желает жить в мире с империей, то аланы могут причинить хазарам много зла, нападая на них, “когда они без охраны приходят к Саркелу, климатам и Херсонесу. Угроза со стороны алан [Хазарии](#) может обеспечить Херсонесу и климатам долгий и глубокий мир”, потому что хазары не смогут “нападать с войском на Херсонес и климаты, так как не имеют силы одновременно воевать с обоими...”.

Совершенно очевидно, что в районе Северного Причерноморья имелись климаты, принадлежавшие [Хазарскому каганату](#), и климаты, находящиеся в орбите влияния Византии, близкие по политическому статусу к Херсонесу.

Топарх пишет, что после того, как “варвары” опустошили его владения, ему пришла мысль “заселить климаты”, которые ученые отождествляют то с областью, то с городом-крепостью, имея в виду возведение топархом башни, починку городских стен. Однако эта фраза не анализировалась вместе с предыдущим текстом, а в нем говорится, что “варвары” опустошили соседние с владением топарха города и деревни, а уже потом нанесли удар по области и району, которыми управлял топарх. Вспомнив, что знать, им приглашенная, не отличалась от “тамошних жителей”, мы совершенно очевидно должны прийти к выводу не только о территориальной близости владений, ранее опустошенных “варварами”, но и об этнической близости населения этих владений и владений топарха.

А теперь мы должны ответить на вопрос, в какой части Северного Причерноморья или Придунавья располагались территории, близкие по местоположению и этническому составу, одна из которых называлась “климаты” и находилась, согласно данным топарха, под византийским управлением, а другая, также подвергшаяся опустошению со стороны “варваров”, но входила в сферу влияния империи. Считать, подобно Успенскому и Милюкову, что перед нами византийская область, находившаяся поблизости от владений Симеона, было бы неправильным.

Во-первых, как об этом совершенно справедливо писал М. В. Левченко, в условиях, когда болгарские войска Симеона не раз подходили к самому Константинополю, трудно предположить существование на Дунае какого-то независимого от Болгарии византийского форпоста.

Во-вторых, мы должны допустить, что Симеоновы войска нанесли удар не только по владениям топарха, но и по соседним с ним территориям, каковыми могли являться болгарские же области, что не подтверждается никакими данными.

По этим же причинам мы не можем отнести события ко времени борьбы “комитопулов” с Византией. Какие владения опустошали поднявшиеся против греков болгары, какие 10 городов и 500 деревень опустошили они? Какова связь болгар с сообщаемыми топархом фактами о том, что поначалу “варвары” в отношении позднее опустошенных территорий проявляли “спра-

ведливость” и “законность”, снискали себе уважение успехами, в результате которых “города и народы добровольно присоединялись к ним”, а впоследствии решили подвластные им города поработить и разорить вместо того, чтобы охранять их и управлять ими? Очевидно, что никакого отношения эти факты к болгарам Самуила не имеют.

Зато сведения Константина Багрянородного показывают, что в районе Северного Причерноморья имелись климаты двух видов — хазарские владения и владения Византии, и удар “варваров” сначала пришелся по климатам хазарским, а потом наступила очередь климатов византийских, тесно связанных с Херсонесом.

Подобный подход помогает нам определить местоположение и тех и других владений — между Хазарией и Херсонесом, а точнее, византийские климаты, видимо, находились в северной части Крыма, а хазарские примыкали к ним с севера и охватывали район Приазовья.

Сторонники же топарха, представители местной знати, которые были близки по образу жизни к “тамошним жителям”, являлись крымскими или северочерноморскими аборигенами, часть которых находилась под владичеством хазар, а часть — под византийским влиянием и рассматривалась в империи совокупно с Херсонесом. Определение этнической принадлежности населения климатов не входит в нашу задачу.

А теперь попытаемся выяснить вопрос о “варварах”, которые опустошили владения соседей топарха, а затем и его владения. Что мы знаем о них? “Варвары” были народом жестоким, “им была недоступна пощада”; еще до опустошения владений соседей топарха они осуществляли над ними контроль: управляли там “законно” и “справедливо”; снискали себе уважение “большими успехами”, “города и народы” добровольно подчинялись им. Однако затем в силу неизвестных нам причин вместо того, чтобы по-прежнему управлять подвластными городами, они обрушились на них и сделали их “добычей своего меча”. Обращает на себя внимание причина конфликта между правителями и покоренным районом: “варвары” осуществили свое нападение под предлогом нарушения местным населением клятвы. Какой? Источник по этому поводу хранит молчание. В связи с этим мы хотим обратить внимание на одно кажущееся противоречие в “Записке” топарха. С одной стороны, он говорит об огромной мощи “варваров”, об их всепокрушающей силе, а с другой — рассказывает, как его немногочисленное войско одержало над ними верх: наутро он вышел против них с 400 воинами, но враги уже ушли.

Однако в действительности противоречия нет. Топарх описывает не войну “варварского” государства против своих соседей, а по существу карательную экспедицию, которую осуществлял отряд “варваров” на уже завоеванной территории. Население, нарушившее клятву, данную “варварам”, было за это наказано. Основные силы “варварского” войска в этой экспедиции не участвовали, поэтому топарх и рискнул оказать сопротивление их небольшому отряду. Но он понимал, с каким серьезным противником имеет дело, и, опасаясь, как бы враги не пришли с “большим войском”, поспешил с мирными предложениями. Суть происшедшего заключается именно в том, что сначала “варвары” подчинили район, а затем предприняли против него карательную экспедицию, заодно опустошив и климаты топарха.

Единственной известной нам ситуацией в районе Северного Причерноморья, которая полностью соответствует описанным топархом событиям в [X веке](#), являются война [Святослава](#) против [Хазарии](#) и установление господства руссов на захваченных территориях. При этом мы должны вновь обратиться к сообщению Ибн-Хаукаля. Он рассказывает, что после победы Руси над хазарами, булгарами, бургасами местное население просило, чтобы “с ними заключили договор, и они были бы покорны им, руссам...”. Мы можем перенести этот установившийся порядок и на район хазарских климатов, покоренных Русью.

К этому времени в районе восточного Крыма, в Боспоре Киммерийском, укрепилось русское влияние, да и в устье Днепра, на Белобережье, Русь закрепились довольно твердо.

Таким образом, после похода [Святослава](#) 964 — 965 годов практически весь район Поволжья, Приазовья, Северного Кавказа, Крыма (исключая Херсонес), Северного Причерноморья вплоть до границ с Болгарией находился под контролем Руси. И топарх, по существу, рассказывает о судьбе хазарских климатов уже после их завоевания руссами, когда здесь остава-

лись русские гарнизоны, а основная часть сил во главе со [Святославом](#), как об этом сообщили некоторые русские летописи, возвратилась на родину.

Необходимо иметь в виду, что подобную попытку установить длительный контроль и фактически управлять захваченным районом руссы предприняли и ранее, при овладении городом Бердаа. Эта попытка окончилась неудачей: жители восстали против завоевателей, город был руссами разгромлен. Хотя такого рода аналогия не является прочным аргументом в пользу идентификации событий, описанных топархом, с действиями руссов в районе Приазовья и Северного Крыма, однако мы должны подойти к ней весьма внимательно. Когда при овладении территориями на востоке руссы на протяжении 20 лет дважды пытаются осуществить управление захваченными областями, это указывает на определенную тенденцию, и в этом смысле данная аналогия помогает нам понять и оценить шаги Святослава в Северном Причерноморье, Приазовье и Поволжье в 965 году. Клятва, о которой сообщает топарх, и договор между местным населением и руссами, о которых говорит Ибн-Хаукаль, — это факты одного и того же ряда. Топарх приоткрывает нам ход событий, последовавших за завоеванием [Святославом Хазарии](#). Вопрос об отношениях с владельцем климатов, видимо, возник уже в период похода [Святослава](#) по Таманскому полуострову к Саркелу. Ликвидировав остатки хазарской администрации в Восточной Таврике, он проводил здесь по отношению к жителям края политику протектората, описание которой мы встречаем и в “Записке греческого топарха”. А. В. Гадло полагал, что появление руссов в этом районе не могло не встревожить Византию, опасавшуюся за безопасность Херсонеса и византийских климатов.

Итак, русский отряд дошел во время своей карательной экспедиции до византийских климатов, вступил в противоборство с немногочисленным войском топарха, потерпел неудачу и удалился. Удар по византийским климатам означал не что иное, как начало конфликта и с Херсонесом, а значит, и с [Византийской империей](#). Это находит дополнительное подтверждение в сообщении Яхьи Антиохийского о войне между империей и Русью перед походом Святослава в Болгарию, в данных договора 971 года, в упоминании о мире с “корсунянами”, которое содержит Устюжская летопись.

Не расходятся с характеристикой [руссов](#), как она неоднократно дается в византийских хрониках, и сведения о них топарха. Величайшие их успехи, овладение многими городами и народами, их беспощадность в борьбе с врагами — все это стереотипы византийских источников, касающихся в той или иной степени руссов. Такая характеристика подтверждается и известными нам фактами овладения [Святославом](#) огромной территорией от Северного Кавказа до Поднестровья, от вятских лесов до владений Херсонеса в Крыму.

Казалось бы, после ухода “варваров” положение топарха должно было улучшиться, однако тревога не рассеялась, а еще более возросла, и сам этот факт имеет прямое отношение к определению “варваров) и к вопросу о том, можно ли их отождествлять с народом, к вождю которого обратился за протекторатом топарх. М. В. Левченко считал, что такое отождествление исключено, потому что невозможно обратиться за защитой к тем, кто был недавним противником. Однако даже элементарное знакомство с дипломатией древних [руссов](#) показывает, что нередко были случаи, когда они заключали самые дружеские договоры с недавними противниками. Так было в [907 году](#) под стенами Константинополя, в 944 году после войны с [Византией](#), в 945 году в Бердаа, в 60-х годах X в. в районе Поволжья и Приазовья, в 968 году с печенегами, которые после нападения на Киев заключили со Святославом мир и, возможно, даже участвовали с ним в походе на Балканы.

Наконец, после сражений [970 года](#) соглашение с руссами заключил Иоанн Цимисхий. Этот перечень можно было бы продолжить. Бывшие противники в силу тех или иных обстоятельств быстро мирились и даже становились союзниками. К тому же у нас есть и прямое указание автора “Записки” о том, как он неоднократно пытался покончить с “варварами” дело миром.

В пользу того, что совет, созданный топархом, решил обратиться за протекторатом к тем же “варварам”, с которыми лишь недавно сражались жители климатов, говорит и все возрас- тавшая в климатах тревога, необходимость немедленно решить вопрос о подданстве. Отряд

русов был отбит, но это не означало конца борьбы, а предопределяло ее ожесточенный и бесперспективный характер в будущем. Топарху и его сторонникам предстояло в полной мере испытать на себе военную мощь руссов. Это и пугало сторонников топарха. Византийский чиновник, не добившись компромисса с местными русскими властями, вынужден был двинуться на поклон к самому [Святославу](#). Подтверждением этого может служить и сообщение топарха о его возвращении вниз по Днепру, что указывает на цель миссии — Киев. Об этом же говорит характеристика протектора как “царствовавшего к северу от Дуная”. Он “могуч”, “гордится силой в боях”, что весьма напоминает нам облик [Святослава](#), рисуемый и другими источниками. К середине 60-х годов Русь, расширяя свои владения, действительно вплотную подошла к дунайским пределам. Все те аргументы, которые М. В. Левченко привел в подтверждение возрастания русского влияния к северу от Дуная ко времени Владимира, относятся без исключения и ко времени Святослава. Но, кроме того, применительно к середине 60-х годов X в. у нас есть в связи с этим одно весьма примечательное свидетельство В. Н. Татищева. Он рассказал на основе не дошедших до нас летописных источников о том, что после похода на восток [Святослав](#) двинулся в [966 году](#) к Дунаю, но затем, узнав, что вятичи “отложились”, повернул на север, покорил их и возложил на них дань. Из последующего изложения событий мы узнаем, что [Святослав](#) двинулся в 967 году на болгар “толико по своей обиде”, то есть из-за того, что болгары помогали хазарам. На берегах Днестра Святослава ожидали войска болгар, хазар, касогов и ясов. Святослав не стал с ними биться, а двинулся вверх по Днестру, “где ему помощь от венгров приспела”.

В этой связи следует трактовать и фразу, зачеркнутую топархом в черновике “Записки”: “именно ради этого и северные берега Дуная”. Она показывает, что дунайские “сюжеты” отражались в политическом мышлении тогдашних северочерноморских и крымских владетелей.

Наконец, в этом же плане мы должны рассматривать и вопрос о местонахождении и характере поселений Борион и Маврокастрон, куда двинулся топарх, возвращаясь осенью из Киева на родину.

Как известно, днепровское устье давно уже стало перевалочным пунктом на пути “из варяг в греки”. Судя по договору 944 года, здесь постоянно сталкивались интересы Византии и Руси. Договор 944 года предусматривал компромиссное решение существовавших противоречий. С наступлением зимы руссы должны были уходить из этих мест и возвращаться на родину. В летние же месяцы они могли безраздельно владеть спорной территорией, останавливаться здесь, ловить рыбу. Судя по тому, что Святослав на пути в Киев в 971—972 годах зазимовал на Белобережье, статья договора, запрещающая руссам останавливаться здесь на зиму, была им нарушена, и здесь находились постоянные русские поселения.

Кроме того, договор запрещал руссам наносить ущерб жителям Херсонеса, появлявшимся в этих местах. М. В. Левченко убедительно показал, что греки также имели поселения в устье Днепра, связанные с Херсонесом, и что селение Борион, упомянутое топархом, было одним из таких греческих форпостов в этом беспокойном месте, за который вели борьбу Русь, [Византия](#) и [Хазария](#).

Выяснив, где находился Борион - на левом или на правом берегу Днепра, мы могли бы определить, куда направился топарх — в сторону Крыма или на Запад, к Днестру. Ответ на этот вопрос имеет немаловажное значение для общего понимания событий, так как в том же направлении по ходу движения отряда находился и Маврокастрон; поблизости от этих мест следует искать и владения топарха, куда он возвращался.

Отряд, двигаясь вниз по берегу Днепра и к его устью, в трудных условиях ледохода осуществил переправу с правого берега на левый. Конный отряд, входивший в посольство топарха, двигался от Киева (на этом сходятся большинство ученых) по правому берегу реки. Затем конные перебрались на противоположный берег Днепра. Эта переправа точно соответствует тому пути, который проделывали жители Херсонеса, возвращаясь в свой родной город из Киева. Именно о нем пишет Константин Багрянородный: “Возвращаясь из Руси, переправлялись через Днепр”. Следовательно, Борион находился на пути в Крым.

Прибыв в Борион (и на это также не было обращено внимание в историографии), топарх не собирался здесь задерживаться и стремился перебраться на ночлег в другое место. Путники хотели снова двинуться в путь в тот же день и к вечеру дойти до Маврокастро́на, однако непогода помешала им осуществить свое намерение. Путь до Маврокастро́на отряд прошел при выюжной погоде за два дня. В первый день, по словам топарха, путники едва сделали 12 км. Провели они в пути после отдыха и другой день, а по расчетам собирались достигнуть Маврокастро́на в течение одного дня пути — к вечеру. Это значит, что Маврокастро́н лежал к востоку от селения Борион на расстоянии около дня пути груженого каравана, что именно туда стремился попасть топарх, считая его уже своей дружественной территорией. Борион же и весь путь от него находился на неприятельской земле. Все эти данные совершенно очевидно указывают, что топарх и его спутники направлялись в сторону Крыма. Большинство же историков на основании прежде всего топонимических данных склонялись к тому, что греческая колония Маврокастро́н находилась в устье Днестра.

Весьма примечательна одна фраза из первого отрывка “Записки”, в которой топарх сообщает, как хорошо его встретили жители Бориона: они дали ему приют, продовольствие, фураж, проводников; во время проводов, сообщает топарх, “они смотрели на него, как на друга, и возлагали на него большие надежды”.

Эта фраза может сказать о многом: появление византийского влиятельного чиновника, владельца греческих климатов в Крыму, только что прошедшего переговоры в Киеве, действительно могло взбудоражить здешних жителей. Затерянные на огромных пространствах Северного Причерноморья, торговцы, ремесленники, рыболовы испытывали на себе все превратности судьбы пограничного форпоста. В условиях постоянной, усиливающейся борьбы за Северное Причерноморье сначала между [Хазарией](#) и Русью, а затем (или одновременно) между Русью и империей, когда руссы со всех сторон окружили здесь византийские владения, построили в устье Днепра и Днестра свои городки, поставили в зависимость от себя уличей и тиверцев, чьи владения подходили к самому Дунаю, положение византийских поселений стало весьма тревожным: договор 944 года не выполнялся, в Крыму развивался конфликт между [Византией](#) и Русью, нарастало противоборство Руси с провизантийски настроенными правящими кругами Болгарии, Святослав готовился к походу на Дунай. Естественно, что появление топарха всколыхнуло местных жителей. Они увидели в нем представителя империи, связали с его миссией надежды на защиту от грядущих бед.

Первый отрывок “Записки” еще раз подтверждает всю напряженность положения в Крыму и Северном Причерноморье в описываемый топархом период, серьезность конфликта между Русью и Византией.

А теперь попытаемся восстановить хронологию событий. Упомянутое топархом положение Сатурна указывает на [964 - 967 годы](#). Описанные события происходили либо осенью 965 – зимой 965 - 966 годов, либо осенью 966 – зимой 966 - 967 годов. Соображения некоторых историков о неточности астрономических наблюдений топарха вряд ли основательны, так как он в данном случае определял путь следования отряда.

После завоевания хазарских владений в 965 году [Святослав](#) ушел в Киев, оставив в Северном Причерноморье, Приазовье и Крыму свои гарнизоны. Конфликт в хазарских и византийских климатах произошел либо этой же осенью, либо на следующий год. Тут же топарх выехал в Киев, а возвращался обратно в зимнее время 965 - 966 или 966 - 967 годов.

В преддверии дунайского похода и перемещения центра своих внешнеполитических устремлений с Востока на Запад Святослав был заинтересован иметь в Крыму дружественного владетеля; отсюда теплый прием и милости, оказанные топарху.

Таким образом, сообщение Яхьи Антиохийского отнюдь не случайно. В нем отражены реальные противоречия между [Византией](#) и Русью. Данные “Записки греческого топарха” дают на этот счет дополнительные сведения.

Тайный русско-византийский договор и дипломатия Руси в 967-968 годах

В свете всего вышеизложенного миссия Калокира в Киев выглядит совсем по-иному, чем ее представляли себе многие историки в течение долгого времени. Поспешное отправление посла в Киев объяснялось необходимостью для Византии, во что бы то ни стало, погасить возникший конфликт, отвлечь Святослава от своих крымских владений, и прежде всего от Херсонеса, а также обеспечить неприкосновенность других имперских владений в Северном Причерноморье в условиях углубляющихся противоречий с [Болгарией](#), набегов венгров на владения Византии, предстоящих походов в Сирию и против сицилийских арабов. Посольство Калокира — это вынужденная мера, обеспечивающая на какое-то время безопасность Херсонеса. В этой связи предположение о том, что именно Калокир уговорил [русс](#) предпринять поход на Дунай, выглядит, на наш взгляд, безосновательным.

В историографии отмечено, что выбор Никифора Фоки пал на Калокира не случайно. Сын херсонесского стратига превосходно знал ситуацию в Крыму и в Северном Причерноморье и мог провести переговоры в Киеве со знанием дела.

Как сообщает Лев Дьякон, Калокир был вызван в Константинополь, ему было присвоено высокое звание патрикия, выдано 15 кентинариев золота для передачи руссам, и он поспешно отправился в путь. Ему было поручено привести руссов “в землю мисян для ее завоевания”. Эту мысль византийский хронист проводит весьма настойчиво и далее. Калокир появился в Киеве, вручил Святославу золото, очаровал его, убедил двинуться в [Болгарию](#), “чтобы он, покоривши их (болгар. - А. С.), удержал их страну в собственной власти”, а ему содействовал в завоевании византийского престола. Святославу же были обещаны “великие” сокровища из императорской казны.

Таким образом, Лев Дьякон передает лишь самую поверхностную схему событий, не зная внутренних их пружин. Поэтому он заведомо неверно трактует события, сообщая о том, что византийское правительство само, по собственной воле пригласило русского князя завоевать [Болгарию](#). Империи, напротив, было крайне невыгодно иметь рядом со своими границами столь могущественного соседа, как Киевская Русь. Н. Знойко совершенно справедливо обратил внимание на то, что если бы Никифор Фока действительно собирался значительно ослабить Болгарию, то он мог бы направить против нее, скажем, печенегов, как это было сделано позднее в отношении Руси, когда их орды подошли к Киеву в [968 году](#), отвлекая [Святослава](#) с Дуная. Думается, что ближе всех к истине подошли авторы “Истории Болгарии”, отметившие, что поход [Святослава](#) против [Болгарии](#) был предрешен до появления византийского посла в Киеве. Мы можем лишь добавить, что в условиях противоборства с [Византией](#) в Крыму [Святослав](#) со своей стороны стремился предпринять дипломатические шаги с целью создать благоприятные условия для предстоящего похода на Дунай, который был вызван нарастанием антирусских действий болгарской правящей верхушки еще в 30 – 40-х годах [X в.](#) Мир с [Византией](#), ее нейтралитет в ходе предстоящих событий были весьма желательны для Руси. Этого, по крайней мере, формального, нейтралитета Русь добилась от [Византии](#) за счет усиленного давления на византийские владения в Крыму, поставив под угрозу сам Херсонес.

Посольству был придан весьма высокий ранг: Калокир получил звание патрикия. Это еще раз указывает на всю серьезность миссии, на то значение, которое придавали ей в Константинополе. Золото, которое он вез с собой в Киев, не являлось платой за участие в походе против [Болгарии](#). Еще меньше напоминает оно периодическую дань, да и слова Льва Дьякона о том, что золото предназначалось для раздачи, указывают на его истинное предназначение — это был типичный дар князю и его окружению за отказ от агрессии против Херсонеса и других владений [Византии](#) в Северном Причерноморье, дар, который должен был помочь посольству добиться поставленной цели. Калокир поспешил в Киев вовсе не для того, чтобы помочь Святославу завоевать Болгарию. Экстренность миссии объяснялась, как мы полагаем, необходимостью в кратчайшие сроки восстановить мир в Крыму и Северном Причерноморье.

Каковы же были условия договора, который заключил Калокир в Киеве?

Во-первых, посол должен был восстановить мирные отношения между империей и Русью, между Херсонесом и Киевом. Восстановление традиционных отношений “мира и дружбы” с Византией на основе действующего договора 944 года, который определял эти отношения, и было, вероятно, основным условием договора, заключенного в Киеве.

Во-вторых, как мы уже постарались это показать, Русь по договору отказывалась от притязаний на византийские владения в Крыму и Северном Причерноморье. Византия в свою очередь брала на себя обязательство соблюдать нейтралитет во время предстоящего русского похода на Дунай. Очевидно, греки довольно легко согласились на это условие, так как отношения империи и [Болгарии](#) к этому моменту осложнились, дипломатические отношения были разорваны, греческие войска нанесли удар по пограничным болгарским городам.

Конечно, ни о каком завоевании Русью [Болгарии](#) не могло быть и речи, и мы присоединяемся к точке зрения тех историков, которые считали, что целью первого балканского похода Святослава являлось овладение лишь территорией нынешней Добруджи, дунайскими гирлами с центром в городе Переяславце. Именно Переяславец и Подунавье, как это показало само развитие событий, явились основным объектом атаки Святослава во время первого похода. Об этом говорит сообщение летописи: о захвате руссами Переяславца и еще 80 городов по Дунаю, прекращении руссами военных действий после захвата этого района и приостановлении дальнейшего наступления, хотя болгарская армия была разбита, а правительство деморализовано. Русская летопись отметила, что [Святослав](#) “седе княжа ту въ Переяславци, емля дань на гръцех”. В пользу этого же свидетельствует и летописная запись о словах Святослава, якобы сказанных им в Киеве о Переяславце как о “середе” его земли, куда “вся благая сходятся”. В этой записи отражено понимание летописцем значения Переяславца для русской торговли.

По данным Татищева, второй поход [Святослава](#) также начал с атаки Переяславца, который после его ухода в Киев вновь был захвачен при помощи “гражан” болгарами. И вновь военные действия на этом закончились. [Святослав](#) же, согласно летописи, после взятия Переяславца заявил грекам: “Хочю на вы ити и взяти градъ вашъ, яко и сей”. Но это было уже новое развитие событий: назревал русско-византийский конфликт. Дело шло к войне двух государств. Что касается болгарских территорий, то у нас нет свидетельства о том, чтобы до начала военных действий против Византии другие территории [Болгарии](#), кроме Подунавья, подверглись русскому нашествию.

Таким образом, одним из главных условий русско-византийского договора, заключенного Калокиром в Киеве, явилось согласие [Византии](#) не препятствовать Руси в ее попытках овладеть ключевыми торговыми позициями на Дунае (в первую очередь Переяславцем), которые издавна имели первостепенное значение для русской торговли.

Судя по тому, что [Святослав](#) явился в Переяславец и продолжал брать дань с греков, византийское посольство подтвердило действующие пункты договора [907 года](#), в частности о выплате Византией ежегодной дани Руси.

В. И. Сергеевич в свое время высказал сожаление по поводу того, что текст договора Калокира и Святослава не сохранился, однако он и не мог сохраниться, во-первых, потому, как мы полагаем, что он лишь восстанавливал нарушенное конфликтом действие прежних соглашений, а во-вторых, носил характер устной договоренности. Договор предусматривал урегулирование спорных вопросов в Северном Причерноморье и в Крыму и условия предстоящего вторжения русского войска в Подунавье, то есть совершенно конкретные действия союзников, направленные против третьей стороны. Заметим, что даже русско-византийский договор 944 года, в котором наиболее четко, по сравнению с другими соглашениями, сформулированы союзные обязательства сторон, определяет лишь общие принципы совместных действий. Договоренности общего характера должны были быть конкретизированы в ходе дальнейших переговоров: “Аще ли хотети начпеть наше царство от васъ вои на противящаяся намъ, да пишемъ къ великому князю вашему, и послеть к намъ, елико же хочемъ...”. Выполняя союзные обязательства, русские дружины сражались в составе византийской армии в Сирии и Сицилии, на Крите и в Закавказье, однако ни в одном из этих случаев мы не имели сведений о каких-либо открытых

официальных договоренностях: союзные действия реализовывались либо благодаря устным переговорам, либо переписке через специальных гонцов. Необходимо иметь в виду и то, что стороны должны были соблюдать определенные меры предосторожности чисто военного характера. Наличие и в Киеве, и в Константинополе множества иностранцев: купцов, путешественников, разного рода наемников, — создавало возможность для “утечки информации” в случае открытых переговоров относительно тех или иных союзных действий. Напротив, втайне подготовленное военное предприятие обещало успех. Достаточно вспомнить, как скрыто действовали [руссy](#) в 860 году, имея сведения об уходе византийского войска в Малую Азию, а флота — к Криту. Так же неожиданно напал на Константинополь Олег, имевший, по нашему мнению, определенную договоренность с болгарским царем Симеоном о проходе по болгарской территории русского войска. Трудно предположить, что удар [Святослава](#) по [Хазарии](#) и ее союзникам в 965 году был осуществлен без ведома [Византии](#). Договоренность Калокира в Киеве стоит в ряду тайных посольских переговоров, которые давно уже стали практиковаться в древней Руси, как и в других странах Восточной Европы того времени. Именно поэтому миссия Калокира осталась неизвестной русским летописцам. В круг его переговоров с русским князем были посвящены лишь немногие лица.

Что касается известий на этот счет Льва Дьякона, то он знал о посольстве Калокира немного, да и сведения о Калокире дошли до него гораздо позже, когда уже стала известна измена посла Никифору Фоке и были приоткрыты обстоятельства всего дела. Но и тогда византийский хронист не имел сведений о подлинных мотивах действий византийского императора, намерениях сторон в киевских переговорах.

Однако Калокир не ограничился достижением договоренностей по вышеназванным вопросам. Совершенно неожиданно миссия патрикия вышла за рамки межгосударственных переговоров, Калокир вступил в личное тайное соглашение с русским князем. Оно, как сообщает Лев Дьякон, состояло в том, что [Святослав](#) обещал помочь византийскому патрикию взойти на императорский трон, а тот, в свою очередь, обязался сохранить за Русью ее завоевания на Балканах, а также “бесчисленные сокровища из казны государственной”.

Наличие тайного сговора Калокира и русского князя подтверждается и последующими известиями Льва Дьякона. Он рассказал, что Калокир шел в Болгарию вместе с русским войском. В дальнейшем мы застаем предприимчивого патрикия в Преславе в тот момент русско-византийской войны, когда Иоанн Цимисхий начал штурм болгарской столицы, которую отчаянно защищали русский отряд во главе со Сфенкелом и болгарские воины. А это означало, что Калокир находился при дворе болгарского царя Бориса, дожидаясь, видимо, исхода русско-византийской войны. Его пребывание вдали от [Святослава](#), в Преславе, указывает на то, что он занимал какое-то место в политических расчетах как русского великого князя, так и болгар, на данном этапе войны поддерживавших [Святослава](#).

В критические часы обороны Преславы Калокир под покровом ночной темноты бежал к русскому князю, что еще раз подтверждает его давнишнюю связь со [Святославом](#) и его активное участие в политической борьбе того времени. Кажется, дальнейшие следы Калокира теряются. Молчит о нем и византийский хронист.

Однако можно думать, что он не исчез с политического горизонта. Мы еще раз встречаемся в источниках с видным византийским дипломатом по имени. Калокир. В 996 году из Константинополя к германскому императору Оттону III было направлено посольство для ведения переговоров о брачном союзе двух императорских дворов. Греческое посольство возглавляли Леон и Калокир. Если в 966 - 967 годах сын херсонесского стратига был молодым человеком, то через 30 лет после описываемых событий это мог быть уже умудренный опытом политический деятель. К тому же надо помнить, что в это время сошли со сцены и Никифор Фока, и Иоанн Цимисхий, в Константинополе взяла верх македонская династия, отодвинутая прежде в тень узурпаторами, и Василий II мог привлечь к дипломатической службе бывшего противника Никифора Фоки и Цимисхия.

Тайный договор русского князя и византийского посла был вполне в духе времени, имел аналогии в прежней истории [Византии](#), когда претенденты на императорский престол вели на Константинополь иностранные войска.

Лев Дьякон рисует Калокира отважным и пылким юношей, он был связан с Херсонесом, где всегда были сильны сепаратистские тенденции в отношении империи (что еще раз показал опыт греческого топарха, который не смог добиться от знати климатов верности Константинополю). К тому же в представлении многих знатных византийцев император Никифор Фока занимал престол незаконно, захватив его в 963 году и узурпировав власть малолетних сыновей умершего Романа II. В те же годы, когда Калокир связал свою судьбу со [Святославом](#), против Никифора Фоки зрели заговоры, жертвой одного из которых он в конце концов и пал. Против следующего императора — Иоанна Цимисхия поднял мощное восстание Варда Фока. Таким образом, внутривизантийская обстановка в Византии предрасполагала к шагам, подобным тому, какой в благоприятных условиях предпринял Калокир. Но этот шаг Калокира приводит и к другому выводу: в Киеве вовсе не исключали последующего военного столкновения с [Византией](#) и заранее готовились к нему, стремясь использовать в дальнейшей борьбе претендента на византийский престол, а в случае победы утвердить на императорском престоле своего ставленника. Это указывает на реалистический характер политики [Святослава](#), понимавшего, что уступка Никифора Фоки в Подунавье — это мера вынужденная и временная, что вся борьба с империей впереди.

Подобный вывод находит яркое подтверждение и в политике [Византии](#), в тех шагах, которые предпринял Никифор Фока, едва русское войско появилось в [Болгарии](#). По сообщению Льва Дьякона, византийский император, узнав о победах руссов на Дунае, стал немедленно готовиться к войне с ними, организовывать армию, готовить флот, приказал замкнуть Босфор цепью. Он посчитал для себя “вредным” вести войну одновременно с Болгарией и с Русью и предпринял попытку договориться с болгарами. Этому способствовало и то, что он узнал об измене Калокира.

Думается, что и в этом случае византийский хронист неправильно трактует историю взаимоотношений империи и Руси тех дней. Ни о какой борьбе Византии на два фронта не было и речи, никаких военных действий против [Болгарии](#) после 966 года Никифор Фока не предпринимал. Измена Калокира никак не могла повлиять на решимость императора: начать подготовку к войне с Русью. Вынужденно согласившись с русским присутствием на Дунае, Византия немедленно в духе своей дипломатии начинает, пока тайно, борьбу против своего непрошеного союзника. Именно в этом плане следует рассматривать, на наш взгляд, три многозначительных факта: направление в Болгарию посольства Никифора Эротика и епископа Евхаитского с предложением союза против Руси, подкрепленного брачными узами византийского и болгарского царствующих домов; нападение печенегов на Киев в 968 году; прием в Константинополе с большим почетом болгарских послов в июне 968 года.

Что касается даты заключения болгаро-византийского союза, то на этот счет существуют различные точки зрения. Эти расхождения объясняются тем, что историки по-разному определяли хронологию конфликта между [Болгарией](#) и [Византией](#), время посольства Калокира, первого русского похода на Дунай. Кроме того, различия были обусловлены тем, что русская летопись дает дату первого вторжения русского войска в [Болгарию](#) — 967 год, а дату нашествия печенегов на Киев — 968 год. Лев Дьякон вообще не приводит никаких дат, а Скилица говорит, что появление руссов на Дунае относится к августу 968 года. Отсюда и различия в трактовке хронологии событий, отразившиеся в историографии. Одна группа историков полагает, что конфликт между Болгарией и Византией, начавшись в 966 году, окончательно определился в 967 году. Калокир появился в Киеве осенью 967 или весной 968 года, появление руссов на Дунае относится к осени 968 года, а нападение печенегов на Киев и уход русского князя из Болгарии можно отнести лишь к лету 969 года. К осени 969 года [Святослав](#) снова был в [Болгарии](#). Эта точка зрения в разных вариантах и с рядом оговорок отражена в работах В. Н. Златарского, Н. П. Благоева, Ф. И. Успенского, М. Н. Тихомирова, П. О. Карышковского и некоторых других историков.

Другие ученые считали даты русской летописи правильными. А это значит, что болгаро-византийский конфликт произошел в 966 — весной 967 года. Калокир уже был в Киеве, а осенью этого же года русское войско появилось на Дунае. Уход Святослава на выручку Киева от печенегов имел место в 968 году, а его возвращение обратно — осенью 969 года, после смерти Ольги. В 970 году мы уже застаем его на Балканах воюющим с Византией. На этой хронологии настаивали М. Д. Дринов, М. В. Левченко, А. Стоукс.

Сторонники первой точки зрения исходили в основном из сообщения Скилицы, а также из того, что, по данным Лиутпранда, в июле 968 года русские корабли еще стояли на рейде Константинополя, а это означало наличие дружественных связей между Византией и Русью. Если бы империя начала борьбу с Русью с момента вторжения русского войска в Болгарию в 967 году, то смысл появления русских торговых судов на Босфоре был бы неясен.

Вторую точку зрения подробно аргументировал М. В. Левченко. Она основывается на хронологической канве русской летописи. Автор обращает внимание на то, что отнесение русского вторжения к осени 968 года допускает двухлетний интервал между началом болгаро-византийского конфликта (966 г.) и реализацией русско-византийской договоренности. А это приводит к мысли, что Калокир почти два года находился в Киеве. Если предположить, что руссы двинулись на Дунай в 968 году, продолжает М. В. Левченко, то становится непонятной перемена в политике Византии в отношении Болгарского царства, происшедшие ранее этого события: в июне 968 года болгарские послы были уже в Константинополе. К тому же Лев Дьякон сообщил о том, что первыми шаг к примирению с болгарами сделали греки, направившие в Преславу посольство Никифора Эротика и Феофила Евхаитского.

Это сообщение находится в контексте изложения событий, и его достоверность не вызывает сомнений. Посольство же болгар в Константинополь в июне 968 года следует признать ответным.

Признание 968 года датой вторжения [Святослава](#) на Дунай приводит к выводу, что за несколько месяцев до появления русской рати на Дунае греки начали готовиться к борьбе со Святославом и круто изменили свою политику в отношении Болгарии. Это представляется М. В. Левченко исторически необоснованным. По сообщению источников, считает историк, такое изменение во внешней политике империи произошло лишь после нападения Руси на Болгарию. Непонятно и то, как руссы, захватив на Дунае ряд городов, в том же году сумели вернуться к Киеву и спасти его от печенегов; не верить же дате русской летописи о приходе кочевников к русской столице оснований нет.

В своем споре обе стороны исходили из того, что смысл происходивших событий определяло время болгаро-византийского конфликта. Мы же исходим из того, что в основе дипломатических усилий и Византии, и Руси лежал острейший конфликт между этими странами в районе Крыма и Северного Причерноморья, относился он к 966 году и последовал после разгрома Святославом Хазарского каганата и подчинения Руси огромного района в Поволжье, Приазовье, Северном Причерноморье. Именно поэтому спешно был послан сын херсонесского стратига в Киев с золотом для русского князя и его приближенных и с сообщением о согласии на нейтралитет в отношении предстоящего русского похода на Дунай. Для нас исходная точка отсчета времени не 966 год, когда произошла ссора Византии с Болгарией, а 965 год, ознаменовавшийся прочным утверждением Руси на волжских, азовских и черноморских берегах. Именно с этих позиций мы поддерживаем вторую точку зрения и считаем, что ни Русь, ни Византия не расположены были сохранять напряжение в районе Крыма и Северного Причерноморья и руссы не были намерены откладывать поход на Дунай до 968 года. Дата русской летописи правильна в применении как раз к событиям на Востоке, а не на Балканах.

К тому же необходимо прислушаться и к другим аргументам сторонников второй точки зрения, хотя мы вовсе не считаем, как это делает М. В. Левченко, что греки не могли менять курса своей политики до нападения руссов на Болгарию.

В целом же ход событий нам представляется следующим. Обострение отношений Византии и Руси в 965 – 966 годах в районе Крыма и Северного Причерноморья совпало по времени с конфликтом Болгарии и Византии. В этих условиях Никифор Фока засылает тайное по-

сольство в Киев с просьбой прекратить давление на Херсонес и другие имперские владения в Крыму и Северном Причерноморье. В обмен на это греки соглашались не препятствовать Святославу в установлении контроля над устьем Дуная, что Святослав и осуществил в 967 году.

Ответом на успехи руссов в районе Дуная явились активная подготовка Византии к возможной войне с руссами и налаживание дружеских отношений с болгарским правительством. Первый шаг в этом направлении – посольство Никифора Эротика и епископа Евхаитского, которое следует отнести, судя по последовательности событий, к концу 967 — началу 968 годов. Летом ответное болгарское посольство было торжественно принято в Константинополе. Около того же времени печенеги осадили Киев, и Святослав поспешил на выручку своего стольного города. В историографии в основном принято мнение (Пресняков, Успенский, Греков, Лебедев, Левченко, Стоукс и др.) о том, что рейд печенегов на Киев был совершен по наущению греков, хотя существует мнение и в пользу того, что они были направлены туда болгарами.

Судя по дальнейшему развитию событий, когда, оказавшись в трудном положении, Святослав предложил в Доростоле мир и, согласно Скилице, просил Цимисхия, чтобы тот направил посольство к печенегам с просьбой позволить руссам пройти через их земли к себе на родину, Византия и в этот период имела в качестве своих союзников часть печенегов. Их набег на Киев в 968 году тесно связан с последующим развитием дружественных отношений с империей.

Таким образом, с момента появления Святослава на Дунае Никифор Фока вопреки договору с Русью начинает против нее активные действия, которые, видимо, не носят еще открытого характера. Такой вывод можно сделать исходя из того, что в истории остались неизвестными истинные инициаторы печенежского нападения с 968 года, а содержание переговоров Никифора Эротика и Феофила Евхаитского в Болгарии, как и прием болгарского посольства в Константинополе, еще прямо не указывали на антирусские происки византийского императора. Поэтому летом 968 года русские торговые суда, о которых сообщает Лиутпранд, стояли на рейде византийской столицы, хотя Византия начала активную борьбу против присутствия руссов на Дунае. Это еще раз говорит о вынужденности византийского нейтралитета в этом вопросе.

С лета – осени 967 по лето 968 года Святослав находился в Переяславце. Внешне отношения с Византией были хорошими, хотя к этому времени в Константинополе могли узнать о происках Калокира. С Болгарией также установились мирные отношения. Во всяком случае, ни о каких военных действиях болгар и русских в это время сведений нет. В то же время нет и сведений о том, что Святослав в этот период претендовал на овладение всей Болгарией. Кажется, что установилось то *status quo*, которое устраивало и Византию и Русь, хотя, как мы уже убедились, империя готовилась к схватке со Святославом, а тот в свою очередь, еще будучи в Киеве, заключил тайный договор с Калокиром о совместных действиях против Никифора Фоки.

Относительно этого времени у нас есть лишь одно свидетельство “Повести временных лет”. Там сказано весьма лаконично: “и седе княжа ту въ Переяславци, емля дань на грѣцех”. Однако эта фраза исполнена большого исторического смысла. Она возвращает нас к истокам русско-византийских мирных урегулирований — вопросу об уплате империей ежегодной дани Руси. Уплата дани, как мы это показали ранее, лежала в основе всех мирных соглашений Руси с Византией начиная с 860 года. Действие этого условия приостанавливалось во время военных конфликтов и возобновлялось после заключения очередного русско-византийского договора. Мы не знаем, прекращала ли Византия выплачивать Руси дань в период их конфликта 966 – 967 годов. Но, судя по тому факту, что летописец упомянул о взимании Святославом дани с греков во время пребывания его в Переяславце, это может быть косвенным свидетельством нарушения империей своих традиционных финансовых обязательств в отношении союзника.

После посольства Калокира отношения двух государств на время нормализовались, и империя вновь стала выплачивать Киеву регулярную дань, что и зафиксировано в летописи. Поэтому точка зрения о том, что Калокир привез в Киев часть этой дани с обещанием остальную сумму выплатить после появления руссов на Дунае, представляется нам необоснованной. Мы уже отмечали, что Византия вообще не собиралась звать Святослава на Дунай, а тем более платить за его появление вблизи от имперских границ золотом.

15 кентинариев, как это сказано у Льва Дьякона, Калокир роздал русскому князю и другим знатым руссам. Сделано это было, как мы полагаем, с целью убедить руссов отказаться от нападения на византийские владения в Крыму и Северном Причерноморье. В 967 – 968 годах дань вновь исправно выплачивалась империей Руси.

Однако в данном случае нас в большей степени интересует вопрос о длительности пребывания Святослава именно в Переяславце. Он не ставил целью завоевывать Болгарию, не собирался в 967 году и прогонять греков в Малую Азию. Представляется, что овладение ключевыми пунктами на Нижнем Дунае вполне устраивало русского князя.

Правда, византийские хронисты говорят о том, что во время первого похода руссы захватили Болгарию и не желали покидать страну вопреки договору, заключенному ими с Никифором. Однако эти сведения находятся в резком противоречии с сообщениями Льва Дьякона и Лиутпранда об обмене посольствами между Болгарией и Византией, то есть о самостоятельном политическом существовании Болгарского царства, у которого Святослав отвоевал лишь тот район, через который проходили русские торговые пути на Балканы и в Западную Европу.

Византийские хронисты, рассказав о появлении Святослава в Болгарии, также хранят молчание относительно его дальнейшего там пребывания и возвращаются к руссам, уже говоря о начале русско-византийского конфликта, относящегося к 970 году, когда византийский престол занял Иоанн Цимисхий. Это в свою очередь свидетельствует о затишье в военных действиях и о том, что Святослав считал для себя цель похода достигнутой.

Как мы уже отмечали, Никифор Фока проявил большую озабоченность положением дел и принялся укреплять Константинополь, установил дипломатические связи с Болгарией. Однако до воцарения Иоанна Цимисхия греки не требовали ухода руссов из Подунавья, и лишь новый император заявил Святославу о необходимости выполнять договоренность с Никифором Фокой, то есть, получив обещанную ему награду, уйти из Болгарии. Прежнее болгарское правительство, видимо, было согласно с таким поворотом событий. Об этом говорят два примечательных факта. Болгары “с воздетыми руками умоляли императора защитить их”. “Если бы он помог им,— замечает Лев Дьякон, — то, без сомнения, одержал бы победу над скифами”. Однако эти просьбы, видимо, мало волновали Никифора Фоку: вскоре после установления дипломатических контактов с болгарами греческие войска во главе с патрикием Петром ушли в Сирию и осадили Антиохию. Византия, опасаясь своего союзника, против собственной воли согласилась с его появлением на Дунае и никаких требований к руссам в 967—968 годах не предъявляла, хотя Никифор Фока предпринял против них ряд тайных действий, в частности направил печенегов на Киев. Поэтому сообщение Льва Дьякона о том, что, согласно договору, Святослав якобы должен был уйти из Болгарии, противоречит не только его же сведениям, но и ходу событий.

Стремление Руси сохранить за собой контроль над низовьями Дуная подтверждается и другими сведениями русской летописи. В первую очередь здесь следует упомянуть о словах, якобы переданных киевлянами с гонцом своему князю: “Ты, княже, чюжея земли ищеши и блюдеши, а своя ся охабивъ...” Мы вовсе не считаем, что это достоверное послание, а не результат, скажем, позднейшей компиляции, однако оно в известной степени представляет собой оценку древним автором ситуации, сложившейся в Подунавье, когда, утвердившись там, Святослав не торопился возвращаться на родину, и предпочитал блюсти “чюжея земли”, чем заботиться о своей “отчине”.

В этом же направлении ведет нас и известная летописная фраза, приписывающая князю слова о том, что Переяславец — это “середа” его земли. Она объясняет и причину интереса Святослава к Переяславцу, который был одним из центров восточноевропейской торговли, куда “вся благая сходятся”.

Наконец, о стремлении руссов сохранить стабильное положение именно в Подунавье говорит и тот факт, что Святослав оставил часть своего войска на Дунае после его ухода в 968 году на выручку Киева. Узнав об опасности, грозившей русской столице, Святослав “вборзе вседе на коне съ дружиною своею, и приде Киеву”. Именно так интерпретировали эти слова летописи Татищев, Чертков, Погодин, а позднее Левченко, Стоукс. Причем историки подчеркивали,

что Святослав увел с собой на родину лишь конную дружину. Пехота - основная часть русского войска, передвигавшаяся на судах, осталась на Дунае.

Характерно и свидетельство на этот счет Льва Дьякона. Рассказав о тех трудностях, с которыми встретился Иоанн Цимисхий после захвата власти в декабре 969 года, византийский хронист сообщает о постоянных набегах руссов на византийские владения, а это означает, что руссы, оставшиеся в Северной Болгарии, не соблюдали мира с Византией. Кроме того, византийские хронисты не упоминают о втором походе Святослава на Дунай, а это может означать лишь одно: согласно их представлениям, руссы владели этим районом и никуда из Подунавья не уходили.

В этом контексте известный интерес представляют сведения В. Н. Татищева, сообщившего, что после ухода Святослава из Переяславца город обступили болгары, воспользовавшиеся отсутствием русского князя, и попытались взять его. В Переяславце заперся воевода Святослава Волк и “крепко во граде оборонялся”. Затем из-за нехватки продовольствия, а также узнав, что “некоторые граждане имеют согласие с болгары”, он тайно вывел войско из города, сумел обмануть осаждавших и ушел вниз по Дунаю. В устье Днестра он встретился с возвращавшимся из Киева Святославом.

Если события, о которых говорит Татищев, действительно имели место, то они, видимо, относятся, либо к осени 969, либо к весне 970 года. Единственным указанием на хронологию здесь является факт возвращения Святослава обратно на Дунай, что произошло, согласно летописи, после смерти Ольги.

Первое, что сделал Иоанн Цимисхий, по сведениям Льва Дьякона, — это попытался заключить мир с руссами и направил к Святославу посольство. Если учесть, что русско-византийская война разгорелась летом 970 года, то приходится признать, что и русский летописец, и византийский хронист близки не только в описании событий 968 – 970 годов, но и в последовательности их изложения. Отсюда вытекает и общность их хронологии. События со времени ухода Святослава в Киев до его возвращения на Дунай укладываются в промежуток между 968 годом и весной 970 года. Причем овладение болгарами Переяславцем относится не к началу этого периода, а к его концу, так как Святослав подоспел на выручку Волку, застав того еще на Днестре. А это еще раз говорит в пользу пребывания русского войска в Болгарии, по меньшей мере, в течение двух лет.

Наконец, о постоянстве интереса Святослава к Подунавью свидетельствует и известная летописная версия о разделе им своей “отчины” между своими сыновьями. Ярополка он посадил в Киеве, Олега — “в деревехъ”, то есть в землях древлян, Владимира же отдал в Новгород. Эта версия не вызывает сомнения у историков, поскольку она в дальнейшем подтверждается борьбой за киевский престол, начавшейся после гибели Святослава между его сыновьями. Совершенно очевидно, что Святослав предполагал перенести свою резиденцию на Дунай, сохранив за собой и огромное древнерусское государство.

Таким образом, захватив после разгрома Хазарского каганата ряд владений в Поволжье, Приазовье, Северном Причерноморье и Крыму, оказав давление на византийские владения в этих районах, Святослав, можно полагать, добился нейтралитета империи в период его борьбы с Болгарией за Подунавье. Мы считаем, что именно в этом заключался смысл дипломатических переговоров Святослава и Калокира в Киеве и всех действий Святослава в 967—970 годах, до начала русско-византийской войны. Святослав не просто прошел огнем и мечом по необозримым пространствам от волжских лесов до Северного Кавказа, от Крыма и до нижнего течения Дуная, но и осуществил попытку прочно овладеть этими территориями. Об этом говорят его меры по управлению захваченными районами в Приазовье и Поволжье, в Северном Крыму, его договор с греческим владетелем климатов и упорное стремление сохранить за собой Переяславец с округой. На решение этих задач и были направлены дипломатические усилия Руси того времени.

Возникает вопрос: только ли экономическими, торговыми интересами был вызван поход Святослава на Дунай? Думается, что планы великого князя были значительно шире. Несомненно, Переяславец занимал важное место в системе русской торговли на Юго-Западе и Западе и

имел большое значение для Руси, однако главная задача, которую стремился решить Святослав как на Востоке, так и на Юго-Западе, — это сокрушить своих политических и военных противников, а затем уже извлечь экономические выгоды из своих побед. Врагами Руси в это время являлись и Хазария, и Болгария, где власть находилась в руках провизантийски настроенной знати.

Мы уже писали выше о том, что Болгария в 30—60-х годах проводила враждебную по отношению к Руси политику. В “Записке греческого топарха” сохранилось смутное упоминание о Дунае в связи с политикой “варваров” (так он называл руссов, а самого русского князя именовал властителем, правящим к северу от Дуная).

Говоря о русско-болгарских противоречиях той поры, В. Н. Татищев сообщает о том, что удар по Болгарии Святослав нанес в отместку за помощь болгар хазарам, а во время похода на Дунай ему пришлось преодолевать силы военной коалиции болгар, хазар, ясов и касогов. Этот факт представляется нам вполне достоверным, поскольку русско-болгарские отношения тех лет действительно отличались враждебностью, вызванной политикой правящей в Болгарии провизантийски настроенной верхушки. Вместе с тем следует обратить внимание на тот факт, что Святослав в 969—971 годах не предпринял никаких враждебных действий против Западной Болгарии, где укрепилось антивизантийское правительство “комитопулов”. Значит, он выступал лишь против провизантийски настроенного правительства царя Петра, а затем Бориса.

Мы уже отмечали, что Болгария того времени была расколота борьбой различных политических группировок, власть там захватили провизантийские элементы, однако по-прежнему, как это показали последующие события, в стране имели влияние и противники Византии, те представители знати, которые, ориентируясь на политику, проводившуюся Симеоном, симпатизировали Руси. Следовательно, целью первого похода Святослава на Дунай являлось, на наш взгляд, прежде всего изменение ориентации болгарского правительства, соотношения сил в Болгарии, превращение ее вновь в дружественное Руси государство. Захват Подунавья, постоянная угроза Преславе со стороны Руси подкрепляли эти политические расчеты. Именно эти шаги и обеспечивали коренные экономические интересы раннефеодального древнерусского государства в данном районе.

Первый поход русского войска на Дунай, как мы полагаем, закончился мирным договором между Русью и Болгарией. В пользу этого говорит несколько обстоятельств: во-первых, долгое пребывание руссов в Переяславце без ведения каких-либо военных действий против болгар; во-вторых, нормально складывавшиеся отношения между Русью и Византией в это же время. Святослав по-прежнему получал дань с Византии, русские торговые суда еще в 968 году находились в константинопольской гавани. А это значит, что в это время в русско-византийских отношениях действовали условия договора 944 года. Кроме того, византийский император не оказал активной поддержки болгарам против Руси, хотя дипломатические отношения между Византией и Болгарией были восстановлены.

Одним из основных условий русско-болгарского соглашения, по-видимому, был пункт о контроле Руси над землями по нижнему течению Дуная.

Но это вовсе не означало, что и Византия, и антирусская группировка в болгарском правительстве согласились с таким положением вещей. Отсюда болгаро-византийское сближение, на которое охотно шла провизантийски настроенная болгарская верхушка, набег печенегов на Киев. Об этом же говорит и попытка провизантийской группировки среди болгарской знати повернуть ход событий в прежнее антирусское русло, отражением чего и явилось возобновление Болгарией военных действий против Руси в 969 году.

Русь также не рассчитывала на мирный исход дела и готовилась в основном к противоборству с Византией. Враждебность руссов к империи проявилась как в тайных переговорах Святослава с Калокиром, так и в последующих набегах руссов на византийские владения в Европе, что позволило Льву Дьякону писать о состоянии войны между Русью и Византией еще до 970 года.

Такой нам представляется истинная подоплека событий, которая отразилась в оживленной дипломатической деятельности Руси, Византии, Болгарии, печенегов, Херсонеса, владельца

крымских климатов. Результатом этой деятельности стали соглашения Руси с крымскими васалами Византии (966 г.), с Византией (967 г.), с Болгарией (967 г.), Византии с Болгарией (968 г.). Во второй половине 968 года, отогнав печенегов от Киева, Святослав также заключил с ними мир.

Однако к этому времени относятся и некоторые другие дипломатические шаги Руси, которые не были замечены историками.

Уже в 967 году Святослав пытается найти союзников для своих предстоящих военных предприятий. Первыми из них стали венгры. В нашем распоряжении на этот счет имеется одно косвенное свидетельство Лиутпранда и прямое свидетельство В. Н. Татищева, не подтвержденное иными источниками. Рассмотрение их в совокупности и сопоставление со сведениями других источников дают возможность пролить дополнительный свет на состояние русско-венгерских дипломатических отношений.

Лиутпранд сообщил, что в июле 968 года, то есть во время его пребывания в столице Византии, венгры совершили нападение на Фессалонику и увели в плен 500 греков. Таким образом, примерно в то время, когда печенеги шли на Киев, угры напали на византийские владения. Конечно, у нас нет никаких оснований делать вывод, будто Святослав, следуя образцу византийской дипломатии, организовал этот рейд угров на Фессалонику, однако одновременность этих двух нападений заставляет обратиться к другим, уже упоминавшимся рейдам угров на византийскую столицу в 934 и 943 годах.

Под 934 год “Повесть временных лет” вслед за греческими источниками сообщила, что угры, захватив всю Фракию, впервые подошли к Константинополю. Роман I Лакапин вынужден был заключить с ними мир. К тому же времени относится разрыв мирных и добрососедских отношений между Русью и Византией, что, в конце концов, привело к русско-византийской войне 941—944 годов. Враждебные действия угров по отношению к империи, таким образом, совпали по времени с резким обострением русско-византийских противоречий. Подобная же ситуация повторилась в начале 40-х годов X в. Потерпев поражение от греков в 941 году, Игорь собирает в новый поход крупные силы, нанимает печенегов, привлекает к участию в походе варягов. А незадолго до этого, в 943 году) угры напали на Константинополь и вынудили императора Романа вновь заключить с ними мир. И вновь обострение отношений Руси и Византии совпало с венгеро-византийским военным конфликтом.

Наконец, следующий этап одновременных антивизантийских действий приходится на конец 60 – начало 70-х годов. Такое совпадение едва ли можно считать случайным, как нельзя назвать случайностью и тот факт, что Олег в 907 году прошел к стенам Константинополя по территории Болгарии, которая незадолго перед этим вела войну с Византией.

С учетом таких “совпадений” мы обязаны рассмотреть сведения В. Н. Татищева о союзных действиях Руси и венгров еще в 967 году. Двинувшись в Болгарию, Святослав не спешил появиться на Дунае. Поначалу он направился вверх по Днестру, “где ему помощь от венгров приспела”. Он записал: “С угры же имел любовь и согласие твердое”. Заметим при этом, что Татищев не располагал известием Лиутпранда о нападении угров на территорию Византии в 968 году.

Эти факты, сопоставленные со сведениями византийских хронистов об участии венгров в антивизантийской коалиции, возглавлявшейся Святославом в 970 году, указывают, что они не случайно появились вместе с русскими и печенегами под Аркадиополем. Первые признаки их совместных с руссами антивизантийских действий восходят еще к 30 - 40-м годам. От 967 – 968 годов на этот счет доходят более определенные сведения. К 970 году относятся прямые показания источников о русско-венгерском антивизантийском военном союзе.

Таким образом, есть основания утверждать, что уже во время первого похода на Дунай Святослав постарался обеспечить это военное предприятие дипломатическими средствами: он заключил договор о невмешательстве в его действия со стороны Византии, урегулировал свои отношения с крымскими владетелями, вошел в дипломатические контакты с уграми и совместно с ними выступил против болгарского войска и союзных ему отрядов.

После овладения Нижним Подунавьем [Святослав](#) заключил мир с Болгарией, а позднее, после победы над печенегами, также урегулировал отношения с ними, заключив мирный договор. Причем некоторые из этих соглашений, видимо, носили тайный характер, так как были направлены против третьей стороны и должны были сохраняться в секрете, как, например, более ранние соглашения Руси с Византией, направленные против закавказских мусульманских владетелей, возможно, против Хазарии в 965 году. К таким соглашениям относились договор между [Святославом](#) и Калокиром и, вероятно, соглашение о совместных действиях с уграми против болгар.

Примечательно, что в рамках одного тайного договора, который носил “официальный” характер, [Святослав](#) заключил секретное соглашение лично с византийским послом о будущих совместных действиях против Никифора Фоки.

Такова была, на наш взгляд, суть дипломатических отношений в Восточной Европе, Северном Причерноморье, Крыму, Приазовье и Поволжье в 965 - 968 годах. Активную роль в их развитии играла древняя Русь.

Дипломатия Святослава в период русско-византийской войны 970 - 971 годов

Осенью 969 года Святослав вновь появился на Дунае. К этому времени его мирные отношения с болгарами оказались нарушенными. Новое болгарское правительство во главе с царем Борисом, опираясь на союзный договор с Византией 968 года, приступило к решительным действиям: русские гарнизоны были выбиты из дунайских крепостей, Переяславец осажден и затем захвачен. Болгария вновь оказалась в состоянии войны с Русью.

Однако Святослав быстро восстановил утраченные было позиции. Нанеся поражение болгарскому войску под Переяславцем, он затем штурмом взял город. Русская летопись указывает на упорный характер этих боев — “бысть сеча велика”. Более подробно раскрывает ход событий В. Н. Татищев. Причем он указывает, что среди горожан не было единства: часть из них (“некоторые граждане”) вступила в “согласие с болгоры”. Именно это, согласно Татищеву, и определило то, что русский воевода Волк оставил город. Примечательно и сообщение Устюжской летописи о том, что, взяв Переяславец, Святослав “казни в нем изменников смертию”, что указывает на сложную обстановку в городе в период пребывания там руссов, наличие среди горожан симпатизировавших руссам и тех, кто относился к ним враждебно. Этот факт также говорит и об оценке русским князем Переяславца как города, который уже принадлежал руссам, поэтому сопротивление горожан их власти и каралось как измена.

Расчет болгарского правительства на помощь Византии не оправдался — лучшие греческие войска в это время находились в Сирии и стояли под Антиохией. В октябре 969 года город был взят.

Именно на это время приходится обострение русско-византийских противоречий. Какие у нас есть на этот счет свидетельства? Прежде всего, данные “Повести временных лет” о том, что греки перестали выплачивать Руси дань. Повествуя о начавшемся на следующий год военном столкновении между руссами и греками и о попытках греков покончить дело миром, летопись сообщает: “И реша гръци: «Мы недужи противу вамъ стати; но возми дань на насъ, и на дружину свою»”. Это означало, что весной 970 года Византия согласилась по-прежнему уплачивать ежегодную дань Руси и, кроме того, обычную в таких случаях военную контрибуцию на дружину. Однако греки обманули Святослава. Они собрали “множества вой” “и не даша дани”. Приведенные факты говорят лишь об одном: дань, которую брал с Византии Святослав, сидя в 967 – 968 годах в Переяславце, греки к моменту захвата престола Иоанном Цимисхием, то есть к 11 декабря 969 г., Руси уже не уплачивали.

Во-вторых, следует вновь обратиться к сообщению Льва Дьякона о постоянных набегах руссов на византийские владения, с которыми столкнулся новый император.

В-третьих, мы должны в этой связи прислушаться и к сведениям В. Н. Татищева, который указал: “Уведав же Святослав от плененных болгар, что греки болгар на него возмутили, послал в Константинополь к царю объявить им за их неправду войну”.

В этом сообщении нет ничего, что могло бы вызвать подозрение. Наличие болгаро-византийского сговора против Руси подтверждается данными византийских хронистов, анти-русская направленность действий части болгарской верхушки проявилась во время нападения на русские гарнизоны на Дунае и захвата болгарами Переяславца. Отвоевав обратно Переяславец, Святослав мог от бывших там болгар узнать о подробностях соглашения, заключенного за его спиной болгарским правительством и Никифором Фокой. Однако было бы неправильным думать, что именно эти сведения явились причиной объявления Русью войны Византийской империи. Это могло явиться лишь предлогом для наступления русского войска на владения империи. Главное же заключается в том, что Русь и Византия в 60-х годах остро соперничали между собой за преобладание в Северном Причерноморье, Крыму и на Балканах.

К началу 70-х годов Русь, несмотря на значительные успехи во всех этих регионах, не смогла добиться решающего перевеса ни в одном из них. Свои владения в Северном Причерноморье и Крыму Византия сохранила с помощью дипломатической хитрости: сначала позволив Святославу появиться на Балканах, тут же направила против него печенегов и болгар. Прекращение империей уплаты дани Руси не только указывало на то, что империя считала дело сделанным и после нападения печенегов на Киев и захвата болгарами Подунавья полагала, что Святослав вновь отброшен к своим границам, но и показало воинственность Никифора Фоки по отношению к Руси.

Мы должны иметь в виду и свидетельство Льва Дьякона о начале переговоров Цимисхия с руссами с заявления, “чтобы он (Святослав.—Л. С.), получив обещанную Никифором награду по случаю похода против мисян, возвратился в свои владения, к Киммерийскому Боспору, и оставил Мисию”. А это означало, что хронист отразил подход византийских властей к взаимоотношениям с Русью лишь в 969—970 годах, когда вопреки всем надеждам греков Святослав снова появился на Дунае. Именно в это время, несмотря на свои прежние заверения, греки потребовали ухода Святослава из Болгарии. В известной степени углублению разрыва способствовали измена Калокира и сведения о его сговоре со Святославом, которые могли дойти до Константинополя.

Пониманию сути противоречий между Византией и Русью способствует и анализ содержания переговоров между Святославом и Цимисхием в 970 году.

Уже во время первых переговоров с Цимисхием русский князь заявил, что он требует либо огромного выкупа за завоеванные города, либо ухода греков из Европы, “им не принадлежащей”, в Азию. Во время вторых переговоров Святослав гордо заявил, что руссы скоро поставят свои шатры “перед византийскими воротами”.

Таким образом, из этих сведений византийского хрониста видно стремление Руси нанести Византии решающий удар на Балканах. Это соответствовало и замыслу Святослава на переговорах с византийским послом еще в 967 году.

Что касается вопроса о Болгарии, то мы должны решать его совсем в иной плоскости, чем это предлагает Татищев. Судя по развитию событий, Святослав не мог смириться с тем, что Болгария, находящаяся рядом с его дунайскими владениями, в результате стараний провизантийски настроенной знати в 30—60-х годах стала государством, враждебным Руси. Успех 967 года едва не был перечеркнут захватом болгарами Переяславца. За Болгарией стояла Византия, и, до тех пор, пока империя оказывала влияние на болгарскую политику, Святослав не мог чувствовать себя спокойно в Подунавье.

Эти противоречия, возникшие еще в середине 60-х годов после активного вторжения руссов в Северное Причерноморье и Крым, так и остались нерешенными до начала 70-х годов X в. С точки зрения Византии, выход был лишь один — удалить Святослава из Болгарии. С точки зрения Руси, вопрос мог быть решен путем нанесения империи решающего удара и превращения Болгарии в дружественное государство, как это было во времена Симеона.

Решению этих задач и были подчинены дипломатические шаги, предпринятые Византией в 968—970 годах. Она организовала нападение печенегов на Киев, подтолкнула Болгарию против Руси, предложила в 969 или в 970 году Святославу уйти из Болгарии. Русь ответила войной.

И византийские, и русские источники отмечают, что после отдельных набегов руссов на византийские владения на исходе 969 года между Русью и Византией в 970 году началась открытая война.

Она разразилась в период, когда Цимисхий столкнулся с большими внутри- и внешнеполитическими трудностями. Это указывает на стремление руссов нанести удар империи в трудные для нее дни, как это бывало и прежде. В это время арабы попытались отвоевать обратно Антиохию, в империи разразился тяжкий голод, который уже три года терзал страну и обострился к 970 году; в период военных действий начался мятеж Варды Фоки, весьма беспокоивший нового императора.

Важно отметить, что после смерти царя Петра в 969 году произошел раскол Болгарии, и “комитопулы” образовали Западно-Болгарское царство, которое стало проводить антивизантийскую политику. Это обстоятельство также способствовало усилению позиций Руси.

В этих условиях Цимисхий решил сначала покончить дело миром и направил к Святославу свое первое посольство. Лев Дьякон рассказывает, что оно обязалось выплатить Святославу “награду”, обещанную Никифором Фокой, и потребовало ухода руссов из Болгарии. “Повесть временных лет” также сообщает о первом посольстве греков к руссам, однако считает, что основным сюжетом переговоров был вопрос о дани. Согласно византийскому хронисту, руссы не пошли на мир и потребовали либо огромного выкупа, либо ухода греков из Европы. Греки не согласились выплачивать дань Руси, что и определило начало военных действий. Вторые переговоры Лев Дьякон связывает непосредственно с неудачей первых. Летопись же вначале рассказывает о ходе военных действий, о победе русского войска во главе со Святославом над греками и о его походе на Константинополь: “И поиде Святославъ ко граду, воюя и грады разбивая...”. Причем, говоря о втором посольстве к Святославу, Лев Дьякон мало чем отличает его от первого: послы напомнили русскому князю о поражении Игоря, упрекнули его в нарушении мира и получили дерзкий ответ Святослава, сказавшего, что вскоре он будет у стен Константинополя.

Русский же летописец говорит совсем об ином. Он отмечает двукратность и сложность русско-византийских переговоров. Поначалу, согласно летописи, греки направили к Святославу посольство, преподнесшее ему золото и паволоки. Князь остался равнодушен к этим дарам, и греки направили к Святославу новое посольство, подарившее ему оружие, которое понравилось князю. Это якобы испугало греческих “боляр”, которые по возвращении этого посольства сказали: “Лють се мужъ хочеть быти, яко имения не брежеть, а оружье емлетъ. Имися по дань”. И лишь после этого император направил к Святославу четвертое по счету посольство, которое и передало русскому князю предложение императора: “Не ходи къ граду, возми дань, еже хоцещи”. И далее летописец добавляет: “За маломъ бо бе не дошелъ Царяграда”. Греки обязались уплачивать Святославу дань (“даша ему дань”), а также выплатили руссам контрибуцию, в том числе и на убитых, с тем чтобы взял род каждого из них. Сам же Святослав “взя же и дары многы, и възратися в Переяславец...”.

Таким образом, если сведения о первом посольстве в некоторой степени совпадают у Льва Дьякона и русского летописца, то далее они расходятся. Византиец сообщает о второй попытке греков договориться с руссами, летописец же о ней не упоминает, зато передает историю заключения русско-византийского мира, последовавшего за военными действиями.

Для того чтобы определить последовательность и смысл событий, и в первую очередь их дипломатическую сторону, необходимо выявить характер военных действий, которые должны были в известной степени повлиять на ход дипломатических переговоров сторон.

Как мы уже отмечали, византийские источники сообщают о неудачном для руссов сражении под Аркадиополем, а русская летопись — о победе русского войска во главе со Святославом в ожесточенном бою над греками. Соответственно разделились и мнения историков.

Одни доверяли византийцу, другие — сообщению русской летописи, и лишь М. Я. Сюзюмов обоснованно, на наш взгляд, заметил, что в византийских хрониках и русской летописи речь идет о совершенно разных сражениях. Автор при этом обратил внимание на то, что Варда Склир сражался под Аркадиополем с коалиционным войском, состоявшим из русских, болгар, печенегов, угров. Там погиб русский вождь, между тем как Святослав продолжал руководить русским войском. М. Я. Сюзюмов заметил и то, что из двух полководцев, посланных в 970 году против Святослава, — Варды Склира и героя штурма Антиохии патрикия Петра далее Лев Дьякон и Скилица упоминают лишь одного — Варду Склира — победителя при Аркадиополе. А это значит, что опытного патрикия постигла неудача: он был разбит Святославом и том самом ожесточенном бою, о котором пишет русская летопись.

Эта точка зрения может быть подкреплена и рядом других фактов, не отмеченных исследователем.

После неудачи двух первых посольств к Святославу Иоанн Цимисхий, согласно Льву Дьякону, стал готовиться к войне. Он приступил к реорганизации армии, создал отряд “бес- смертных”, затем приказал двум своим лучшим полководцам — магистру Варде Склиру и патрикию Петру отправиться со своими полками в Европу, “в пограничную и близкую область Мисии”; там им надлежало зимовать, охранять византийские владения от “скифских” набегов. Войска выступили в Европу.

Шла зима 969 – 970 годов. Русские осуществляли набеги на византийские владения, однако широких военных действий еще не велось. Они разгорелись позднее на полях Македонии и Фракии. Во Фракии с руссами дрался патрикий Петр. В одном из сражений он победил “ски- фов”, убил их предводителя. Далее сведения о Петре исчезают. Руссы, узнав о появлении гре- ков в Европе, “отделили от своего войска одну часть и, присоединив к ней рать гуннов (печене- гов - А. С.) и мисян (болгар. - А. С.), послали против ромеев”. Это сообщение говорит о том, что руссы действовали не единым войском, а по меньшей мере двумя отрядами, один из кото- рых воевал совместно с союзниками. Скилица дополняет данные Льва Дьякона известием о том, что под Аркадиополем кроме руссов, болгар и печенегов против греков сражались также венгры. Таким образом, предположение М. Я. Сюзюмова о состоявшихся по меньшей мере двух крупных сражениях греков с руссами находит в этих фактах дополнительное подтвержде- ние. Какое из них было в начале, какое в конце военной кампании 970 года, сказать определен- но невозможно, но, судя по тому, что греки запросили мира, решающим было то, в котором войско во главе с самим Святославом взяло над византийцами верх.

Общая схема событий в связи с этими наблюдениями представляется следующей. После набегов на византийские владения осенью и зимой 969—970 годов руссы перешли к решитель- ным действиям совместно со своими союзниками весной 970 года, опустошая Фракию и Маке- донию. Русское войско было разделено на две части, одна из которых сражалась во главе со Святославом. Это полностью соответствовало тактике руссов в этой войне, которые организо- вали серию набегов на земли Византии.

А это значит, что под Аркадиополем сражалась лишь часть русских сил.

Другим аргументом в пользу этого предположения являются сведения о количестве сра- жавшихся. Под Аркадиополем, по данным Льва Дьякона, у Варды Склира было 10 тыс. воинов, у неприятеля — 30 тыс. Даже не принимая на веру данных византийского хрониста, мы не мо- жем не обратить внимание на относительно небольшое количество греческих воинов, бывших под началом Варды Склира, и на то, что, по данным хрониста, здесь было не все русское вой- ско. Заметим, что и позднее, во время передышки в войне с осени 970 до весны 971 года, рус- ское войско также было разделено на две части. В Преславе действовал русский отряд во главе со Сфенкелом, сам же Святослав находился на Дунае. Такому положению дел соответствовало и разделение византийской армии на две части, которым предстояло выступить против отрядов противника. Перед магистром Склиром и патрикием Петром стояла задача воспрепятствовать обоим частям русского войска в их действиях. Причем начальником фракийских войск был Варда Склир.

Патрикий Петр, имевший успех в отдельных стычках с руссами, возможно, с их передовым отрядом, затем встретился в решающем сражении с главными силами Святослава. Именно описание этой битвы мы и находим в “Повести временных лет”. Руссы одолели и “бежаша гръци”. После этого Святослав двинулся “ко граду”, “воюя” и “разбивая” другие города — продолжалось опустошение Фракии. В это время на ближних подступах к Константинополю Варда Склир встретил русский отряд, а также союзные руссам отряды болгар, печенегов и угров. Союзники потерпели поражение. Любопытно, что, рассказывая об этом событии, Лев Дьякон как бы продолжает изложение русской летописи. Она сообщает, что руссы шли па Константинополь, а византийский хронист дополняет: Варда Склир остановил “быстрое продвижение россов на ромеев”.

Затем Варда Склир был отозван с европейского фронта в Малую Азию на подавление восстания Варды Фоки (Лев Дьякон), а Святослав после многократных переговоров с греками и заключения с ними мира на условиях выплаты Византией дани Руси, предоставления ей военной контрибуции и дорогих подарков князю ушел обратно на Дунай (летопись). И даже если мы выскажем недоверие этому сообщению летописца (для чего у нас нет особых поводов, хотя некоторые историки и считают, будто все рассуждения о дани — это очередная фальсификация русского автора), все равно мы должны согласиться с данными византийских хроник о приостановлении масштабных военных действий между руссами и греками с лета 970 до пасхальных дней 971 года, когда византийское войско осуществило быстрый и неожиданный для Святослава прорыв через Балканы.

Чем была вызвана эта передышка? Конечно, не победой руссов, иначе непонятен был бы уход Варды Склира в самый тяжелый для империи момент, когда враг находился под самым Константинополем. Тем более неверным было бы считать, что византийцы победили руссов, так как нам в этом случае пришлось бы полностью отвергнуть как недостоверные сведения “Повести временных лет”. Между тем данные летописи о переговорах Святослава с греками после решающего сражения соответствуют сообщению Льва Дьякона о том, что греки стремились закончить дело миром еще до широких военных действий.

Анализируя данные источников, мы можем сделать лишь один вывод: ни одной из сторон летом 970 года не удалось добиться решающего перевеса. Греки потерпели серьезное поражение во Фракии и потеряли там армию патрикия Петра, но на ближних подступах к Константинополю им удалось остановить союзников, нанести удар коалиционному войску, в которое входила лишь часть русских сил. Первыми под Аркадиополем были опрокинуты печенеги, затем другие союзники, и вторая коалиция дала первую трещину. Учитывая сложившуюся ситуацию и то, что греки запросили мира, Святослав отказался от попытки штурмовать Константинополь.

Такой ход событий соответствует их описанию в “Повести временных лет”; после победы над греками Святослав двинулся к Константинополю, “воюя” и “разбивая” иные города. Если бы эта битва была под Аркадиополем, то есть в непосредственной близости от византийской столицы, то далее двигаться было бы некуда — Константинополь был рядом. В то же время из летописного текста неясно, почему Святослав, собиравшийся взять Константинополь, вдруг согласился на мирные переговоры. Ответ на этот вопрос мы не получим, если не примем во внимание поражения союзных войск под Аркадиополем. Факт этого поражения либо скрыт летописью, либо неизвестен ей. В ней ничего не сказано и о ряде поражений руссов весной и летом 971 года, об осаде Доростола.

Таким образом, русская летопись рассказывает нам не всю историю войны, а лишь ее часть, связанную с успехами русского оружия. Поражения руссов, одно из которых заставило Святослава отказаться от штурма Константинополя и заключить с Цимисхием мир, в “Повести временных лет” даже не упоминаются.

Итак, летом 970 года в самый разгар войны враждующие стороны заключили мир, сведения о котором отложились в русской летописи и свидетельством чего явился уход Варды Склира в Малую Азию и прекращение широких военных действий до весны 971 года. Этому миру предшествовали двукратные переговоры до начала широких военных действий, жестокие

сражения крупных военных сил на полях Фракии, которые протекали с переменным успехом, а затем длительные и упорные переговоры между греческими посольствами и Святославом.

Судя по данным летописи, греки поначалу пытались действовать своим излюбленным способом — откупиться дарами. Об этом свидетельствуют и первое, и второе посольства Цимисхия. Однако потребовалось третье посольство для того, чтобы решить вопрос о мире. Конечно, мы вовсе не обязаны верить летописи в отношении количества посольств и содержания переговоров каждого из них, но Лев Дьякон также указывает на двукратные посольские контакты между руссами и греками, что в известной степени заставляет с доверием отнестись к сообщению летописи о нескольких дипломатических контактах сторон после приостановления наступления руссов на Константинополь.

Переговоры касались, прежде всего, прекращения военных действий византийцами, о чем говорит преподношение, сделанное Святославу, и в этом мы не должны видеть лишь легендарный элемент. Сложнее обстоит дело с содержанием последних посольских переговоров, которые закончились заключением мира. Ряд историков прошлого выразили сомнение в достоверности этих сведений, как и сообщения летописи о взимании Святославом дани с греков ранее, в 967 – 968 годах. Шлецер считал эти сведения “сказкой”, Златарский и Стоукс полагали, что в первом случае Святослав брал дань с болгар, Левченко рассматривал дань лишь как вознаграждение за участие руссов в походе против Болгарии и т. д. Согласиться с этими оценками — значит поставить под сомнение сами условия русско-византийского мира летом 970 года.

Мир 970 года был тесно связан с состоянием русско-византийских отношений 967—968 годов. Своими корнями его условия связаны с традиционным для отношений Руси и Византии обязательством империи выплачивать Киеву дань. Это обязательство, как мы полагаем, появилось в 860 году, затем было подтверждено в 907 и 944 годах и 967—968 годах. Ни о каком взимании дани с болгар в 967 – 968 годах не было и речи. Святослав, сидя в Переяславце, получал дань с греков. Эта дань не была платой за какую-то единичную услугу, предоставленную киевским князем империи, — подарки и вознаграждения шли по особому счету. Так, золото было привезено в Киев за отказ Святослава от давления на крымские владения Византии. Судя по словам Льва Дьякона, Святослав мог рассчитывать и на добавочное вознаграждение, если бы он покинул Болгарию, как этого требовали от него греки.

Условия мира в 970 году, как они изложены в “Повести временных лет”, четко отделили уплату дани от других обязательств Византии. Послы, возвратившись к императору, дали ему совет: “Имися по дань”. К Святославу было направлено новое посольство, которое везло ему ответ Иоанна Цимисхия: “Не ходи къ граду, возми дань, еже хоцещи”. Тем самым восстанавливалась уплата дани империей. Далее следует фраза: “И даша ему дань; имашеть же и за убьеных”. Здесь уже идет речь не о ежегодной дани, а о контрибуции. В 907 и 944 годах дань и контрибуция как условия мира также оговаривались отдельно. Еще одним условием мира явилось предоставление Святославу “даров многих”.

Существовала также договоренность, обусловленная тем, что греки, видимо, не сумели настоять на окончательном уходе русского войска из Болгарии. Согласно летописи, Святослав двинулся назад в Переяславец. Согласно же данным Льва Дьякона, весной 971 года он оказался в Доростоле, то есть также на Дунае.

Иоанн Цимисхий использовал передышку для борьбы с мятежен Варды Фоки. Вместо Варды Склира командующим византийскими войсками в Европе был назначен Иоанн Куркуас. И хотя отдельные стычки между руссами и греками продолжались, о крупных военных столкновениях сведений в источниках не отложилось, что также находится в соответствии с заключением того мира, о котором сообщила русская летопись.

Правда, узнав об уходе Варды Склира в Малую Азию, руссы, по сведениям Льва Дьякона, “делали нечаянные набеги, грабили и без пощады опустошали Македонию”. После назначения Иоанна Куркуаса они стали “надменнее и отважнее”

Эти сообщения еще раз подтверждают, что основные бои прекратились, но руссы продолжали отдельными набегами тревожить владения империи.

Сведения Скилицы о появлении после военных событий русского посольства в Константинополе с целью “выведавать дела ромеев”, а также о переговорах императора с русскими послами, в ходе которых Цимисхий упрекнул руссов в том, что они “допускали несправедливости”, указывают на наличие в это время мирных отношений между бывшими противниками. Это также подтверждает достоверность сообщения русской летописи о заключении между Русью и Византией мира.

Итак, в ходе дипломатических переговоров летом 970 года грекам не удалось добиться своей основной цели — вытеснить Святослава из Болгарии. Русь же силой оружия не только подтвердила те позиции, которые были ею завоеваны в 967—968 годах, но и значительно усилила их за счет превращения Болгарии из союзника Византии в собственного союзника.

Таким образом, летом 970 года между византийским правительством и находящимся на Балканах Святославом имели место многократные дипломатические переговоры. Лев Дьякон упоминает о двух посольствах Иоанна Цимисхия к русскому князю. Русская летопись сообщает о четырехкратных русско-византийских переговорах, одни из которых имели место до начала военных действий и соответствовали в значительной мере первому посольству, упоминаемому Львом Дьяконом, а остальные — уже после военных действий на полях Фракии, когда русское войско и отряды союзников появились в непосредственной близости от Константинополя. Но и это еще не все. Хроника Скилицы содержит известие о появлении посольства Святослава к Цимисхию на второй год его правления, то есть, вероятно, зимой или ранней весной 971 года. Реакция греков на это посольство весьма примечательна. Скилица записал, что в Константинополе посчитали его обычной разведкой, посланной русским князем “выведавать дела ромеев”. Цимисхий принял посольство и упрекнул руссов в том, что они допускали “несправедливости”. Это можно истолковать и как подтверждение прежних претензий греков к руссам, не желавшим уходить из Болгарии, и как недовольство постоянными набегами русских отрядов на византийские владения осенью 970 — зимой 971 годов, о которых сообщает Лев Дьякон.

Даже если заподозрить русского летописца в преувеличении количества посольств, то и в этом случае совершенно очевидна большая дипломатическая активность сторон, как до начала военных действий, так и после их прекращения.

О достоверности неоднократных русско-византийских посольских переговоров в течение 970 года говорят и отложившиеся в русских летописях сведения о форме их проведения.

Когда первое посольство явилось к Святославу с золотом и паволоками, князь сказал: “Въведете я семо”, то есть “введите их сюда”. Греки вошли, поклонились ему и положили перед ним дары (“Придоша, и поклонишася ему, и положиша пред нимъ злато и паволоки”). Святослав приказал своим слугам: “Схороните”.

Во время второго посольства с дарами Святослав “приимъ”, то есть принял послов, “нача хвалити, и любити, и целовати царя”.

Во время переговоров по поводу выработки условий мира стороны вели переговоры, передавая друг другу речи Цимисхия и ответы Святослава (“И посла царь, глаголя сие...” Святослав, “глаголя”: “Род его возьмет”).

В связи с первым посольством, принесшим дары, Устюжская летопись добавляет, что “придоша греци с челобитнем”; далее, почти повторив “Повесть временных лет”; “введите их само” и “поклонишася ему”, и “положиша пред ним злато и паволоки”, устюжский автор пишет, что, не взглянув на дары, Святослав “не отвеща послам ничто же, и отпусти их”. По поводу же второго посольства в Устюжской летописи говорится: “и отпусти с честью”.

Все эти детали переговоров, приведенные как в “Повести временных лет”, так и в Устюжской летописи, показывают, что в сознании позднейших авторов эти переговоры отложились именно как официальные дипломатические контакты, сопровождавшиеся обычным ритуалом приема иностранных посольств русским великим князем. Послов вводили и представляли князю, те преподносили ему дары; он выслушивал их, шли переговоры посредством обмена “речами”, затем осуществлялся “отпуск” послов. В одном случае Святослав просто отпустил их, в другом — “с честью”. Все это штрихи, рисующие действительную систему посольских переговоров, которая уже нашла более полное отражение в предшествующих русско-византийских

переговорах в связи с заключением договоров 907, 911, 944 годов, приемом в Константинополе Ольги, во время ответных греческих посольств к Игорю и Ольге.

Мы имеем дело с неоднократными переговорами, на которых стороны обсуждали лишь условия восстановления мирных отношений между двумя государствами. А поскольку мирные отношения основывались прежде на договорах 907 и 944 годов, то летом 970 года речь шла об уплате византийцами дани, контрибуции и дальнейшем пребывании руссов в Болгарии.

Дополнительный материал о системе русско-византийских переговоров летом 970 года дают миниатюры мадридского манускрипта хроники Скилицы. На одной из миниатюр изображены переговоры между Святославом и греческим посольством в период, как мы полагаем, лета 970 года, поскольку встреча между Цимисхием и русским князем под Доростолом по поводу заключения русско-византийского договора 971 года отражена на другой помещенной в манускрипте миниатюре.

Святослав сидит на троне и принимает послов. Трон Святослава украшен деревянным резным орнаментом. Автор миниатюры отразил, таким образом, свое восприятие Святослава как владетеля тех территорий, которые находились в руках руссов на Балканах, а также подтвердил достоверность сведений о форме посольских переговоров, проводившихся руссами и византийцами в течение 970 года. Этот изобразительный аргумент еще раз убеждает в том, что сообщения о форме дипломатических контактов между Святославом и Иоанном Цимисхием, отраженные в русских летописях, нельзя сбросить со счетов как чисто легендарные, недостоверные.

Возвращаясь к вопросу о военной стороне событий и связанных с ними дипломатических “инициатив”, следует сказать, что Устюжская летопись сообщает об обращении греков с челобитьем к Святославу, что подтверждается и данными “Повести временных лет” о военных трудностях греков летом 970 года. Этот факт говорит о том, что инициаторами заключения мира летом 970 года были греки, оказавшиеся в трудном положении, несмотря на победу под Аркадиополем. Руссы пошли на мир, так как уверенности в дальнейшем успехе после кровопролитных боев во Фракии и поражения под Аркадиополем у них не было. В пасхальные дни 971 года совершенно неожиданно для руссов Иоанн Цимисхий перешел через Балканы по неохраняемым горным проходам и обрушился на Преславу, где находились болгарский царь Борис, Калокир и русский отряд во главе со Сфенкелом. Беспечность руссов была очевидна. Сам Святослав находился в это время в Доростоле.

В историографии создавшаяся ситуация совершенно обоснованно была связана с русско-византийским договором о мире, заключенным в 970 году. Ряд ученых пришли к близким выводам, в основе которых лежала мысль о том, что руссы осенью 970 и зимой 971 годов были убеждены в стабильности создавшегося положения, в неспособности Византии осуществить скорое наступление, а главное — что Святослав поверил в реальность мира, заключенного в 970 году.

Но данный фактический материал позволяет сделать и другой вывод: неожиданное для руссов появление Цимисхия в Северной Болгарии еще раз подтверждает достоверность сообщений русских летописей о заключении мира между греками и Русью и о содержании этого мира, в центре которого стоял все тот же вопрос об уплате Византией дани Киеву.

Что касается того, действительно ли византийский император пошел на сознательный обман Святослава и постарался лишь выиграть время, заключив невыгодный для Византии мир, то это предположение историков находит дополнительное подтверждение в концепции, сформулированной византийским полководцем XI века Кекавменом в своем “Стратегиконе”. Он писал: “Если враг ускользает от тебя день от дня, обещая либо мир заключить, либо дань уплатить, знай, что он ждет откуда-то помощи или хочет одурачить тебя. Если неприятель пошлет тебе дары и приношения, коли хочешь, возьми их, но знай, что он делает это не из любви к тебе, а желая за это купить твою кровь”.

“Мудрость” Кекавмена имела прочную основу в виде традиционной военной и дипломатической тактики восточноевропейских правителей, и в первую очередь самой Византийской империи, для которой военное и дипломатическое коварство стало своего рода нормой. Много-

численные перемирия и миры, заключенные греками с окружающими государствами, уплата им дани, огромных контрибуций нередко являлись лишь средством выиграть время, усыпить бдительность противника, обмануть его, а потом нанести ему неожиданный удар. Читая Кекавмена, можно подумать, что он имел в виду именно русско-византийский мир 970 года. Особое внимание мы обращаем на слова о дани как свидетельствующие (в который раз!) о том, что именно дань являлась той целью, которой добивались противники во время войны. Древняя Русь не была здесь исключением.

Создание антивизантийского союза

Принципиальное значение для понимания дипломатии Святослава во время балканских походов имеет вопрос о поисках им союзников и о формировании антивизантийской коалиции. Эти дипломатические шаги обуславливались общей внешнеполитической линией древней Руси по отношению к странам и народам Восточной Европы и были связаны с прежними — еще во времена Игоря — отношениями Руси с этими государственными и племенными образованиями.

К 969—970 годам, когда начался второй поход Святослава на Дунай, вскоре переросший в русско-византийскую войну, отношения с Византией формально были дружественными. Они определялись действием русско-византийских договоров 907 и 944 годов, а также, как мы предполагаем, тайным соглашением, заключенным в Киеве Калокиром и предусматривавшим нейтралитет Византии во время вторжения русского войска на Дунай и захвата Русью его устья. Однако этот последний договор был почти сразу же нарушен обеими сторонами. Святослав не собирался уходить из Подунавья и намеревался отстаивать здесь свои интересы силой, отдавая себе отчет в том, что это рано или поздно приведет к открытому противоборству с империей. Именно в этом плане мы и должны рассматривать его сговор с Калокиром относительно последующих совместных действий против Константинополя.

Византия в свою очередь вынужденно, ради спасения крымских владений, согласилась с появлением руссов на Дунае, в дальнейшем же сделала все возможное для их удаления из Болгарии. Был заключен болгаро-византийский договор, направленный против Руси, результатом которого явились набег печенегов на Киев в 968 году и военные действия Болгарии против русских гарнизонов на Дунае в 969 году.

Таким образом, договор, заключенный между Святославом и Никифором Фокой, с самого начала оказался непрочным. Он был вырван Русью у Византии силой, его никто не собирался выполнять, как это в действительности и случилось. В период между 967 и 970 годами империя и Русь практически вели необъявленную войну, отражением которой являлись как антирусские шаги Византии, так и постоянные набеги руссов на византийские владения в 968 – 969 годах.

Отношения Руси с Болгарией также строились с учетом их эволюции в прошлом.

Со времени заключения русско-византийских договоров 907 и 911 годов мы более не видим почти одновременных выступлений Руси и Болгарии против Византии. Напротив, ряд признаков указывает, что уже в последние годы правления Симеона Византия рассматривала Русь как своего возможного союзника в борьбе с неистовым болгарским воителем. Письмо греческого патриарха Николая Мистика с угрозой направить на Болгарию коалиционные, в том числе русские, войска отражает эту новую ситуацию.

В свою очередь после воцарения Петра и изменения внешней политики Болгарии все явственней определяется антирусский курс болгарской правящей верхушки. В это же время с середины 30-х годов нарастают русско-византийские противоречия и империя пытается использовать Болгарию в качестве антирусского форпоста на западных берегах Черного моря и в Подунавье. Эти тенденции отразились во враждебной позиции Болгарии по отношению к Руси в период русско-византийской войны 941—944 годов, о них свидетельствует и набег на болгарскую территорию печенегов, организованный Игорем в 944 году.

Имеются данные и о союзных действиях болгар, хазар, ясов и касогов в период противоборства Руси с Хазарией и ее сателлитами.

Святославу удалось в 967 году, после разгрома войска царя Петра и захвата ряда дунайских крепостей, нейтрализовать антирусские силы в Болгарии. В результате болгары не предпринимали активных военных действий против Руси в 967 – 969 годах. Однако к 969 году, опираясь на союз с Византией, болгарский двор вновь попытался вернуть утраченные земли на Дунае.

Исследуя русско-болгарские отношения в 969 – 971 годах и русскую дипломатию этой поры в отношении Болгарии, необходимо иметь в виду наличие среди болгарской знати как провизантийской, так и антивизантийской (и, вероятно, прорусской) ориентации, на что мы уже обращали внимание, а также появление с 969 года Западно-Болгарского царства, чья внешняя политика отличалась резкой антивизантийской направленностью.

Учет этих обстоятельств позволяет нам уже сейчас констатировать неправильность любого подхода к внешней политике Болгарии как политике монолитного государства. В рассматриваемых событиях участвовала Болгария, раздираемая внутренними противоречиями. Несомненно, такое положение не могло не наложить отпечатка на дипломатию Святослава по отношению к Болгарии уже во время первого похода на Дунай. Его цель в этом походе состояла не в сокрушении Болгарии, а в установлении контроля над Нижним Подунавьем и в том, чтобы превратить Болгарию из врага Руси в ее друга. Наличие русского войска на Дунае должно было поддержать антивизантийские элементы в болгарском руководстве. Однако уход Святослава в Киев вновь отодвинул осуществление этой важной для Руси внешнеполитической задачи. Святославу надлежало решать ее заново.

Венгры, как уже отмечалось, были давними и естественными союзниками Руси. Об этом говорят не только их одновременные антивизантийские действия в 30 – 40-х годах, появление венгерского отряда на Днестре уже во время первой балканской кампании Святослава, но и набег угров на Фессалонику в 968 году, то есть в период нового обострения русско-византийских отношений.

Необходимо иметь в виду и то обстоятельство, что Константин Багрянородный, обобщивший в своем труде “Об управлении государством” внешнеполитический опыт Византийской империи в первой половине X века, неизменно упоминает рядом руссов и угров как потенциальных соперников империи. Он писал: “Когда император ромейский живет в мире с печенегами, то ни руссы, ни турки (угры – А. С.) не могут совершать враждебные нападения на ромейскую державу”. В другом месте своего труда он учит своего сына отвергать претензии хазар, угров или руссов, требующих за свою “службу” каких-либо императорских регалий.

Таким образом, к 967 – 968 годам Святослав прочно опирался в своих действиях на Западе на военную поддержку угров.

Отношения Руси с печенегами в 30—60-х годах были дружественными. Летопись не сообщает нам о крупных военных столкновениях между Русью и печенегами с 920 по 968 год. Но под 944 год она рассказывает о том, что Игорь выступил во второй поход против Византии совместно с печенегами (“и печенеги наа”), затем после перемирия с греками он “поводе печенгомъ воевати Болъгарску землю”. И хотя Константин Багрянородный в своем труде “Об управлении государством” учит своего сына Романа, как использовать печенегов против Руси, киевские князья, вероятно, с не меньшим старанием стремились строить мирные отношения с кочевниками и, как мы это видели в 944 году, в свою очередь использовать их конницу в борьбе со своими противниками.

В связи с этим весьма основательным представляется соображение Т. М. Калининой о том, что и сам русско-византийский договор 944 года свидетельствует о союзных отношениях между Русью и печенегами, так как только при этом условии Русь могла влиять на ход событий в Причерноморье и, добавим мы, в Крыму.

Для общего понимания русско-печенежских отношений в середине X века важна, на наш взгляд, оценка их таким компетентным арабским автором, как Ибн-Хаукаль. Он писал: “Отрывалась часть тюрок от своей страны, и стали (они) жить между хазарами и Румом, называют их баджанакийя, и не было им места на земле в прежние времена, и вот двинулись они и завоевали (землю), и они — тип русийев и их сила, и они выходили, раньше к Андалусу, затем к Барза'а”.

Шипом Руси называет Ибн-Хаукаль печенегов, а это значит, что в его представлении в середине X века печенеги находились не просто в мирных отношениях с Русью, но и были их традиционным и надежным военным союзником.

Хотим обратить внимание и на то, что после военного столкновения летом 968 года Русь поначалу заключила с печенегами перемирие. Оно было заключено печенежским ханом и киевским воеводой Претичем. Летопись передает, что печенежский хан сказал Претичу: “Буди ми другъ”. Тот ответил: “‘‘Тако створю’’. И подаста руку межи собою, и въдасть печенежский князь Претичю конь, саблю, стрелы. Онъ же дасть ему броне, щить, мочь’’. Перед нами типичная картина полевого перемирия: военные действия прекращены, вожди меняются оружием. Но печенеги не ушли из-под Киева, и лишь появление Святослава резко изменило обстановку. Он “собра вой”, то есть не ограничился лишь приведенной им с Дуная конной дружиной, выступил против врага “и прогна печенеги в поли, и бысть миръ”. Последние сведения представляют для нас особый интерес. Мир, заключенный Русью с печенегами, вновь стабилизировал отношения Руси с кочевниками, хотя это вовсе не означало, что в войне с Русью находились все печенежские колена.

А теперь, учитывая все эти соображения, мы хотим обратиться к известным сообщениям Льва Дьякона и Скилицы о действиях войск антивизантийской коалиции во главе с Русью под Аркадиополем, где союзники потерпели поражение от армии Варды Склира.

Лев Дьякон сообщает, что, когда руссы узнали о появлении в Европе двух византийских армий — патрикия Петра и Варды Склира, они направили против последнего часть своего войска, присоединив к нему “ратъ гуннов” (печенегов - Л. С.) и “мисян” (болгар.—А. С.). Скилица записал, что Святослав появился во Фракии, “действуя сообща с подчиненными ему болгарам и призвав на помощь печенегов и живших западнее, в Паннонии, безобразных турок (венгров — А. С.). Описывая же аркадиопольскую битву, Скилица отмечает что “варвары были разделены на три части. Болгары и руссы составляли первую часть, турки (венгры. - А. С.) — другую и печенеги — третью”. Первыми были опрокинуты, по данным этого хрониста, печенеги.

Таким образом, византийские авторы сообщают о появлении летом 970 года на полях Фракии войск антивизантийской коалиции, в состав которой входили Русь, Болгария, венгры, печенеги. Что касается участия в коалиции венгров и печенегов, то эти сведения споров в историографии не вызывали. Соответствуют данные известия и фактам, касающимся прежних союзных действий печенегов и руссов, а также одновременных антивизантийских действий угров и руссов. Однако историки оставили без внимания любопытное известие В. Н. Татищева о том, что в самом начале конфликта Руси и Византии, когда еще шли русско-византийские переговоры и греки запросили о количестве русских воинов (чтобы выплатить якобы на них дань), то у руссов было всего 20 тыс. человек, “ибо венгры и поляки, идущие в помощь, и от Киева, есче не пришли”. Что касается союзных действий Руси и поляков, то, кроме этого известия Татищева, у нас на этот счет нет иных сведений, хотя сам по себе факт, сообщаемый историком, весьма примечателен. Он служит дополнительным свидетельством организации Святославом широкой антивизантийской коалиции. Сообщение Татищева о венграх находит неожиданное подтверждение у Скилицы. Он сообщил, что руссы действовали во Фракии, “призвав на помощь печенегов и живших западнее, в Паннонии, безобразных турок (венгров - А. С.)”. А это значит, что еще в условиях относительного спокойствия на Балканах в начале 970 года Святослав основательно готовился к предстоящему противоборству с Византийской империей и заслал посольства к печенегам и в Паннонию, призывая своих союзников на помощь. Татищев же сообщил, что к моменту переговоров с греками венгры еще не подошли, и это, вероятно, вынудило Святослава повременить с началом военных действий. Лишь к лету союзники появились во Фракии, что и обусловило попытку Святослава продвинуться к Константинополю. Убедительное подтверждение реальности созданной Святославом антивизантийской коалиции мы находим в русско-византийском договоре 971 года. Святослав клянется в нем не только не нападать на Византию, но и обещает не наводить на владение империи Херсонес, а также на Болгарию войск других государств: “Яко николи же помышлю на страну вашу, ни сбираю вой, ни языка иного приведу на страну вашу и елико есть подъ властью гречьскою, ни на власть корсуньскую и елико есть

городовъ ихъ, ни на страну болгарську”. Совершенно очевидно, что этот пункт договора был сформулирован греческой стороной и с ним согласился потерпевший военное поражение Святослав. Греки стремились взять с руссов обещание не приводить более войск “иных языков” на Балканы, на их крымские владения. Слишком свежа была у византийских правителей память об ударах, которые обрушили войска союзников на владения империи летом 970 года.

Таким образом, линию на создание антивизантийской коалиции, намеченную еще Игорем, успешно воплотил в жизнь Святослав. Но если Игорю не удалось выступить против Византии вместе с уграми, то при Святославе последние уже были постоянными союзниками Руси.

Сложнее обстоит дело с вопросом о месте Болгарии в этой коалиции. Чем являлось в это время Болгарское царство — русским сателлитом или союзником? Кем были ее воины — людьми, которые шли на борьбу с Византией под страхом наказания со стороны Руси, или убежденными сторонниками руссов, их товарищами по оружию?

Вопрос об истинном значении внешней политики Болгарии в 60 — начале 70-х годов X в. можно решать лишь с учетом как русско-болгарских, так и византийско-болгарских отношений на каждом поворотном этапе развития событий на Балканах и в Северном Причерноморье, а также внутривосточного развития самой Болгарии. Такой подход создает возможность для определения истинной направленности дипломатических шагов древней Руси того времени в отношении Болгарского царства, понимания весьма противоречивых сведений источников об отношениях Святослава и болгар.

Мы уже отмечали, что к 967 году, то есть к моменту появления там русского войска, Болгария пришла ослабленной внутривосточными противоречиями, отражающими процесс усиления феодальной раздробленности страны. Правительство царя Петра проводило капитулянтский по отношению к Византийской империи внешнеполитический курс, что привело с середины 30-х годов X в. к осложнению русско-болгарских отношений, но не избавило Болгарию от военно-политического давления со стороны Византии, которая стремилась сокрушить своего традиционного противника на Балканах.

Русь со своей стороны не могла мириться с тем, что издревле дружественная Болгария в последние десятилетия стала проводить антирусскую политику. Исконные русские торговые пути, и в первую очередь устье Дуная, оказались под контролем враждебного Руси государства.

Эти обстоятельства и определили решение Руси взять под свой контроль торговый путь вдоль западного берега Черного моря, овладеть Нижним Подунавьем, повернуть правительство Болгарии в русло дружественных отношений с Русью. Выполнению этих задач был подчинен первый балканский поход Святослава. Князь быстро сокрушил противника, захватил Переяславец (Малый Преслав) на Дунае, принудил болгарское правительство заключить с ним мир, перенес свою резиденцию на Дунай. Кажется, цель была достигнута. Однако эти действия привели Русь к острому соперничеству с Византией в 967—969 годах.

Византийские хронисты, рассказав о первом походе Святослава на Дунай, отметили, что руссы захватили всю Болгарию, разграбили захваченные города. Скилица записал, что руссы “многие города и селения болгар разрушили до основания, захваченную огромную добычу превратили в свою собственность”. Заметим, что и “Повесть временных лет” сообщает о далеко не мирном овладении Святославом подунайскими городами.

Эти сведения дают точное представление о методах ведения войны, использовавшихся как Русью, так и другими государствами того времени. Болгария была на данном этапе противником Руси, и удар по ее крепостям на Дунае был нанесен с учетом этого обстоятельства по всем тогдашним “законам” военного времени. Сюда же относится и захват добычи, дележ ее между победителями. Что касается сообщения византийских хронистов о захвате Святославом всей Болгарии, то оно противоречит истине. Едва Святослав укрепился на Дунае, как военные действия были прекращены. Болгария сохранила свой государственный суверенитет, в Преславе появляется византийское посольство, болгарские послы направляются в Константинополь. Судя по последующим событиям, сохранила Болгария и свою армию, которая возобновила военные действия против руссов, когда Святослав поспешил на выручку Киева.

Таково, по нашему мнению, было истинное положение дел в 967—968 годах.

В период событий 969 или начала 970 годов ситуация в известной, степени повторилась. Руси вновь пришлось иметь дело с различными группировками в правящих кругах Болгарии. Провизантийская тенденция вновь взяла верх во внешней политике страны. Вступив в союз с империей, болгарское правительство готовилось при поддержке Византии к противоборству с Русью, однако Никифор Фока не предоставил помощи Болгарии ни в 968, ни в 969 году. Лев Дьякон не дает объяснения такого положения. Когда он рассказывает, что болгары “с воздетыми руками умоляли императора защитить их” и Никифор Фока не шевельнул для этого и пальцем, византийский хронист объясняет это тем, что в то время греческие войска взяли Антиохию. Но данный аргумент, казалось бы, должен говорить совсем об обратном — о появлении у империи возможностей для войны против другого соперника. Далее хронист сообщает об окончании царствования Никифора Фоки. Причины пассивности Византии на Балканах в 968—969 годах в “Истории” Льва Дьякона не указаны.

Сопоставляя все уже рассмотренные обстоятельства, мы можем здесь повторить уже сделанный вывод не только о нежелании империи в этот период вступить в открытое противоборство с Русью, но и о традиционном стремлении Византии использовать все возможные средства для дальнейшего ослабления Болгарии. Подталкиваемая империей к борьбе с Русью. Болгария вновь оказалась один на один с могучим северным соседом. Провизантийская правящая группировка, осуществляя близорукую политику соглашения со своим традиционным врагом — империей, вела страну к катастрофе.

События, разыгравшиеся под Переяславцем во время второго похода Святослава на Дунай, лишь подтверждают сложность и противоречивость положения в тогдашнем болгарском обществе. Взяв вторично штурмом Переяславец, Святослав, по сведениям Устюжской летописи, “казни в нем изменников смертию”. Согласно данным В. Н. Татищева, в Переяславце среди горожан после ухода Святослава не было единства. Воевода Волк бежал из города именно потому, что обнаружил “согласие” части жителей с подошедшим к городу болгарским войском. Святослав расценил этот факт как измену и казнил провинившихся. Это может означать, что в Переяславце существовали две партии, одна из которых проявила себя лояльной Руси, другая же выступила против нее при первом удобном случае.

Можно не согласиться с такой трактовкой данного факта, поскольку в применении к событиям в Переяславце он находит отражение лишь в известиях русской летописи и Татищева, чье сообщение также восходит к русскому источнику. Однако оказывается, что в цепи последующих событий данный факт не единичен. Еще дважды византийские хронисты сообщают о расправах Святослава с болгарами.

Первое сообщение относится к событиям в Филиппополе (Пловдиве). Лев Дьякон отмечает, что Святослав изумил всех своей “врожденной свирепостью”, так как, “по слухам”, после взятия Филиппополя он посадил на кол двадцать тысяч человек пленных, чем заставил болгар покориться своей власти.

Это было время, когда Русь вступила в противоборство с империей, руссы появились в южной Болгарии и овладели Филиппополем.

Историки Мутафчиев, Левченко отмечали, что в этом городе, находившемся в непосредственной близости от Константинополя, сильнее всего чувствовалось византийское влияние, и, вступив в южную Болгарию, Святослав нанес удар именно по той части болгар, которая активно поддерживала союз с империей и, вероятно, оказала руссам активное сопротивление. П. О. Карышковский высказывает даже предположение, что Филиппополь до появления здесь Святослава был захвачен греками и расправу руссы учинили над пленными греками.

И Лев Дьякон, и Скилица, и Зонара сообщили также о репрессиях Святослава в Доростоле на последнем этапе войны. Лев Дьякон пишет, что запертый в Доростоле русский князь, видя, как болгары покидают его, начинают поддерживать греков, и, понимая, что если все они перейдут на сторону Цимисхия, то дела его кончатся плохо, казнил в Доростоле около 300 “знаменитых родом и богатством мисян”, остальных же заключил в темницу. Об этом же говорит и Скилица, сообщивший, что количество посаженных в тюрьму достигло 20 тыс., и отметивший,

что это произошло после неудачной для руссов битвы под Доростолом. Зонара полагал, что Святослав заточил часть горожан, “боясь, как бы они не восстали против него”.

Таким образом, Святослав учел опыт Переяславца, жестоко подавив сопротивление провизантийски настроенной части населения (о чем говорит сообщение Льва Дьякона о “знатнейших родом и богатством” жителях Доростола) и нейтрализовав колеблющихся.

Необходимо учесть и факты отпадения болгарских городов от союза со Святославом по мере успехов войск Цимисхия и его продвижения к Доростолу. В частности, Плиска и другие города “отложились от руссов” и перешли на сторону греков после взятия Цимисхием Преславы.

Все это говорит о непрочности русских позиций в Болгарии, о сильной антирусской оппозиции, вскормленной в течение десятилетий провизантийской политикой правительства Петра. Проводниками этой политики в Болгарии были царский двор, а также часть знати. Поэтому именно их сопротивление Святославу надлежало преодолеть, прежде всего.

Данной цели русский князь достиг мерами более решительными, чем во время первого похода. Здесь и жестокое подавление противников из числа болгар, и занятие ряда болгарских крепостей (например, Филиппополя), и направление русского отряда во главе со Сфенкелем в столицу Болгарии Преславу, где находились царь Борис и его семья, болгарский двор.

Эти меры явились одним из факторов, благодаря которым византийское влияние в болгарском руководстве было преодолено и Болгария из противника Руси стала ее союзником. Факт союзных действий руссов и болгар византийские хронисты объясняют лишь страхом болгар перед руссами, а также возмущением болгарского населения действиями Византии, которая навлекла на Болгарию русское нашествие.

Однако анализ источников показывает, что византийские авторы и здесь допускают определенную тенденциозность. И Лев Дьякон, и Скилица, заявляя о враждебности болгарского населения к Руси и его приверженности союзу с Византией, в то же время приводят такие факты, которые не укладываются в эту схему. В историографии, в частности, отмечалось, что сообщение Льва Дьякона об участии болгар в сражениях за Преславу и о том, что их “много пало” там и они отчаянно защищали болгарскую столицу, указывает на наличие болгаро-русского антивизантийского военного союза в это время. Отмечались также факты лояльного отношения руссов к правительству царя Бориса. В Преславе к моменту штурма греками болгарской столицы хранилась не тронутая руссами “казна мисян”; царь Борис был захвачен греками не во дворце, а во внешнем городе, причем на нем были царские знаки отличия. А это значит, что Борис, продолжая оставаться царем Болгарии, вовсе не был пленником и не содержался под стражей, как на этом настаивали в первую очередь болгарские историки Дринов, Благоев, Златарский, а также Успенский. Причем Златарский даже заметил, что Сфенкел стерег в Преславе болгарские сокровища и плененных Бориса и его семью. Для кого и зачем стерег — этого, к сожалению, историк не объяснил. А Успенский писал, что Святослав предал огню и разграбил Преславу.

П. Мутафчиев обратил также внимание на слова Льва Дьякона о гибели византийского полководца Иоанна Куркуаса, который опозорил себя грабежами болгарских христианских храмов. Из этого историк сделал вывод о том, что руссы вопреки своей военной практике не тронули болгарские православные святыни.

В этой же связи рассматривалось и сообщение Льва Дьякона о том, что во время сражения за Доростол греки находили среди убитых противников женщин, которые сражались против армии Цимисхия с оружием в руках наравне с мужчинами.

П. О. Карышковский и Г. Г. Литаврин высказали верное, на наш взгляд, мнение, что в данном случае речь идет о болгарках, сражавшихся рядом со своими соотечественниками, так как русским женщинам здесь взяться было неоткуда. К этому можно было бы добавить еще несколько фактов, которые до сих пор не были отмечены в историографии. Так, обращает на себя внимание сообщение Льва Дьякона о том, что в тот момент, когда Цимисхий обрушился на Преславу, там находился Калокир, претендент на императорский трон. В Преславе же он находился в прямой близости к болгарскому двору, а это значит, что в данном случае болгарский двор был не только олицетворением антивизантийской политики, но пользовался определен-

ными государственными прерогативами. Этот, кажется, незначительный, на первый взгляд, факт ярко высвечивает наличие болгарской государственности в это время, определенной суммы прав, которыми располагал Борис как царь Болгарии, союзный характер отношений Болгарии и Руси.

Следует упомянуть и о ночной вылазке руссов из осажденного Доростола, о которой рассказал Скилица. Две тысячи руссов однажды ночью ушли на Дунай в поисках пищи и, попутно разгромив отряд греков, благополучно вернулись в город. Трудно представить, что эта дерзкая экспедиция была осуществлена без помощи болгар.

Однако нам представляется, что доказательства болгаро-русского союза в 969—971 годах заключаются не только в этих, пусть и весьма значительных, но все-таки единичных фактах, а во всем строе отношений Руси и Болгарии, Византии и Болгарии в это время.

После 969 или начала 970 годов, то есть после вторичного взятия Переяславца, Русь и Болгария больше не ведут военных действий. Византийские хронисты лишь сообщают о казнях в Филиппополе летом 970 года, но это было уже время русско-византийской войны. Нетронутыми оставались Преслава, Плиска и другие болгарские города. За исключением болгарской столицы, в них не было русских гарнизонов, что проявилось в тот тяжелый для руссов момент, когда после взятия греками Преславы делегации этих городов явились к Цимисхию и заявили о своей лояльности императору. Об этом же говорит и сообщение Льва Дьякона, что Святослав весьма опасался перехода болгарского населения на сторону неприятеля, так как в этом случае дела его пошли бы совсем плохо. Византийский автор, тем самым противореча своей концепции о борьбе болгар со Святославом, признал, что в ходе войны руссы опирались на болгарское население, и лишь в конце войны эта опора потеряла свою прочность.

Необходимо учитывать и местонахождение самого Святослава весной 971 года. Когда греческая армия прошла через Балканы и неожиданно появилась около болгарской столицы, Святослав находился на Дунае в крепости Доростол. П. Мутафчиев считал, что русский князь оказался там для отражения нападения императорского флота. Но заметим, что весной 971 года Святослав не ожидал нападения греков ни на суше, ни со стороны Дуная и тем не менее находился в Доростоле “со всею ратью”. А это значит, что Подунавье и в это время являлось основной целью пребывания Святослава на Балканах. Кроме русского отряда, размещенного в Преславе, других русских войск на территории, контролируемой болгарским правительством, не было. Византийские хронисты, рассказав о взятии Преславы, затем сразу же переходят к описанию боев руссов и греков под Доростолом и за Доростол.

Теперь обратимся к системе отношений Византии и Болгарии в 970—971 годах. На эту сторону вопроса историки, как правило, не обращали внимания, хотя и отметили, что в ходе войны 971 года Иоанн Цимисхий нарушил свои обещания болгарам, захватил в плен Бориса, детронизировал его, подчинил себе Восточную Болгарию. Но дело, на наш взгляд, заключается не только в этих финальных антиболгарских действиях Византии, а во всем строе византийско-болгарских отношений в 970—971 годах. С весны 970 года империя оказалась в состоянии войны с двумя государствами — Болгарией и Русью, то есть пришла к тому, чего старался избежать Никифор Фока в 966—968 годах. Тогда империи удалось предотвратить сближение двух государств, отвлечь Святослава с Дуная на родину, оказать помощь провизантийски настроенной болгарской знати и направить Болгарию против русских гарнизонов на Дунае.

К концу 969 — в начале 970 года положение коренным образом изменилось. Болгария выступает как враг империи, и сведения византийских хронистов, несмотря на их попытки скрыть этот факт, не оставляют на этот счет никаких сомнений.

Едва переговоры со Святославом зашли в тупик, Цимисхий приказал Варде Склиру и патрикию Петру отправиться в пограничные с Болгарией области, зимовать там и не допускать русских набегов на византийские владения. А это значит, что византийские армии оказались в прямой близости от ряда болгарских городов, в том числе Филиппополя (Пловдива). Последующий удар Святослава по этому городу, казнь там 20 тыс. врагов указывают на то, что греки в ходе начавшихся летом 970 года военных действий заняли при поддержке своих сторонников из среды болгарской знати некоторые южно-болгарские города, и в первую очередь Филиппо-

ноль. В ходе войны с Византией Святославу пришлось брать провизантийски настроенные или даже занятые греками южно-болгарские города. Зимой и ранней весной 970 года империя вступила в прямое противоборство с Болгарией.

Наиболее серьезным аргументом, говорящим о наличии византийско-болгарских противоречий в 970—971 годах, является участие болгарского отряда в боях против греков при Аркадиополе летом 970 года, когда болгары и руссы составляли одну часть союзного войска, угры — вторую и печенеги — третью. В преддверии этой битвы Варда Склизр задал в лагерь противника своих лазутчиков. Они были одеты “в скифское платье” и знали “оба языка”. Вполне очевидно, что речь шла о болгарском и русском языках. Таким образом, и этот факт указывает на то, что в сознании как греков - участников событий, так и позднейшего хрониста Болгария являлась военным противником империи.

Затем Святослав заключил мир с Иоанном Цимисхием. Широкие военные действия были прекращены, хотя дерзкие набеги руссов на владения империи продолжались. С этого времени, ни о каких военных действиях болгарских войск против империи мы также не имеем сведений. Однако враждебное отношение Византии и к Руси, и к Болгарии сохранилось.

Зимой 970—971 годов Цимисхий готовил свои войска и флот для войны с руссами. В пасхальные дни 971 года Цимисхий принял решение прорваться сквозь балканские теснины и выйти в Северную Болгарию. Судя по описанию Льва Дьякона, положение империи в это время было критическим. Обнаружив, что проходы в горах не охраняются неприятелем, император поставил перед армией задачу пройти по “тесным и непроходимым дорогам” и вступить “в их землю”. При этом совершенно ясно, что речь здесь идет именно о болгарской земле. Это становится особенно очевидным при анализе последующего текста. Цимисхий сказал, что первая задача — взять “столицу мисян” Преславу, после чего будет легче преодолеть и сопротивление руссов.

Императору возражали, указывали на опасность этого военного предприятия, но он считал риск оправданным, если счастье “висит... на волоске”.

Сообщение о молениях, предпринятых императором, также указывает на всю серьезность положения империи. Перед началом похода Цимисхий преклонил колена в знаменитом храме Христа Спасителя, а затем горячо молился за победу в не менее известном храме Богоматери во Влахернах, где греки не раз до этого стремились найти духовную поддержку в грозные минуты опасности.

Особенно Цимисхий надеялся на неожиданность наступления именно в дни пасхи. Это говорит о том, что его противником, кроме руссов, были и православные болгары, которые, как и греки, широко отмечали этот религиозный праздник.

Почему же не охранялись балканские проходы? Святослав был, как мы знаем, на Дунае, и непосредственно не руководил защитой болгарской границы. Мы предполагаем, что в этих условиях охрану проходов должны были взять на себя болгары совместно с руссами, находившимися в Преславе. Однако сделано этого не было, и не только из-за беспечности, как полагают некоторые историки, но и потому, что граница между Византией и Болгарией проходила, как известно, не вдоль этих теснин, а южнее Балканского хребта. Пограничным с Византией был город Филиппополь, занятый Святославом в ходе военной кампании 970 года. Располагать охрану в горных проходах внутри своей же территории было бы мерой сверхосторожности. Что касается “беспечности” руссов, то, думается, такое заявление требует определенных оговорок. Конечно, Святослав и его болгарские союзники не предусмотрели столь неожиданной и рискованной атаки со стороны греков в столь неподходящее время и в условиях заключенного мира. Но определенные подозрения у Святослава относительно непрочности соглашения, заключенного летом 970 года с Цимисхием, видимо, имелись. Иначе чем объяснить появление русского посольства в греческом лагере, о котором сообщил Скилица, и то, что сами греки посчитали его разведкой? Вопрос, об охране балканских проходов, таким образом, находился в ведении болгарских властей, и ни они, ни находившийся в Преславе Сфенкел, не сумели обеспечить безопасности Северной Болгарии. События, развернувшиеся под Преславой, а затем после взятия греками болгарской столицы, также подтверждают наше мнение о ведении Византией против

Болгарии настоящей войны как против своего постоянного противника. Два дня продолжался штурм Преславы, которую вместе с русским отрядом отчаянно защищали болгары. Взяв город, греки вели в нем себя как завоеватели. Они ходили по улицам, убивали “неприятелей”, “грабили их имения”, то есть подвергали разгрому имущество болгар. Разграбили они и казну болгарского царя, которая хранилась во дворце в полной неприкосновенности во время пребывания в городе отряда Сфенкела.

После ухода под Доростол Иоанн Цимисхий оставил в городе “достаточную стражу”, то есть военный гарнизон; это также указывает на военный характер отношений Болгарии и Византии тех дней.

К этому следует добавить и сведения византийского хрониста, на которые уже было обращено внимание в историографии, о разграблении Иоанном Куркуасом православных болгарских святынь, а также другой яркий факт, обойденный историками молчанием. Скилица сообщил, что после взятия Преславы и движения к Доростолу Цимисхий “отдал на разграбление своему войску захваченные многие города и крепости”. Греки шли по болгарской территории, как завоеватели.

Вместе с тем Цимисхий стремился выдать себя за друга болгар, объявил в Преславе о том, что он ведет войну не с Болгарией, а с Русью, обещал болгарам отомстить за те обиды, которые им наносили руссы. Это были фальшивые обещания, рассчитанные на то, чтобы, обманув болгарское население, привлечь его на свою сторону, вызвать возмущение против Святослава идущих за ним болгарских союзников.

Этот обман обнаружился уже в первые дни войны. Но особенно ярко он проявился в ходе дальнейших военных действий и после ухода руссов из Болгарии.

Лев Дьякон сообщил, что Иоанн Цимисхий “покорил мисян”. Болгарские города Преслава и Доростол были соответственно переименованы в Иоаннополь и Феодорополь. Яхья Антиохийский приводит факт о том, что после ухода Святослава из Болгарии Цимисхий “назначил от себя правителей над теми крепостями”. А это значит, что греческие гарнизоны были размещены во всех крупных болгарских городах, а не только в Преславе.

А потом последовала тягостная для Болгарии процедура детронизации царя Бориса. Он был отправлен вместе с братом Романом в Константинополь. Иоанн Цимисхий устроил себе триумф — торжественный въезд в Константинополь. Характер этого триумфа указывает, кто являлся истинным врагом империи, над кем она столь торжественно праздновала победу. В условиях, когда руссы были уже далеко, таким противником оставалась Болгария.

На едущую впереди колесницу были возложены болгарские символы царской власти: багряные одеяния, венцы, а также священная для болгар икона Богородицы. Сам Цимисхий верхом на коне в сопровождении блестящего эскорта следовал за колесницей. Корона болгарских царей была отдана им в храм св. Софии, а затем в императорском дворце Борис сложил с себя царские знаки отличия — драгоценную одежду, царскую обувь. Ему было присвоено звание магистра. Так империя отпраздновала победу над Болгарией.

Этот финал соответствует общей линии Византии по отношению к Болгарии в 970—971 годах. Рассмотренные события позволяют сделать вывод о том, что Болгарское царство в это время было союзником Руси и противником Византии, что империи пришлось бороться в течение двух лет с мощной коалицией, ядром которой являлись Болгария и Русь.

Теперь нам становятся понятными рассуждения императора о критическом положении Византии зимой 970—971 годов. Империя стояла перед лицом двух мощных противников, и неожиданный прорыв через Балканы был для византийской армии едва ли не единственной спасительной возможностью.

Лишь теперь мы можем обратиться к очень важному свидетельству армянского историка Степаноса Тароиского о войне Византии и Болгарии в это время. Он писал: “Потом он (Иоанн Цимисхий - А. С.) отправился войною на землю Булхаров, которые при помощи Рузов (Русов) вышли против кир - Жана (Иоанна Цимисхия. - А. С.), и когда завязался бой, Рузы обратили в бегство оба крыла греческого войска”. Рассказав далее о ходе военных действий на территории Болгарии в 971 году и о победе Цимисхия, историк сообщает: “Он многих положил на месте, а

остальных разогнал в разные стороны: и принудил булхарский народ покориться”. Речь здесь идет о войне Византии против Болгарии, союзником которой выступала Русь, и о последовавшем покорении страны.

* * *

В свете всего вышеизложенного мы можем сделать некоторые выводы о дипломатической деятельности Святослава с конца 969 года до времени решающих боев за Доростол, то есть до июля 971 года.

Прежде всего, следует подчеркнуть, что ни о какой единой внешнеполитической линии Болгарии этого периода не может быть и речи. Нет также оснований говорить об исключительно провизантийской, а затем исключительно прорусской ориентации болгарского правительства в целом в 969—971 годах. За спиной царя Бориса шла ожесточенная борьба двух группировок болгарской феодальной знати, одна из которых ориентировалась на Византию и занимала ярко выраженные антирусские позиции, а другая стояла за традиционную дружбу Болгарии и Руси. Эти линии наметились, как указывалось в историографии, уже в первые годы после смерти царя Симеона и получили дальнейшее развитие в период усиления феодальной раздробленности Болгарии в 60-х годах X в.

Провизантийская политика правительства царя Петра, постоянные уступки и лавирование Болгарии по отношению к империи поставили страну на грань катастрофы. Используя провизантийскую ориентацию болгарский правящей группировки, Византия настойчиво добивалась военного, экономического и политического ослабления Болгарии. Основная цель империи в отношении Болгарии и в 60-х годах оставалась прежней: сокрушить своего постоянного противника на Балканах. И в этом смысле попытка столкнуть Болгарию и Русь, с присутствием которой на Дунае Византии пришлось временно примириться, вполне соответствовала духу византийской политики по отношению к Болгарии тех лет.

Появление Святослава на Дунае в 967 году нейтрализовало сторонников Византии в правительстве Болгарии, и Петр был вынужден заключить с Русью мир, уступить ей Нижнее Подунавье. Однако в 968 году антирусские настроения в болгарской правящей верхушке, инспирируемые Константинополем, вновь усилились, что привело ко второй болгаро-русской войне 969 года. Измена болгар в Переяславце, репрессии в Филиппополе и Доростоле, отпадение болгарских городов после взятия греками Преславы указывают на то, что провизантийская партия в Болгарии имела мощные корни, особенно среди знати, в южноболгарских районах. В то же время все приведенные факты болгаро-русского боевого сотрудничества в 970—971 годах показывают, что начиная с зимы 969—970 годов в болгарском правительстве взяли верх сторонники союза с Русью. Этот союз между двумя государствами был заключен, как правильно отметил А. Стоукс, вскоре после вторичного взятия Святославом Переяславца. Болгария отныне стала союзным Руси государством. Благоев, Мутафчиев, Стоукс и некоторые другие историки полагали, что подлинным хозяином страны стал Святослав, а Борис был фиктивным правителем. Мы согласны с тем, что Борис действительно являлся лишь формальным носителем царской власти, но это не значит, что на деле власть принадлежала руссам. На сей раз политика страны определялась антивизантийской партией, стоявшей за спиной Бориса. Болгария не была лишена самостоятельности и, оставаясь суверенным государством, проводила в 970—971 годах четко выраженную антивизантийскую политику.

Свою политическую линию в Болгарии Святослав строил исходя из того, что власть в Преславе осуществляли его сторонники и союзники. Поэтому сам он находился на Дунае, Борис пользовался всеми правами царя, нетронутыми оставались болгарская казна и богатства православных храмов. Как верно отметил А. Стоукс, Святослав в это время действовал в основном дипломатическими средствами, вел себя в стране весьма осторожно, щадил национальные и религиозные чувства болгар. Одновременно на правах союзника Святослав держал в Преславе свой отряд, поддерживавший прорусскую группировку в окружении царя Бориса.

Мы не видим ни одного факта, свидетельствующего о намерении Святослава завоевать Болгарию. Русь и Болгария, где у власти в 970—971 годах стояла антивизантийская группировка, совместно выступили против Византий, русские и болгарские воины дрались рядом против

греков под Аркадиополем, Преславой, Доростолом. Появление Святослава в Филиппополе в 970 году объяснялось не его военными действиями против болгар, а стремлением изгнать из Южной Болгарии греческие войска магистра Склира и патрикия Петра; его репрессии в Переславце, Филиппополе, Доростоле были направлены не против болгар вообще, а против провизантийски настроенной части болгарской знати, за которой шли определенные вооруженные подразделения.

От имени союзников Святослав заключил мир с империей летом 970 года после неудачной попытки подойти к Константинополю. И позднее, несмотря на этот мир, заключенный Болгарией и Русью с Византийской империей, оба союзных государства противостояли империи как ее потенциальные противники. Это прекрасно понимали в Константинополе и готовились к тяжелой борьбе, как с Русью, так и с Болгарией.

Весной и летом 971 года Цимисхию удалось, собрав огромные военные силы, в ожесточенных сражениях сокрушить обоих противников. Победу над Болгарией он отметил специально подготовленным триумфом. И самое поразительное здесь заключается в том, что империю уже не могло удовлетворить наличие в Болгарии провизантийского руководства. Поддержка из Константинополя провизантийски настроенной болгарской знати преследовала все ту же долгосрочную цель греческих политиков: уничтожение самостоятельности Восточно-Болгарского царства, что и было достигнуто летом 971 года.

Таким образом, вывод ряда историков о том, что Болгария, отстаивая свою независимость, боролась против двух противников — Византии и Руси, что она выбирала из двух зол меньшее и т. д., является ошибочным. Вопрос, как мы полагаем, стоял по-другому: приведет провизантийски настроенная болгарская знать страну к катастрофе, уступая империи одну позицию за другой, или противостоящие ей силы, поддерживаемые Русью и опирающиеся на антивизантийские настроения народа, сохранят независимость страны, возродят ее прежнюю военную мощь? В пользу такого подхода говорит и позиция Западно-Болгарского царства в отношении Руси и Византии. Никаких конфликтов между Русью и антивизантийским болгарским правительством в Преславе, с одной стороны, и антивизантийским правительством “комитопулов” — с другой, не наблюдалось. Зато, покончив с независимостью Восточной Болгарии, Византия начинает борьбу против Охридского царства, закончившуюся триумфом Василия II Болгаробойцы.

Поэтому не прав был П. Мутафчиев, писавший, что причины болгаро-русского союза совершенно неясны. В этом союзе антивизантийская группа болгарских феодалов искала гарантий независимости страны, возрождения ее былого могущества, укрепления традиционных для Болгарии экономических и культурных связей с Русью.

Конечно, у нас нет оснований идеализировать политику Святослава на Балканах и полагать, будто он являлся бескорыстным другом болгарского народа. Русская феодальная верхушка, пользуясь общим ослаблением Болгарии, усилением феодальной раздробленности страны, стремилась не только поддержать своих сторонников в Болгарии, помочь им в захвате власти, но и обеспечить за собой контроль над традиционными для Руси торговыми путями, использование которых стало невозможным из-за враждебной политики Болгарии по отношению к Руси в 30 — 60-х годах X в. Владение Нижним Подунавьем при наличии в Болгарии дружественного правительства — вот те условия, на которые Святослав согласился летом 970 года. Что касается его дальнейших намерений, то о них мы можем судить по тайному сговору Святослава с Калокиром, по дерзкому ответу послам Иоанна Цимисхия весной 970 года, по попытке организовать поход на Константинополь. Они, видимо, заключались в том, чтобы нанести решающий удар как по самой Византийской империи, так и по ее владениям в Причерноморье и Крыму или, во всяком случае, иметь на византийском престоле своего ставленника, который бы пошел на встречу территориальным и экономическим интересам Руси.

В ходе военных действий весной и летом 971 года вторая антивизантийская коалиция, состоявшая из руссов, болгар, венгров, печенегов и созданная Святославом либо в конце 969, либо в начале 970 года, окончательно прекратила свое существование.

У нас нет сведений об участии в антивизантийских действиях венгров и печенегов после заключения мира с Византией летом 970 года. Наступление Цимисхия было столь неожиданным и стремительным, что Святослав, видимо, даже не успел призвать на помощь своих давних союзников — угров, да и сам он не поспел на выручку Преславы. К тому же у нас есть известие Скилицы о том, что Святослав в Доростоле не надеялся “ни на какую помощь”, что “собственная их страна находилась очень далеко, а соседние варварские народы, боясь ромеев, не соглашались помочь им”. В число этих народов, безусловно, входили угры.

Относительно позиции печенегов у нас есть известие, как русской летописи, так и византийских источников. Говоря в Доростоле о необходимости заключить мир с греками, Святослав с горечью признал: “А Руска земля далеча, а печенези с нами ратьни, а кто ны поможет?” Русская летопись почти дословно повторяет сообщение Скилицы, хотя это были совершенно независимые друг от друга источники.

Скилица также сообщает о просьбе Святослава к Цимисхию послать к печенегам посольство, которое (среди прочих условий) должно было обеспечить свободный проход русского войска через причерноморские степи на родину. Печенеги отказались.

Наконец, и русские, и византийские источники рассказали о гибели Святослава на порогах под ударами печенегов, что подтвердило опасения русского князя, высказанные им в Доростоле.

Следовательно, в период напряженных боев с византийской армией руссы могли рассчитывать лишь на помощь болгар. Но и эта помощь слабела по мере успехов Цимисхия.

Когда окончательно распался болгаро-русский союз? После взятия Преславы или уже во время сражений за Доростол? Мы поддерживаем точку зрения А. Стоукса, который писал, что после ряда поражений руссов болгары частично перешли на сторону Византии. Однако следует сделать оговорку. Г. Г. Литаврин совершенно справедливо указывал, что в этом случае речь должна идти не о болгарях вообще, а о части болгарской знати. После поражения руссов и их болгарских сторонников под Преславой их совместная борьба против Византии и ее сторонников в Болгарии продолжалась, но обстановка уже менялась в пользу греков. Поэтому часть болгарских городов выразила свою лояльность Византии, хотя значительная часть болгар еще продолжала поддерживать Святослава и сражаться против греков.

Чем труднее было положение Святослава, тем больше колебания проявляла болгарская знать, особенно та ее часть, которая, хотя и пошла за руссами, но сделала это под давлением обстоятельств. Не случайно Святослав в целях предотвращения заговора казнил в Доростоле одних и заточил других.

Дипломатия Святослава в Болгарии исходила именно из наличия в стране двух борющихся враждебных группировок. Активно поддерживая одну из них, русский князь способствовал подавлению другой.

Византия в этом смысле проводила аналогичную политику, ориентируясь на своих сторонников в Болгарии. Страна была расколота внутривластной борьбой, проходившей за спиной царя Бориса, который, опираясь в основном на провизантийскую группу, в 970—971 годах вынужден был править под давлением прорусски настроенной знати, поддержанной Святославом.

Драматизм положения Болгарии заключался в том, что, занимая провизантийские позиции, царь и часть болгарской знати вели страну к гибели. Именно эта участь постигла ее после ухода руссов на родину. Расколота, залитая кровью, ограбленная и униженная Восточная Болгария была окончательно сломлена Византийской империей.

Русско-византийский договор 971 года

Завершающим этапом дипломатической деятельности Святослава явилось заключение им в июле 971 года договора с Византией.

Как сообщает русская летопись, Святослав, убедившись в малочисленности своей дружины, в развале антивизантийской коалиции и враждебности печенегов, направил своих послов

к Цимисхию с просьбой о мире. Причем летописец убежден, что Святослав находился в это время в Переяславце, а Цимисхий в Доростоле.

“Се же слышавъ, царь, — отмечает далее летопись, — радъ бысть и посла к нему дары больша первых”. Лев Дьякон, знавший подробности событий под Доростолом, сообщает, что наутро после последней битвы Святослав направил своих людей с предложением мира из Доростола в греческий лагерь под городом, однако о самих переговорах — заключении мира и благожелательной реакции Цимисхия на русское предложение (император “охотно принял предложение союза”) византийский хронист пишет примерно то же, что и русский летописец.

Итак, мирные переговоры начались. Их ход и содержание, форма и значение самого договора 971 года стали предметом оживленной дискуссии в историографии.

Первые оценки этого дипломатического документа были даны еще в XVIII веке В. Н. Татищевым и М. М. Щербатовым. В. Н. Татищев полагал, что договор 971 года лишь подтвердил соглашение 944 года. М. М. Щербатов на основании данных византийских источников обратил внимание на то, что по русско-византийскому соглашению Святослав был признан “римским другом и союзником”, а также подчеркнул обязательства обеих сторон, содержащиеся в договоре: Руси — не нападать на Византию, Византии — не покушаться на Болгарию.

И. Н. Болтин, А. Л. Шлецер, Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев и другие историки XVIII — первой половины XIX веков в основном излагали содержание договора 971 года, рассматривая его как признание неудачи русских походов на Балканы. М. П. Погодин считал этот договор вообще “тягостным” для Руси. С. А. Геденов оценил его в ряду других русско-византийских соглашений как “совершенно полный документ” со вступлением, “договорными пунктами”, заключением, а его краткость объяснил военными условиями, работой “походной канцелярии” Иоанна Цимисхия. А. В. Лонгинов также рассматривал соглашение 971 года как стереотипный мирный договор, имеющий форму утвердительной или “обетной” княжеской грамоты. Автор считал, что и летопись, и Лев Дьякон говорят о двукратных переговорах руссов с греками по поводу договора, и представлял себе выработку договора следующим образом. В утвердительной грамоте, подготовленной руссами, содержались речи Святослава, сообщенные послам, которых он направил в греческий лагерь. На этой грамоте и присягнул позднее русский князь. Документ был передан Цимисхию, а в обмен Святослав получил императорский хрисовул. А. В. Лонгинов полагал также, что договор 971 года возвращал Русь и Византию к нормам отношений, сформулированным еще в 907 году. Эту же мысль высказал и Д. Я. Самоквасов, подчеркнувший, что новым в договоре 971 года явилось русское обязательство не нападать на Болгарию. В основе II этого договора, считал автор, лежало обязательство империи уплачивать дань Руси.

Таким образом, в дореволюционной историографии нашли отражение две оценки договора 971 года. Одни историки находили в нем свидетельство неудачи руссов и указание на их поражение в войне с Византией. Другие рассматривали это соглашение просто как документ, восстанавливавший прежние нормы отношений двух государств и включавший ряд новых обязательств Руси на Балканах. Эти же точки зрения нашли отражение и в советской литературе. С. П. Обнорский рассматривал договор 971 года как свидетельство неудачи походов Святослава на Балканы. М. Д. Приселков полагал, что документ, помещенный в летописи, вообще нельзя рассматривать как договор — это лишь обязательства Святослава по отношению к Византии. Ф. И. Успенский оценил заключение договора 971 года как полный крах всей внешней политики Руси конца 60 — начала 70-х годов X в. Д. С. Лихачев высказал мнение, что договор “скорее представляет собою текст присяги”, он носит следы неудачи похода.

Б. Д. Греков занял в данном вопросе компромиссную позицию, подчеркнув, что договор 971 года является документом совсем иного типа, нежели договоры, заключенные с империей Олегом и Игорем. В соглашении, заключенном Святославом, речь идет не о взаимных обязательствах сторон, а лишь об обещании русского князя не нападать на Византию, Херсонес, Болгарию и оказывать грекам военную помощь. Однако Б. Д. Греков не поддержал точку зрения, высказанную ранее Обнорским, Успенским и некоторыми другими учеными, об отражении в договоре полной неудачи русского похода.

Мысль об односторонних обязательствах Руси по договору 971 года проведена в “Очерках истории СССР”, а сам договор назван “почетным для Руси миром”. В “Истории Болгарии” также обращено внимание лишь на военные обязательства Руси. Этой же точки зрения придерживается М. В. Левченко. Он объединил в один мирный договор условия мира, о которых рассказали византийские хронисты, и текст договора, заключенного в июле 971 года, хотя для этого не было никаких оснований. Византийские авторы изложили условия прекращения военных действий и дали общую оценку отношений Руси и Византии после заключения мира, русская же летопись привела конкретный текст соглашения, неизвестный греческим хронистам. В работе М. В. Левченко отсутствует четкая оценка договора 971 года. С одной стороны, он говорит о нем как о соглашении, возобновлявшем, по-видимому, “старый договор 944 года, регулирующий торговые и дипломатические отношения обоих государств”, а с другой — характеризует итог похода Святослава против Византии как “полную неудачу”, что не соответствует смыслу развернутого двустороннего, включающего взаимные обязательства договора 944 года, который, по мысли автора, был возобновлен в 971 году.

В многотомной “Истории СССР” соглашение 971 года расценено как письменный договор о ненападении.

В “Истории Византии” Г. Г. Литаврин отмечает, что договор содержал обязательства не только Руси, но и Византии, однако эти последние автор раздела увидел не в статьях помещенного в летописи соглашения, а, как и М. В. Левченко, в условиях мира, переданных Львом Дьяконом. Вместе с тем Г. Г. Литаврин отметил, что после Доростолского договора торговые и дипломатические отношения Византии с Русью возобновились, однако он не рискнул предположить, что было восстановлено действие норм договора 944 года. Автор распространил понятие “друзья”, которое использует Лев Дьякон, характеризуя новую фазу в отношениях между двумя странами, лишь на русских, прибывших в Константинополь по торговым делам, но это, как мы полагаем, весьма отличается от статуса Руси как “друга” и “союзника” империи в целом.

В. Т. Пашуто представлял договор 971 года в виде “предложений Святослава, написанных на пергаменте и скрепленных его печатью”, и отметил, что в 971 году между Византией и Русью был восстановлен “прежний договор” (надо думать, договор 944 г.), в который русский князь внес “некоторые новые статьи политического характера”. Речь шла об обязательствах русской стороны не нападать, используя свои силы или “наемные иноязычные войска”, на Византию и ее владения, на Херсонес, на Болгарию, быть союзником империи в случае нападения на нее. Здесь же В. Т. Пашуто вслед за М. В. Левченко и Г. Г. Литавриным приводит и обязательства Византии по отношению к Руси, о которых сообщил Лев Дьякон: предоставить руссам свободный проход на родину, продовольствие, считать русских, появившихся в Константинополе с торговыми целями, “друзьями”. “Следовательно, - подводит итог В. Т. Пашуто, — восстанавливался довоенный порядок, с той лишь разницей, что военные обязательства Руси приобрели односторонний характер”.

Подробно остановился на форме договора 971 года С. М. Каштанов. Он отметил, что этот документ, в отличие от соглашения 911 и 944 годов, мало напоминает императорский хрисовул, что связано с особой процедурой его оформления. Если в грамотах 911 и 944 годов слова “Равно другаго свещанья” (первые слова обоих документов) выражали, согласно точке зрения С. М. Каштанова, равносильность грамот соответствующему хрисовулу, то эти же слова договора 971 года автор переводит иначе, а именно: “Экземпляр, равносильный другому экземпляру, составленному при Святославе, великом князе Русском, и при Свенельде, при синкеле Феофиле”. Под “другим” экземпляром С. М. Каштанов понимает договор, заключенный в лагере Святослава. Он не был оригиналом Святославовой грамоты, так как русские послы, по мнению автора, приехали позднее к императору без текста, а лишь с “речами” князя. В лагере же русских был составлен акт, написанный от имени Византии в присутствии синкелла Феофила — главного императорского посла. С. М. Каштанов считает, что в этом экземпляре могли содержаться те самые обязательства Византии, о которых сообщает Лев Дьякон. Тогда же Святослав дал клятву соблюдать мир и закрепить свои обязательства в грамоте, которая будет написана уже при Цимисхии со слов русских послов.

Что касается слов заголовка “и ко Иоанну”, то они относятся уже к тексту самой Святославовой грамоты, составленной в ставке императора. Косвенное подтверждение этого факта автор видит в форме засвидетельствования грамоты: “се же имейте... запечатахомъ”. Здесь имеется в виду множественное число, в отличие от единственного числа предшествующих фраз. Слово “запечатахомъ”, то есть “запечатали”, относится к действию русских послов, которые запечатали грамоту своими печатями, так как Святослав уже принес присягу на верность договору и дальнейшее подтверждение грамоты не предполагалось.

Сообщение в договоре о том, что он написан не “на двою харатью”, как прежние документы, а на одной “харатье” (“на харатье сей”), указывает, по мнению С. М. Каштанова, что в лагере греков был составлен лишь русский экземпляр договора, греческий же был написан в лагере Святослава в присутствии синкелла Феофила. Таким образом, у каждой из сторон оказался экземпляр договора, полученный от другой стороны. В летописи же оказался перевод копии с греческой записи, сделанной лагере- Цимисхия.

В зарубежной историографии специально русско-византийским договором 971 года, как и другими соглашениями Руси с греками, занимались И. Свенцицкий, С. Микуцкий, И. Сорлен.

И. Свенцицкий, анализируя договор 971 года, оценил его как почетный для Руси, хотя и отметил, что он не включал условие уплаты дани Руси Византией и предусматривал полный отказ Руси от притязаний на Херсонес.

С. Микуцкий, как и некоторые другие исследователи, рассматривал грамоту 971 года как “старинную княжескую хартию”, автором которой был сам Святослав. Здесь, по мнению историка, помещены лишь обязательства русской стороны, и все они носят “политический” характер. С. Микуцкий затрудняется ответить на вопрос, который для С. М. Каштанова абсолютно ясен: имели ли послы Святослава с собой только проект соглашения, которому греки придали форму договора, или руссы принесли с собой целиком готовую грамоту. При этом автор обращает внимание на три детали, которые могли бы подсказать решение вопроса: титул императоров—соправителей Цимисхия, сыновей Романа II, Василия и Константина — в договоре определяется словом “богодохновенные”, что, по мнению С. Микуцкого, не соответствует византийской титулатуре и указывает на следы русской редакции текста. Заключительная формула грамоты читается как русская клятва. В начале же грамоты обозначено место заключения договора, что также выходит за рамки византийской дипломатической документалистики.

Все это указывает на русское происхождение документа, а это значит, что он был составлен лишь спустя некоторое время после окончания переговоров, а не тогда, когда русская миссия была в греческом лагере и греческие канцеляристы могли взять подготовку документа в свои руки и устранить те несвойственные греческой дипломатической документалистике черты, которые были отмечены выше.

В более поздней своей работе С. Микуцкий обратил внимание на то, что в этой грамоте, характеризующейся “бедностью” формуляра, почти полностью отсутствует греческое влияние, но в то же время она содержит некоторые элементы, которых не знают прежние документы: хартия была утверждена княжеской печатью, дата заключения соглашения вытекает из самого ее текста.

И. Сорлен полагала, что договор отразил неудачу Святослава по созданию на Балканах огромной империи: в акте представлены лишь русские обязательства, которые означали отказ от этих политических претензий. Сам же договор она, как и некоторые другие историки, представляет в виде княжеской грамоты, включающей лишь русские обязательства. Это типичный “мир”, венчающий окончание военных действий. Он носит более общий характер, чем договоры 911 и 944 годов. В нем нет ни одной статьи, касающейся торговли. Он подвел итоги военной кампании, а потому выглядит лаконичным во всем, что не относится к чисто военным сюжетам: вступление и заключительная часть договора лишь обозначены. Где был составлен договор, как он вырабатывался, в какой канцелярии был написан? Дать определенные ответы на эти вопросы И. Сорлен затрудняется. С одной стороны, пишет она, “Повесть временных лет” указывает на Доростол в качестве места заключения договора, а с другой — там же говорится, что “писано”

при Феофиле, которого автор не без оснований отождествляет с видным византийским дипломатом епископом Евхаитским. А это значит, что грамота могла быть продиктована византийцем Святославу, о чем говорит и наличие в ней обязательств лишь русской стороны.

Для И. Сорлен неясно и место переговоров, которые привели к выработке текста договора.

Согласно русской летописи, они велись в византийском лагере, но И. Сорлен не доверяет здесь летописи, так как, судя по тексту документа, составлен он был в русском лагере. В то же время автор находит возможным предположить, что он был написан Феофилом в русском лагере или греками в византийском лагере после соответствующих переговоров.

Вместе с тем И. Сорлен обращает внимание на такие детали, которые указывают в пользу выработки договора русской стороной. Это и наличие подписи одного Святослава, и изложение текста от первого лица, то есть от лица князя, и пропуск имени императора в инвокации текста. В договоре нет речи о русских христианах (Святослав и его воины — язычники), и это находит отражение в документе. Обращает автор внимание и на аргументы С. Микуцкого: отсутствие греческого эквивалента употребленному в грамоте титулу греческих императоров, нетрадиционное для греков указание на место свершения акта и его дату. И весь стиль грамоты, предназначенной для вручения императору, говорит о том, что она составлена русской стороной. Единственным признаком греческого влияния И. Сорлен признает известную формулу: “Равно другаго освещанья”. В целом же данная грамота — первый документ, где не видно заимствований русской стороной формул византийской дипломатической документалистики.

Наконец, одна из последних оценок договора 971 года дана в работе А. Власто. Он заметил, что, судя по содержанию документа, Святославу пришлось расстаться с мечтами о Балканах, но он мог действовать в качестве греческого наемника в районе Крыма. Тем самым автор полностью отрицает какие-либо достижения русской дипломатии в начале 70-х годов и считает, что в районе Крыма и Северного Причерноморья Русь защищала лишь византийские интересы.

Таким образом, в историографии по-разному оценивается ход выработки договора, остается неясным вопрос о характере договора: был ли это тягостный для Руси или, напротив, почетный мир, содержал он обязательства одной Руси или обеих сторон, являлся ли он конкретной княжеской грамотой или представлял собой стереотипное международное соглашение, возвращающее обе договаривающиеся стороны к нормам соглашения 944 или даже 907 года.

До сих пор окончательно не определен весь объем заключенного соглашения. Являлись ли обязательства Византии, сообщенные греческими хронистами, частью договора или правы те историки, которые объединяют условия договора 971 года и условия, сообщенные византийскими авторами, и в первую очередь Львом Дьяконом, или эти последние были включены в какую-то особую грамоту.

Ответ на все эти вопросы, на наш взгляд, можно получить, осуществив комплексный анализ не только хода переговоров и содержания русско-византийского договора 971 года, но и предшествовавших соглашений Святослава с греками, а также других русско-византийских соглашений в X веке.

Русская летопись при всей краткости сообщения о ходе переговоров дает по этому вопросу более богатый материал, чем византийские хроники.

Как формулирует летописец цель переговоров? — “Хочю имети миръ с тобою твердь и любовь”. А это значит, что Святослав, согласно летописным сведениям, предполагал возобновить с Византией договор “мира и любви”, то есть вернуться к прежним мирным и дружественным отношениям между двумя странами, которые в прошлом определялись сначала договорами 907 и 911 годов, а позднее договором 944 года.

Первое предложение “Святослава было встречено греками положительно, и в русский лагерь отправилось ответное посольство Цимисхия, вручившее дары Святославу. Летописец отмечает: “Се же слышавъ, царь радъ бысть и посла к нему дары больша первых”. Святослав принял дары и устроил совет с дружиной. И здесь вновь, как в 907 и 944 годах, в центре переговоров стоял один из основных для Руси вопросов, касавшийся возобновления Византией уплаты ей ежегодной дани.

Русские послы явились в греческий лагерь, и наутро византийский император принял их. В соответствии с уже сложившейся процедурой переговоров Цимисхий предложил русским послам изложить свои предложения: “Да глаголють сии рустии”. Послы от лица Святослава заявили: “Тако глаголет князь наш: “хочю имети любовь со царемъ гречьскимъ свершеную прочая вся лета”. Тем самым летописец вторично подчеркивает, что цель русского посольства — возобновление состояния “мира и любви” между двумя государствами; на сей раз она выражена в речах русских послов.

Русский посол начал излагать речи Святослава, а греческий писец по указанию императора стал “писати вся речи Святославля на харатью”. По мысли летописца, запись этих речей и составляет смысл помещенного ниже в летописи текста русско-византийского договора 971 года.

Первые слова договора также раскрывают нам процедуру его выработки. Оказывается, что данный договор составлен в результате переговоров, проведенных в Доростоле в присутствии Святослава и Свенельда, и запись его текста осуществлена в присутствии “синкела Феофила”, а сам текст от имени Святослава адресуется к Иоанну Цимисхию. Именно так, на наш взгляд, следует понимать короткую преамбулу договора, последовавшую за словами “Равно другаго свещанья” (“Равно другаго свещанья, бывшего при Святославе, велицемъ князи рустемъ, и при Свенальде, писано при Фефеле синкеле и к Ивану, нарицаемому Цемьскию, царю гречьскому, въ Дерестре, месяца июля, индикта въ 14, в лето 6479”).

Таким образом, весь ход переговоров выглядит в соответствии с летописными данными следующим образом. Первоначально русское посольство появилось в греческом лагере. Оно передало Цимисхию предложения Святослава о “мире и любви” и встретило положительную реакцию. Затем византийский император направил своих представителей с дарами в Доростол. Там и начались переговоры с целью заключения соглашения.

С русской стороны переговоры возглавляли Святослав и Свенельд, с греческой — “синкел Фефел”, которого историки отождествляют с уже знакомым нам епископом Феофилом Евхаитским, участвовавшим ранее в переговорах с болгарами. Выработанный проект договора, адресуемый от имени Святослава Цимисхию, и был сообщен в виде речей русскими послами, вновь появившимися в греческом лагере. Затем документ был окончательно подготовлен во время переговоров русского посольства в лагере греков и утвержден русскими послами. Все это указывает на большую дипломатическую активность сторон, которая, кстати, проявлялась еще ранее в ходе событий лета — осени 970 года и была прервана весной 971 года с началом военных действий.

Историки, писавшие о ходе переговоров, упустили из виду переданные летописью сведения о трехкратной встрече русских и греческих представителей в период выработки договора. Она свидетельствовала об упорных переговорах и, видимо, исключала предполагаемые некоторыми авторами обстоятельства, при которых греки просто продиктовали руссам условия договора.

К этому следует добавить, что после утверждения договора Святослав, по свидетельству Льва Дьякона и Скилицы, обратился к Цимисхию с предложением личной встречи. Сам этот факт вообще чрезвычайно характерен для переговоров “варварских” вождей с греками. И болгарские ханы, и аварские каганы, и руссы в 860 году, и князь Олег в 907 году настойчиво стремились по окончании военных действий непременно лично встретиться с византийскими императорами. Это был вопрос престижа. Такое же пожелание выразил и Святослав, и встреча состоялась. Русский великий князь и византийский император встретились на берегу Дуная и говорили о “мире”.

Характерно, что древний миниатюрист в мадридском манускрипте хроники Скилицы передал эту встречу совсем в ином стиле, чем ее описал Лев Дьякон. На рисунке нет ни пышного одеяния Цимисхия, ни сопровождающей его блестящей свиты, ни скромно одетого Святослава, находящегося в ладье. На миниатюре изображены два сидящие друг против друга человека. Это переговоры равных партнеров. Лишь скипетр и корона отличают изображение византийского императора.

Прежде чем перейти к содержанию договора 971 года, необходимо выяснить, как соотносятся сведения об условиях мира, сообщаемые греческими хронистами, и те условия, которые сформулированы в акте 971 года.

Мы уже отмечали, что некоторые историки объединяют эти сведения в одно целое. Однако делать этого, на наш взгляд, нельзя. В данном случае перед нами факты вовсе не одного и того же ряда.

Лев Дьякон сообщает, что русские послы на переговорах в лагере Цимисхия согласились с греками о следующих условиях мира: руссы передают грекам Доростол, освобождают пленных, уходят из Болгарии и возвращаются в свое отечество. В свою очередь греки обязывались предоставить руссам возможность покинуть на своих судах Доростол, не атаковать их на огненных кораблях, разрешить недавним противникам привозить к себе хлеб, а русских торговцев, появившихся в Византии, “считать по-прежнему друзьями”. Цимисхий предоставил руссам на обратную дорогу хлеб — по две меры на каждого воина. Сведения Скилицы гораздо лаконичнее. Он сообщает о просьбе Святослава к грекам “принять его в число друзей и союзников ромеев” и пропустить вместе с войском на родину, с чем греки и согласились.

Скилица далее расшифровывает смысл этой просьбы. Оказывается, имелся в виду не только безопасный уход руссов из Доростола по Дунаю, но и посредничество византийского императора в предоставлении гарантий такой же безопасности со стороны печенегов при проходе руссов через причерноморские степи. Скилица сообщает, что по просьбе Святослава Иоанн Цимисхий послал к печенегам все того же епископа Феофила, который предложил печенежским вождям восстановить союз с империей, впредь не переходить через Дунай, не разорять Болгарию и позволить руссам “пройти через их земли в свое отечество”. Печенеги согласились со всеми предложениями греков, кроме последнего. Над поредевшим, измученным военной страдой русским войском нависла серьезная угроза.

О просьбе Святослава принять его в число “друзей” и “союзников” Византии писал также Зонара. Самое любопытное заключается в том, что ни одно из условий мира, сообщаемых Львом Дьяконом, не нашло отражения в договоре 971 года, хотя, на первый взгляд, кажется, что византийский хронист сообщает важное условие мира — восстановление для русских торговцев статуса “друзей” империи, которое соответствует духу договора 971 года. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что это условие лишено всякого смысла. Отношения “дружбы” или “мира и любви” связывали не торговцев двух стран, а два государства как таковые, и обмен торговыми караванами в рамках заключенных договоров, определявших и статус русских торговых людей в Византии, являлся лишь следствием этих отношений “дружбы” и “любви”. Поэтому в действительности Лев Дьякон сообщает условия, не имеющие никакого отношения к договору 971 года, а один из его пунктов о восстановлении между государствами отношений “дружбы” и “любви” передает в весьма туманной форме.

Совершенно по-иному трактует этот вопрос Скилица. Он говорит именно о том, что Русь как государство была вновь причислена к “друзьям” и “союзникам” империи. Восстановление этого временно утраченного статуса Руси определялось целым рядом стереотипных условий, таких как уплата Византией своему “варварскому” “другу” и “союзнику” ежегодной дани, выработка взаимных политических, военных и экономических обязательств. В применении к Руси это означало возобновление действия норм договоров 907 – 944 годов.

В связи с этим сообщение Льва Дьякона о придании русским торговцам статуса “друзей” империи как условия мира представляется путанным и неверным по существу.

Но как быть с другими условиями мира, сообщаемыми этим византийским хронистом, об одном из которых — беспрепятственном пропуске русского войска на родину — пишет и Скилица?

Нам представляется, что речь в данном случае идет об условиях не мирного договора, которые, как известно, сформулированы в грамоте 971 года, а об условиях, на которых воюющие стороны согласились с тем, чтобы только начать переговоры с целью заключения этого мирного договора. Перед нами типичное “полевое” перемирие, открывающее путь к мирным переговорам.

Действительно, все условия, о которых говорит Лев Дьякон, затрагивают лишь чисто военную область и касаются не отношений между двумя государствами, а менее значительных, сугубо практических вопросов. Речь идет об уходе русских из Доростола и из Болгарии, передаче грекам их пленных, предоставлении руссам гарантий безопасного отхода по Дунаю, обеспечении их продовольствием на дороге. Это, конечно, не договор о мире, а условия прекращения военных действий. Такое же значение в принципе имели приостановление Олегом в 907 году наступления на Константинополь, некоторый отход его войска от города, что и создало предпосылки для дальнейших переговоров с целью заключения мирного договора между Олегом и Львом VI.

Поэтому, по нашему мнению, совершенно ошибочно ставить в один ряд эти конкретные предварительные условия мирных переговоров и договор 971 года, рассматривать как равнозначные обязательства Руси и Византии, сформулированные, с одной стороны, в этом типичном перемирии, а с другой — в межгосударственном договоре 971 года. Тем более неправомерно было бы считать, как это делает С. М. Каштанов, что в документе, идущем от Византии и написанном Феофилом в лагере Святослава, якобы сформулированы обязательства греческой стороны, а в договоре 971 года представлены обязательства русской стороны.

Кроме того, совершенно неясно, как может быть равносильен договор 971 года “другому экземпляру”, то есть документу, идущему от лица Византии и содержащему лишь обязательства греков, если смысл обязательств, как Византии, так и Руси полностью отличается друг от друга.

Как показывает опыт подобных “полевых” переговоров Византии с арабами, персами, болгарями, аvarами, руссами, пункты об отводе войск, обмене пленными и т. д. являлись, как правило, лишь устными условиями для приостановления военных действий и начала переговоров о межгосударственных соглашениях, определяющих будущие отношения между воюющими странами.

В связи с этим нуждается в серьезных коррективах ранее предложенная схема порядка переговоров, выработки соглашения 971 года. Именно во время первого появления русских послов в лагере Цимисхия и была достигнута договоренность относительно условий перемирия, которые могли быть уточнены во время “ответного” греческого посольства в лагерь Святослава. Там же, в лагере Святослава, в присутствии самого великого князя, Свенельда, главного византийского посла — многоопытного Феофила, епископа Евхаитского, начались переговоры по поводу выработки межгосударственного договора. И речь при этом шла о выработке не двух разных грамот — византийской (необходимости в ней не было) и русской, а той, что была подготовлена совместно русскими вождями и Феофилом и адресовалась Иоанну Цимисхию. Проект этой грамоты на русском языке в виде “речей” послов был представлен византийскому императору и записан по-гречески императорскими переводчиками и писцами.

Вот на этом моменте, проясняющем многое из процедуры выработки грамоты 971 года, хочется остановиться подробнее.

Во-первых, следует обратить внимание на слова договора о том, что он писан при “Фефеле синкеле и к Ивану, нарицаемому Цемьскию...”, то есть, писан не Феофилом, а при нем, а значит, изначальный текст грамоты был сразу же составлен в русском лагере на русском языке. Посол же Феофил выступает в данном случае лишь как представитель греческой стороны, принимающий участие в выработке условий договора. Этому соответствует и известие русской летописи о характере переговоров уже в греческом лагере: русский посол изложил императору “вся речи Святославля”, а писец записывал их “на харатью”. Посол говорил по-русски, а его речи записывались писцом по-гречески, поскольку в русском тексте не было необходимости: проект договора на русском языке был у послов на руках. Этот греческий вариант грамоты 971 года не являлся противнем русского варианта, поскольку грамота адресовалась не обеими сторонами друг другу, а шла лишь от русской стороны к греческой — от Святослава к Иоанну Цимисхию. Поэтому в ее тексте слово “харатья” и употребляется в единственном числе. Однако для “отработки” текста греки должны были иметь перевод русского текста на греческий язык, что и было сделано во время переговоров в греческом лагере.

В общем, верное замечание С. М. Каштанова о том, что летописи не дают основания полагать, что русские послы приехали к императору с текстом — они приехали с “речами”, требует уточнения. Дело в том, что “речи”, которые писец записывал на “харатью”, и были предварительным текстом, выработанным в русском лагере в присутствии Феофила. Это вовсе не исключает того, что греки могли сделать в проекте договора поправки, вставить в него новые пункты и т. д. Однако основа договора была заложена в Доростоле, о чем недвусмысленно говорится в первых его словах, которые мы переводим иначе, чем С. М. Каштанов: “Согласно договоренности, достигнутой (или состоявшейся) при Святославе, великом князе русском, и при Свенельде, написано при Феофиле синкелле к Иоанну, называемому Цимисхием, царю греческому, в Доростоле... Я, Святослав, князь русский...”.

Трудно согласиться, что “другим экземпляром” был договор, написанный от имени Византии и содержащий те самые обязательства “однодневного” характера, о которых сообщил Лев Дьякон.

Что касается клятвы, которую дал Святослав, то здесь мы согласны с С. М. Каштановым. Русский князь мог это сделать в своем лагере в отношении документа, который должен был быть окончательно составлен в греческом лагере, но проект которого выработали в Доростоле в присутствии Святослава. Указание в тексте грамоты на Доростол как на место написания документа также подтверждает нашу мысль, что оригинал грамоты на русском языке был составлен в основном в русском лагере.

К этому надо добавить и наблюдения С. Микуцкого и И. Сорлен о том, что для данного документа характерны некоторые черты, не свойственные византийской дипломатической документалистике (титлатура византийских императоров, определение места составления договора, его дата) и указывающие на русское происхождение текста.

И конечно, наиболее веским аргументом в пользу русского происхождения грамоты (и на это также было обращено внимание в историографии) является ее изложение от первого лица — от лица русского князя Святослава: “Азь Святославъ, князь руский, яко же кляхъся, и утвержаю на свещанье семь роту свою...”.

Что касается множественного числа первого лица в конце грамоты как свидетельства того, что она впервые составлена в греческом лагере, то действительно здесь видны следы процедуры, в которой русские послы приняли участие в греческом лагере: они запечатали грамоту своими печатями, но это вовсе не исключает создания оригинала грамоты в Доростоле. И в основе летописного текста договора 971 года лежит не перевод копии с греческой записи (зачем нужно было идти таким сложным путем, если имелся текст грамоты на русском языке?), а русский оригинал договора, или его рабочая копия.

Понимание всех этих тонкостей необходимо для того, чтобы представить себе истинный смысл дипломатических переговоров относительно важного межгосударственного русско-византийского соглашения. Оно вырабатывалось на протяжении нескольких дней, в течение трехкратных русско-византийских переговоров. Русская сторона была не только их полноправным участником, но и взяла на себя выработку начального проекта договора, который позднее был представлен Иоанну Цимисхию и одобрен в греческом лагере.

А теперь о наиболее спорной стороне проблемы: содержании и историческом значении договора 971 года.

Как отмечено в историографии, этот договор имеет форму княжеской грамоты: он составлен от имени Святослава. И недаром ее называли “обетной” грамотой Святослава, первой русской княжеской грамотой. Однако в данных оценках форма подчас заслоняла собой смысл документа. По своему содержанию соглашение 971 года имеет все черты межгосударственного соглашения.

Прежде всего, следует отметить, что, как и в договорах 907, 911, 944 годов, сторонами, заключившими соглашение 971 года, являются два государства. Князь Святослав выступает от имени Руси, “боляр и прочих” (“и иже суть подо мною Русь, боляре и прочий”, “Яко же кляхъся ко царемъ гречьскимъ, и со мною боляре и Русь вся”). Конечным адресатом грамоты является

не только Иоанн Цимисхий, но и его соправители — византийские императоры Василий и Константин “со всеми людьми вашими”.

Необходимо иметь в виду и то, что Русь обязуется, а Византия, следовательно, это принимает, и впредь соблюдать “мир” и “свершену любовь” “до конца века”. Таким образом, договор охватывает не только живущее поколение, но и поколения будущие, что также является чертой основополагающего государственного соглашения.

В свое время Эверс, Карамзин, Лавровский и некоторые другие историки затруднялись объяснить вышеприведенную фразу о сохранении Русью “мира и любви” со “всяким” греческим императором. Делалась даже попытка объявить это место фальсифицированным и заметить “неверное” “всякимъ” на “верное” “высоким”. Между тем договаривающиеся стороны просто согласились на пролонгированное действие договора и при будущих правителях обоих государств.

Хотя грамота действительно составлена от первого лица и идет от русских к грекам, в этом межгосударственном соглашении выступают две договаривающиеся стороны. И это видно не только из того, что в документе представлены русская и греческая стороны, но и из самого содержания пунктов договора.

Первой статьей данного соглашения является восстановление между воюющими сторонами довоенного состояния “мира и любви”, то есть возвращение Руси статуса “друга” и “союзника” Византийской империи. Святослав клянется сохранять “до конца века” к Византии “мир и свершену любовь”. Рассказ летописца о начале переговоров между руссами и греками также ведет нас в этом же направлении. Русскому посольству, посланному наутро после решающей битвы к Цимисхию, было наказано передать желание Святослава утвердить с греками “мир и любовь”. Тут же летописец устами Святослава расшифровывает одно из основных для Руси условий такого соглашения — уплата империей дани Руси. В ответ на согласие греков заключить мирный договор и на появление в русском лагере византийского посольства с дарами Святослав заявил дружине: “Но створимъ миръ со царемъ, се бо ны ся по дань яли, и то буди доволно намъ”. А это значит, что греки во время первых переговоров в своем лагере дали согласие возобновить уплату ежегодной дани Руси, той самой, за которую боролся Олег, ратовал в 944 году Игорь, которую получал Святослав от Никифора Фоки, сидя в Переяславце, и которой он добивался и добился от Цимисхия летом 970 года. Дань, как мы показали выше, являлась непременным условием заключения “варварскими” государствами договоров “мира и любви” с Византийской империей, тем более речь о ней шла при заключении договора о “дружбе” и “союзе” между империей и тем или иным “варварским” государством.

Скилица и Зонара совершенно определенно писали о том, что по миру 971 года восстанавливался статус Руси как “друга” и “союзника” Византии. А это означало целый комплекс обязательств сторон по отношению друг к другу и первое из них со стороны империи предусматривало уплату дани Руси. Есть на этот счет свидетельства и в тексте договора 971 года. Там говорится, что Святослав поклялся вместе с “болярами” и всей Русью “да охраним правая съвещанья”, то есть первые договоры. Большинство ученых, занимавшихся данным сюжетом, в том числе и Д. С. Лихачев, Б. А. Романов, в академическом издании “Повести временных лет” переводили слова “правая съвещанья” как “прежний (или первый) договор”, между тем как правильный перевод этих слов — “прежние (или первые) договоры”. И это ясно не только из формы множественного числа слова “свещанье” (договоренность, совещание, договор), но и из последующей за этим словом фразы: “Аще ли от техъ самехъ прежереченыхъ не схъранимъ”, то есть, если “мы тех самых вышеупомянутых (договоров) не будем соблюдать”. Как видим, множественное число слов “тех самехъ прежереченыхъ” относится к предыдущему понятию — “правая совещанья”. А это значит, что Святослав ссылается, на все предшествующие “прежние договоры” Руси с Византией, в том числе и на основополагающий среди них договор 907 года. Именно в нем впервые в развернутом виде были определены принципиальные условия взаимоотношений двух государств, говорилось о “мире и любви” между двумя странами, об уплате империей дани Руси, определялся статус русских послов и торговцев в Византийской империи. В ходе последующих за договором 907 года военных конфликтов между Русью и Византией

нарушались не конкретные статьи, скажем, соглашений 911 или 944 годов, а именно принципиальные положения первого развернутого русско-византийского соглашения, на основе которого строились конкретные отношения в политической, военной, экономической и юридической сферах. В июле 971 года Русь и Византия возвращались к изначальным отношениям, определенным условиями соглашения 907 года, которые были повторены и несколько откорректированы в части статуса русских послов и купцов в 944 году.

Русь и Византия возвращались к нормам отношений, определенным не одним каким-то договором, а всеми прежними русско-византийскими соглашениями, и прежде всего соглашением 907 года, поскольку именно в нем было сформулировано условие об уплате империей дани Руси. Оставались в силе и принципиальные положения договора 944 года, определяющие отношения между двумя странами. Однако не все они остались без изменений. Договор 971 года, сохранив принцип отношений между Русью и Византией, внес в них новшества, касающиеся тех политических и военных противоречий, которые вызвали конфликт между двумя государствами в 966—967 годах и в дальнейшем привели к русско-византийской войне 970—971 годов. Святослав заявляет: “Яко николи же помышлю на страну вашу, ни собираю вой, ни языка иного приведу на страну вашу и елико есть подъ властью гречьскою, ни на власть корсуньскую и елико есть городовъ ихъ, ни на страну болгарьску. Да аще инъ кто помыслитъ на страну вашу, да и азъ буду противень ему и борюся с нимъ”. Этим и отличается новый договор от соглашения 944 года. Святослав обязуется не нападать на Византию и на территории, ей подвластные — на Херсонес и подчиненные ему населенные пункты, а также на Болгарию силами русского войска или войск иных стран и народов — союзников или наемников Руси. Одновременно русский князь подтверждает сформулированное еще в договоре 944 года условие о русской помощи империи по просьбе последней (“Аще ли хотети начнеть наше царство от васъ вои на противящаяся намъ, да пишемъ къ великому князю вашему, и послеть к намъ, елико же хочемъ...”). Но насколько действительно новыми являются приведенные выше обязательства русской стороны?

Еще в договоре 944 года есть пункт, запрещающий Руси “имать волости” в “Корсуньстей стране”. В договоре 971 года он повторен и усилен тем, что Херсонес здесь стоит в одном ряду с самой Византией и Болгарией, а также тем, что обязательства Святослава касаются не только русского войска, но и иноязычных союзных Руси войск. Практически повторен и пункт о союзной военной помощи Руси по отношению к империи. Заметим, что в договоре не пересмотрено обязательство империи — оказывать военную помощь Руси по ее просьбе, сформулированное в договоре 944 года. Подлинно новыми являются обязательства Руси не нападать на Византию и Болгарию и не использовать против Византии, Херсонеса и Болгарии своих союзников. По существу эти обязательства означают отказ (по крайней мере формальный) Руси от своей балканской политики и прекращение антивизантийских действий совместно с венграми, печенегами и другими возможными союзниками. Эти пункты договора 971 года, несомненно, являются следствием военных неудач Святослава в этом же году.

В то же время ссылка (видимо, далеко не случайная) на прежние русско-византийские соглашения показывает, что, согласно договору 971 года, остались неизменными другие политические и военные статьи договора 944 года. Во всяком случае, они не прокорректированы и не повторены, как в выше рассмотренном обязательстве.

В новом договоре не сказано ни слова о судьбе Белобережья, устья Днепра, о русских территориях в Северном Причерноморье, то есть о том, чему посвящены определенные статьи в договоре 944 года. Если к этому добавить, что греки в период развития русско-византийского конфликта 970 года настаивали на возвращении Святослава из Болгарии в свое отечество, к Боспору Киммерийскому, что после ухода из Доростола русское войско оказалось на Белобережье и зимовало там, становится очевидно, что военно-политические ограничения, наложенные Византией на Русь, проигравшую военную кампанию, касались в основном территории самой Византии и Болгарии, где Русь полностью теряла свои политические позиции. Напротив, результаты продвижения Руси в Северном Причерноморье, Приазовье, Поволжье, закрепление

русских позиций в районе Нижнего Поднепровья, Поднестровья вплоть до границ с Болгарией остались не пересмотренными этим русско-византийским соглашением.

Практически в договоре 971 года были подтверждены все важнейшие статьи политического, экономического, юридического характера, сформулированные в соглашениях 907 и 944 годов.

В связи с этим рассуждения о том, что договор 971 года содержал лишь обязательства Святослава (русской стороны), становятся безосновательными. В этом документе действительно содержались обязательства русской стороны, но сформулированы они были не в 971, а в 907 и 944 годах, точно так же, как договор 971 года включал и все обязательства греческой стороны, взятые на себя Византией, согласно тем же межгосударственным равноправным соглашениям.

Новые же военно-политические обязательства Святослава были выделены в договоре 971 года особо.

Таким образом, смысл договора 971 года состоит в восстановлении между Русью и Византией отношений *status quo*, сложившихся к 966 году, то есть к началу первой балканской кампании Святослава. На этом согласились обе стороны, хотя грамота составлена лишь от имени русского великого князя, что само по себе несет в себе элемент определенного ущемления государственного престижа Руси и еще раз говорит о военной неудаче Святослава в 971 году. В связи с этим версия о полной неудаче всей внешней политики Руси этого периода, о договоре 971 года как о “тягостном мире” и т. п. представляется неубедительной. Конечно, балканские позиции Руси были утрачены, но зато были закреплены завоевания в жизненно важных для раннефеодального русского государства районах Северного Причерноморья, в Приазовье и Нижнем Поволжье. Неточными являются и причины, выдвигаемые некоторыми историками для объяснения краткости договора: военное время, особые обстоятельства и т. д. Мы полагаем, что договор был кратким потому, что в его расширении не было никакой необходимости: Святослав обязался соблюдать прежние соглашения, новые же политические моменты были в нем отражены в полной мере. В данной военно-политической ситуации это удовлетворяло греков, и они согласились с формой и содержанием выработанного обеими сторонами договора. В свете изложенного становится понятной ненужность двух разных экземпляров договора, включающих обязательства как русской, так греческой сторон.

С осени 971 по весну 972 года был разыгран последний трагический акт дипломатической борьбы между Русью и империей. Дойдя на возвратном пути в ладьях до днепровских порогов, Святослав обнаружил здесь враждебные орды печенегов и повернул назад в Белобережье, где и зазимовал. В связи с этим в историографии было высказано немало предположений о том, что именно греки инспирировали выступление печенегов против Святослава с тем, чтобы нанести страшному сопернику решающий удар. Однако отмечалось также отсутствие на этот счет точных сведений в источниках. Действительно, в “Повести временных лет” сказано, что печенегов известили о возвращении Святослава “съ маломъ дружины”, но имеющем “именье много” и “полонъ бечисленъ” переяславцы, вернее, видимо, антирусски настроенная часть горожан Переяславца, взявшая верх в городе после ухода руссов с Дуная. В то же время нельзя не обратить внимание и на уже приводившиеся сведения Скилицы. Из его сообщения становится ясным, что византийский посол, сообщив печенегам о возвращении войска Святослава на родину и попросив их обеспечить безопасный проход руссов через свои владения, получил отказ. Однако Святославу об этом отказе сообщено не было, и он двинулся вверх по Днепру к порогам в полной уверенности, что его просьба к Иоанну Цимисхию о посредничестве у печенегов исполнена. Мы не знаем, организовал ли епископ Евхаитский нападение печенегов на русское войско, оплачена ли была византийским золотом гибель Святослава, но факт дипломатического вероломства греков, характерного для их внешней политики в целом, здесь налицо. В этом решающем дипломатическом единоборстве Святослава и Иоанна Цимисхия последнее слово осталось за византийским императором. И, тем не менее, в результате балканских походов Святослава и заключения договора 971 года Русь сумела закрепить за собой завоевания в Северном Причерноморье, Приазовье, Поволжье.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что во второй половине 60 - начале 70-х годов X в. дипломатия древней Руси решала новые задачи, вставшие перед древнерусским государством в связи с активизацией его внешней политики, подчинением его власти большинства восточнославянских племен, укреплении позиций Руси в Северном Причерноморье, в частности в районе Таманского полуострова, в Нижнем Поднепровье и Поднестровье.

Внешняя политика князя Святослава Игоревича явилась закономерным продолжением усилий, предпринятых еще Олегом и особенно Игорем по укреплению позиций Руси в Северном Причерноморье, на восточных торговых путях, на подступах к Балканам.

Поход руссов на Восток, разгром Хазарии, военное давление на крымские и причерноморские владения Византии, овладение районом Приазовья и Нижнего Поволжья, отвоевание у Болгарии Нижнего Подунавья, контролировавшего русские торговые пути на Балканы и на Запад, безуспешная попытка поддержать антивизантийскую группировку болгарской знати, опиравшуюся на антивизантийские настроения болгарского народа, наконец, действия Руси с целью нанести решающий удар Византийской империи и посадить на императорский трон своего ставленника — все это характеризует последовательную линию Руси в осуществлении своей внешней политики. Новые внешнеполитические задачи древнерусского государства, осуществление которых выпало на долю энергичного, предприимчивого Святослава, требовали и нового уровня дипломатии. Многообразные приемы и методы древнерусской дипломатии при Святославе Игоревиче основывались на дипломатическом опыте прошлого, способствовали его дальнейшему обогащению в соответствии с развитием древнерусской государственности, расширяющимися политическими связями Руси с другими странами.

Удар по Волжской Булгарии, землям бургасов, Хазарскому каганату был нанесен Русью в удобный для нее момент соперничества Византии и Хазарии в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе и был обеспечен действием союзного (944 г.) договора с Византией и благоприятным нейтралитетом со стороны империи к этому решительному военному предприятию древней Руси.

Одновременно Русь предприняла ряд политических мер для овладения захваченными районами Приазовья и Поволжья. Договор, заключенный с жителями отвоеванных у Хазарии районов, должен был обеспечить здесь прочную и долгую власть древнерусского государства.

Внешнеполитические успехи Святослава в районах Северного Причерноморья, Приазовья и Поволжья неминуемо должны были привести к обострению русско-византийских противоречий.

Окончательное вопреки договору 944 года овладение Русью устьем Днепра, подчинение своей власти славяно-русских племен, живших по Днестру и Бугу, установление протектората над греческими климатами в Крыму создали серьезную угрозу византийским владениям в Северном Причерноморье, и в первую очередь Херсонесу. В связи с этим Византия заключает с Русью тайный договор 967 года, который предусматривал восстановление мирных отношений между двумя государствами, нарушенных русской агрессией в Крыму, отказ Руси от дальнейших нападений на византийские владения в Северном Причерноморье, согласие Византии в обмен на это не препятствовать Руси в овладении Нижним Подунавьем. Святослав использовал при этом развивающийся болгаро-византийский конфликт, дальнейшее ослабление Болгарии, стремясь не только овладеть Нижним Подунавьем, но и восстановить традиционные дружественные отношения с Болгарией, нарушенные в 30—60-х годах X в., поддержать антивизантийски настроенную часть болгарского правительства, феодальной верхушки.

Вместе с тем древнерусские политики, отдавая себе отчет в неизбежности столкновения с империей в будущем, попытались заключить другой тайный договор — на сей раз лично с византийским послом Калокиром о захвате императорского престола этим русским ставленником. Безопасность крымского тыла была обеспечена соглашением с владельцем греческих климатов в Крыму, признавшим свою вассальную зависимость от Руси.

Готовясь в 967 году к дунайскому походу, Святослав создал первую коалицию, обеспечив союз с венграми, поддержавшими его в русско-болгарской войне.

Одной из главных целей восточного похода Руси являлось овладение Подунавьем. Захватив его, Святослав попытался закрепить этот район за собой: сделал Переяславец своей резиденцией, заключил мир с болгарским правительством, поддерживал мирные отношения с империей на условиях договоров 907 и 944 годов и дополнительного соглашения 967 года.

Но с момента появления Святослава на Дунае дни русско-византийского договора 967 года были сочтены. Византия начинает активную дипломатическую борьбу за ликвидацию его результатов: организует набег печенегов на Киев, заключает антирусский союз с Болгарией, способствует началу второй болгаро-русской войны. В свою очередь Святослав укрепляет отношения с венграми, держит при себе Калокира — претендента на императорский трон в Константинополе, следит за развитием внутренних событий в Византии.

Наконец, Святослав весной 970 года начинает против империи войну в ответ на антирусские происки Византии, ее требование пересмотреть договоренность 967 года, вытеснить Святослава из Подунавья, отказ от соблюдения условия русско-византийского договора 907 года об уплате дани, утвержденного в 944 году.

В этой войне Русь выступила во главе коалиции, в состав которой кроме нее входили Болгария, печенеги и венгры. Ее образованию предшествовали русские посольства в Паннонию к венграм и в причерноморские степи к печенегам, а также определенные политические шаги в отношении Болгарии, в результате которых болгарский народ выступил союзником Руси в этой войне. Руссы поддержали в стране антивизантийскую группировку, подавили сопротивление провизантийски настроенной знати, заключили антивизантийский союз с новым болгарским правительством, поддержали государственность дружественной страны, проявили уважение к религии и традициям болгарского народа.

Русско-византийской войне 970 года предшествовали неоднократные дипломатические переговоры сторон, закончившиеся неудачей. И лишь после военных действий, которые в конце концов развернулись близ самого Константинополя, воюющие стороны вернулись к отношениям, определенным договорами 907 и 944 годов и соглашением 967 года.

И вновь для Византии это соглашение явилось лишь средством выиграть время, что стало очевидно во время неожиданного прорыва византийской армии сквозь балканские проходы весной 971 года.

В ходе военной кампании летом 971 года Святославу не удалось возродить антивизантийскую коалицию в прежнем составе. Лишь руссы и антивизантийски настроенные болгары сражались до конца с войсками Цимисхия.

Русско-византийский договор 971 года, выработанный в ходе неоднократных дипломатических контактов обеих сторон, ознаменовал собой окончательный их отказ от соглашения 967 года в отношении Болгарии и вновь возвращал Русь и Византию к исходной точке — тем отношениям, которые сложились между обоими государствами к 966 году, то есть к году успехов русского оружия на Востоке. Договор 971 года возобновил действие норм соглашений 907 и 944 годов, в результате чего Русь вернулась к мирным и союзным отношениям с Византией, признавшей завоевания древнерусского государства середины 60-х годов, укрепление его позиций в Северном Причерноморье.

Дипломатические усилия древней Руси периода 60 - 70-х годов X в. способствовали широкому выходу древнерусского государства на международную политическую арену, служили одним из мощных факторов расширения и развития древнерусского феодального государства.